

Браслет с драконами

Жанр произведения: Детские
Произведение написал автор BookBox Борис Калашников
Ссылка на публикацию

Браслет с драконами

1 Ночное наваждение

Была ясная лунная ночь. Городок спал, и тишина царила в домике под красной крышей, где четвероклассница Соня проживала вместе с мамой – художницей, папой – заведующим аптекой и ласковым котиком Кириллом. Тихо было на улице Парковой, тихо было в маленьком садике, лишь со стороны двух собачьих будок, в которых Сонин папа разместил преданных и отважных псов Цикория и Шалфея, доносилось негромкое сопение, да, изредка, сонное собачье бормотанье.

Соня мечтала стать художницей, как мама, и по четвергам занималась в художественной школе. Эскизы домашних заданий и задуманных рисунков девочка делала в альбоме, приобретенном папой в сувенирной лавке во время экскурсионной поездки по окрестностям горы Афон в Греции. Монах в чёрных одеждах,

передавая покупку Алексею Петровичу, сказал: «Книжица сия более ста лет пролежала в монастырской келье, благодатно намолена и принесёт удачу тому, кому будет подарена!»

В тот вечер юная художница допоздна завозилась с заданным ей рисунком черепахи Тортилы. Когда Сонины веки стали слипаться, а выведенные на белом бумажном листе карандашные линии покачиваться и расплываться. девочка устало вздохнула, захлопнула альбом, поцеловала, золотой крестик в уголке обложки, как это она делала всегда перед сном, погасила торшер и уснула.

Вскоре от неожиданного порыва ветра тревожно прошелестела листва в саду, хлопнула дверь на кухне, а Кириллу, устроившемуся в кресле в гостиной,

приснился страшный сон. Кот хотел, было, даже мяукнуть, но, взглянув на настенные часы, которые показывали час после полуночи, делать этого не стал.

Соню же разбудил лучик лунного света, проникший в комнату сквозь щель между шторами. Девочка подошла к окну прикрыть занавески и замерла: в небе низко висел диск полной луны, и его бледное сияние придавало деревьям и кустам в саду таинственный, колдовской облик. Окинув взглядом комнату, Соня вдруг увидела над своей кроваткой тёмный браслет с мерцавшими в лунном свете серебряными драконами. Украшение висело в воздухе совсем близко, казалось, сделай шаг, привстань на цыпочки, и оно – твоё. Но мираж исчез, как только к нему потянулась детская рука. Но лишь Соня отступила обратно, браслет засветился вновь. Это ночное наваждение влекло к себе, как магнит, и не отпускало. Девочка схватила альбом и, усевшись на кроватке, набросала карандашом предмет, поразивший её воображение.

«Завтра покажу маме, папе, Кириллу, Шалфею и Цикорию, пусть удивятся», – решила она и провалилась в глубокий сон.

– Неплохой эскиз для ученицы четвёртого класса, – заметила Виктория Львовна, рассмотрев работу, – игра света и теней на рисунке удалась. Только скажи, пожалуйста, с чего это тебе пришла в голову такая фантазия?!

Девочка пожала плечами.

– Привиделось во сне, я и изобразила.

– Иногда у художников случается такое, – сказала Виктория Львовна, – но ты – молодец!

Рисовальщице захотелось поделиться успехом со своим любимцем и, заглянув в гостиную, она поднесла раскрытый альбом прямо к кошачьему носу, но Кирилл, увидев плод Сониных ночных стараний, не только не восхитился, а вздрогнул, как от удара.

– Кирюша, ты чего так испугался?! – удивилась девочка.

В ответ на это кот с ненавистью уставился на рисунок, выгнул коромыслом спину и сердито мяукнул.

– Чего тебе здесь не так?! – огорчилась юная художница. – Эта работа даже маме понравилась, а она уж в таких вещах разбирается почище, чем некоторые коты пусть даже с очень пушистыми хвостами!

Кирилл на это только недовольно сощурился, рисунок напомнил ему ночной кошмар.

Соня, тем временем, решила сфотографировать эскиз, навеянный лунной фантазией и поместить в интернете. Пока девочка готовила для этого смартфон, кот оказался в гостиной, запрыгнул на кресло, свернулся клубком, но, как только зажмурился, перед его глазами вновь поплыл Сонин рисунок, и опять привиделся худой сморщенный старик в короне и парчовом камзоле, восседающий на позолоченном троне. По левую руку от царственного деда стоял глобус высотой с человеческий рост, на котором сидел филин и, свесив кривой клюв, пялился в экран планшета. Старик почесал седую бороду и приказал:

– Варлам, срочно разыщи мне черепаховый браслет с серебряными драконами, который Баба-яга в своё время где-то припрятала, а ты по бестолковости своей не уследил!

Кто же знал, что старуха такое вытворит?! нервно затоптался на глобусе ночной хищник.

Мог бы догадаться, если бы поумнее был! Хоть, помнишь, какой он?

Помню, но, если нетрудно, покажи ещё раз.

– Увидишь, только задвинь занавески.

Филин снялся с глобуса пролетел вдоль высоких, стрельчатых окон, и шторы с шорохом закрылись. В полумраке, воцарившемся в помещении, старик сложил руки на коленях, ссутулился, двинул голову вперёд, и в хлынувших из его глаз зеленоватых лучах засветились на стене скреплённые между собой тёмные бляшки из панциря океанской черепахи с серебряными чудищами на них.

–Нарядная штучка, – восхитился ночной хищник.

– Дело не в красоте… Браслет даёт власть над людьми. Заполучив его, я сделаю с планетой, то, что захочу… а я хочу… – вдруг старик запнулся, дрожь прошла по его телу. – Варлам! – взвизгнул, он, показывая пальцем на планшет, светившийся в лапах филина. – Ты не выключил шайтан-машину! Сколько раз тебе толковать: она должна быть остановлена, когда я – Кощей Бессмертный, свои заветные мысли высказываю!

– Секундочку… секундочку, – засуетился филин, только кнопку нащупаю.

– Чую, чую! – голос Кощея дребезжал от возмущения. – наш разговор кто-то подслушал! Из-под земли достану, и вот этими руками, сам, лично, задушу! – и

скрюченные старческие пальцы потянулись к Кириллу.

Кот спрыгнул с кресла и, прижав уши, заметался между креслом и диваном. В этот момент в комнату вошла Соня.

– Кирюша, Кирюша, что с тобой?! девочка подхватила Кирилла, и, прижав к груди, ощутила, как дрожит кошачье тело и бешено колотится маленькое сердце.

Детская ладонь погладила пушистую спинку.

– Тебе, наверное, плохой сон привиделся. Успокойся, мой хороший! Вокруг все свои, мы тебя любим и никогда, никому не дадим в обиду! Хочешь, я отнесу тебя к маме, и она будет писать твой портрет? Сиди себе на столике и позируй, это успокаивает.

– Что случилось?! – обеспокоилась Виктория Львовна, когда Соня с котом на руках вошла в мастерскую.

– Не знаю, – девочка усадила питомца на тумбочку, – я ему показала эскиз браслета, который ты похвалила, а он почему-то испугался. Вроде бы даже после общения со мной задремал, но через некоторое время вскочил и стал носиться по гостиной, словно муха какая его укусила. Пусть немного здесь побудет, может, придёт в себя.

– Хорошо, оставляй. А рисунок, если Кириллу не нравится, больше ему не показывай. Мало ли какие ассоциации этот набросок мог вызвать в кошачьем воображении.

«Вика всё-таки умная женщина, как она во всём разобралась! – благодарная мысль зашевелилась в голове Кирилла. – Действительно, пусть Соня не тычет мне в нос этой дурацкой картинкой, а то свихнуться недолго. Это же надо, два раза подряд один и тот же кошмар! А, может, это не сон, а правда?! А если, действительно, царь Кощей до сих пор живой?! И что ему, собственно, не жить?! Ведь он же Бессмертный! Теперь будет мстить за то, что я узнал тайну какого-то дурацкого браслета. Нет, нет! Всё ерунда. Надо поскорее выкинуть этот бред из головы!»

2 Амулет Бабы-яги

К сожалению, это был не сон, а самая настоящая явь. Кот нечаянно подсмотрел момент, когда Кощей Бессмертный велел филину Варламу приступить к

розыскам браслета с серебряными драконами. Дело происходило на острове Тьмы в тронном зале Престольного дворца Тридевятого царства, небывалого государства.

Как только Сонин рисунок появился в интернете, Варлам запрыгал от радости:

– Она это сделала, она это сделала!

– Ну-кась, ну-кась, подай мне сюда твою шайтанскую машину, – оживился Кощей, приблизил экран к глазам, всмотрелся.

– Хм, это как раз то, что нужно! Не будем тянуть кота за хвост. Так, Варлам, погаси-ка этот твой планшет и призови ко мне помощницу!

Старшая внучка Бабы-яги и Кощея высокая худая ведьма Титуба примчалась на зелёном электрическом самокате и с порога, спросила:

– Зачем звал-кликал, царь-дедушка?

– Одна забота меня гнетёт, разлюбезная моя внучка, люди, там, далече, за морями-океанами забыли про меня Кощея Бессмертного, страшные сказки обо мне не рассказывают, при имени моём не содрогаются, в нечистую силу не верят и живут в своё удовольствие так, будто меня вообще нет! А я – управитель Тридевятого царства, небывалого государства, повелитель всей земной нечисти Кощей Бессмертный ещё, хвала Сатане, существую и хочу о себе напомнить!

– Ты знаешь, как это сделать?! – поинтересовалась Титуба.

– Знаю, – уверенно сказал Кощей, – помнишь ли ты браслет с серебряными драконами, которым владела Баба-яга, чтоб, ей на том свете пусто было?

– Да, конечно, она с тем браслетом носилась как с писаной торбой. Никого к нему не подпускала.

– Бабка берегла эту штукенцию, потому что через неё власть над людьми имела. Старая карга морочила мир самым простецким образом, каждый раз с помощью серебряных драконов насылала наваждение на одного, единственного недоумка. В наше время, когда интернет опутал своей паутиной весь шарик, – Кощей показал пальцем на глобус, – имея браслет, можно в один присест навести глюки на весь ненавистный мне род людской и сделать с планетой то, что заблагорассудится.

– Я понимаю, – закивала Титуба, – если запудрить мозги сегодня, завтра все на белом свете станут произносить твоё имя, стоя на коленях. Так, где же теперь

бабкин талисман?

У Кощея от злости даже синева выступила на скулах.

– Перед смертью старуха, чтоб ей ни дна, ни покрышки, упрятала украшение в известном тебе Городке, но точное место никому не сказала. Тайник, как я теперь понял, можно найти, если выкрасть Соньку, которая этот браслет намалевала. Если девчонку вместе с рисунком сфотографировать на смартфон, на экране появится карта города и крестик над тем местом, в котором браслет схоронен.

– Так, в чём же дело?! Сейчас же смотаюсь, найду рисовальщицу, сделаю фотку и отыщу то, что тебе надобно!

– Погоди, ещё не всё. Старая карга, чтоб её разорвало, наколдовала так, что браслет обретёт свою истинную силу, если надеть его в присутствии этой самой рисовальщицы и сказать: «бурнус, тунгус, буртуз». Поэтому, Соньку выкради, а кота её прикончи.

– С девчонкой – понятно, а чем тебе кот не угодил?!

– Этот наглец сунул свой мокрый нос туда, куда не следует. Он подслушал мой разговор с Варламом и узнал, зачем я ищу браслет. Убей его, Титуба, чем скорее, тем лучше.

– Я поняла, дедушка. Что ещё прикажешь?

– Как доберёшься до места, свяжись со своей младшей сестрой Доротеей, которая обитает в Городке, пусть она тебе поможет.

Титуба брезгливо выпятила пухлые губы.

– На дух не переношу эту Дорку!

– Я тебя не призываю её обожать, но, если для моего тёмного дела нужно, пусть посодействует, – при этих словах Кощей обернулся к филину и приказал:

– Ну-ка, открой и покажи!

Ночной разбойник ткнул клювом в Северный полюс, глобус засветился изнутри и стал медленно поворачиваться, представляя леса и поля, континенты и страны. Показались Кавказские горы, шар замедлил вращение и остановился. Картинка приближалась, становилась чётче и крупнее, на задний план отошли заснеженные вершины и отвесные скалы. Стал различаться силуэт Городка, железнодорожный вокзал, стадион «Спартак», гостиница Рио, двухкомнатный

номер, женщина в кожаном кресле с вытянутым мышиным носом, ярко накрашенными губами, у её ног собачонка с выпученными глазами.

Царь покосился на Титубу.

– Узнаёшь?

– С этой своей пучеглазой собакой, Доротея мне кажется ещё противнее! – воскликнула та.

– Собачонку для твоего сведения зовут Паулиной, – Кощей жестом остановил ведьму, – смотри дальше.

В голубоватом свете замерцали Старый парк, небольшой домик на Парковой улице, где в саду перед мольбертом стояла женщина с кисточкой в руках и, посматривая на сидевшего перед ней на табурете кота дымчатой масти, прикасалась кистью к полотну.

Калитка пропустила во дворик светловолосую девочку со школьным ранцем за спиной и мужчину лет тридцати в голубой сорочке. Художница улыбнулась, кот бросился к ученице и пышным хвостом стал тереться об её коленки. Из-за куста смородины выскочили две собаки: одна чёрная остроухая с рыжими подпалинами на груди и на морде, другая пегой масти, с широкими, обвислыми ушами. Псы выдали вошедшим такой восторженный танец радости, будто эта встреча стала главным событием в их собачьей жизни.

– Как тебе, семейка? – спросил Кощей.

– Ненавижу! Мы – нечистая сила, не можем позволить людям быть такими счастливыми, и всё должны им испортить, – отозвалась ведьма и пообещала: – не сомневайся, это гнездо я растопчу, кота изведу, браслет и девчонку тебе добуду.

Царь ухмыльнулся.

– Сделаешь, как говоришь, награжу секретом вечной молодости.

– О, это приз, так приз! Обещаю тебе, дедуля, буду лезть, как жаба на пенёк, но наказ исполню!

– Готовься к выезду. Для прикрытия возьми с собой цирковую труппу, обязательно включи в неё силача Жоржа и питона Хунга, пригодятся. Перед выходом на манеж змея наряди в соломенную шляпу и в костюм, дай в лапы трость для солидности. По ночам он будет хулиганить, с этим ничего не

поделаешь. Когда на арену выползет питон, как он есть в природе, люди сразу начнут пальцами тыкать: «Вот кто в тёмное время безобразничает!», а когда змей в шляпе, при галстуке, да с носовым платочком, платочек, кстати, обязательно нагладь и в нагрудный карман ему положи, то все подозрения улетучатся: зверь в костюме для них уже не опасный хищник, а культурное существо.

Ты, чего, дед?! какой костюм! Какая трость! Это же питон, а не крокодил. У него ведь лап нет! В зубы ему что ли всё это впихнуть?!

Ни в какие, ни в зубы! Одень, как царь велел! На то он и царь, чтобы приказывать! А ты, бестолковая, должна исполнять! Заладила: «Лап нет!». Ведьма ты или не ведьма?! Приделай ему механические на шарнирах.

Протезы, что ли? недовольно хмыкнула Титуба.

Протезы, не протезы, но, чтобы шевелились и за то, что поблизости хватались Напяль на выступление, а потом выбрось! Моё повеление: Хунг должен смотреться так: Кощей выкатил глаза, из царских зрачков брызнули лучи ядовитого зелёного цвета, в их свете проступил на стене портрет Хунга в соломенной шляпе, в пиджаке и при галстуке.

Вот так! Принаряди, как я сказал, иначе, сама знаешь, я в гневе крут!

Хорошо, хорошо, испуганно залепетала Титуба, всё исполню, как ты велел.

Вот, так-то лучше, перестал кипятиться Кощей, делай!

Милый дедушка, вкрадчивым голосом запела ведьма, и показала пальцем на шкаф красного дерева в углу зала, там у тебя опасные смерчи, разреши мне хотя бы один прихватить с собой. Мало ли что может приключиться, а с хорошим техасским торнадо, я из любой ситуации выкарабкаюсь.

Старик сдвинул седые брови и отрицательно замотал головой.

Вихри вещи ценные… «климатические пушки» по научному… до поры до времени я держу их в секрете…

«Надо же, какой жадюга! У него этих смерчей, как снарядов на артиллерийском складе, а он мне, родной внучке, один пожалел!» разозлилась Титуба, но виду не подала.

Тут сутулые плечи Кощея затряслись от кашля, он покрутил шеей и стал сморкаться в носовой платок.

«Так, кашляй, кашляй, старая жадюга, пока ты прочихаешься, я прихвачу то, что мне нужно», мысленно сказала ведьма, дёрнулась к шкафу, полки которого были уставлены коробочками разных цветов и размеров. В какую-то долю секунды одна из них круглая, пластиковая, похожая на тёмно-вишнёвую пудреницу, оказалась в кармане воровки.

Кощей ничего не заметил и, наконец, прокашлявшись, продолжил свои наставления:

Когда прибудешь на место, каждые три дня о своих делах оповещай, если же мне от тебя что потребуется, нажму вон ту красную кнопку справа, – царь показал на резную тумбу напротив трона, на которой светились, каждая на отдельной лакированной подставке, красная и зелёная кнопки.

– С головой и глазами у тебя, не всё, как следует, а там, на тумбе, не одна, а две кнопки. Смотри, не перепутай, нажмёшь не ту, которую надо, сгинешь, ни за понюх табаку, а нам-то без тебя как?!

– Только глупые цари запоминают, а умные записывают, – Кощей напялил на нос очки с линзами толщиной с мизинец, достал из кармана записную книжку и, водя по строчкам указательным пальцем, скрипучим старческим голосом прочитал: «красная кнопка справа – «связь с нечистью»; зелёная кнопка слева – «отказ от бессмертия».

3 Шапито

Первый урок в пятом классе в этот день отменили, поскольку преподаватель математики заболел, и Юрка подумал, что до второго урока, если пораньше встать и шустрее двигаться, он сможет немного порыбачить, занести улов, если таковой будет, бабушке и прибыть в школу к уроку истории.

Вначале не везло, но, когда надо было уже сматывать удочку, как назло, пошёл клёв. Азартный рыбак увлёкся, и взглянул на часы, когда в пластиковом ведёрке заплескался уже седьмой попавшийся на крючок карась. О том, чтобы заскочить домой, уже не могло быть и речи. Удочка и ведро с уловом были спрятаны в кустах, а удильщик помчался в школу.

Возможно, он и успел бы на второй урок, но вдруг почти у самого выхода из парка услышал рычание моторов и громкие людские голоса. На парковой поляне, которую Юрка знал, как свои пять пальцев, вдруг, словно из-под земли вырос громадный, в красно-жёлтые полосы шатёр, и суетились рабочие в строительных

комбинезонах, стояло несколько грузовиков с синими строительными вагончиками на прицепах. На глазах у пятиклассника длинная стрела автокрана подняла один из них и, покачав на тросах, медленно опустила на усыпанную опавшей листвой траву. Пройти мимо, не узнав, что происходит, было никак нельзя.

Дяденька, обратился мальчик к проходившему мимо мужчине в строительном комбинезоне, что это вы здесь делаете?

Шапито разворачиваем, бросил тот, даже не посмотрев на спросившего.

Юркины глаза полезли на лоб от удивления.

Какой ещё «шапито»?!

Обыкновенный цирк-шапито. Мальчик, не путайся под ногами, видишь, спешим!

Юрке пришлось обратиться к другим рабочим и в конце концов удалось выяснить, что в Городок приехала знаменитая заморская цирковая труппа, для представлений которой натянут шатёр, вагончики расставляются для размещения артистов и дрессированных зверей.

Внимание любопытного школьника привлёк вагончик с табличкой «Террариум». над входной дверью.

А, это для кого? спросил он крепкого бородатого дядьку и показал пальцем на табличку.

Здесь будет жить питон, говорят, очень крупный и прожорливый, видишь, даже решётки на окнах установили.

Ничего себе! Юрке захотелось узнать побольше об опасном хищнике, но рабочий, переменив тон, сказал строго:

Кстати, а ты почему здесь болтаешься? На строительной площадке не должно быть посторонних!

Тут мальчик вспомнил, что опаздывает, развернулся и быстро зашагал прочь, но, как ни торопился, на второй урок прибыл за десять минут до его окончания.

4 Генерал в перьях

Привет, ребята! громко и сипло раздалось в саду.

Цикорий и Шалфей высунулись каждый из своей будки, на ветке яблони покачивалась ворона Клавдия. Год назад птица поранила крыло, не могла летать, и два друга целый месяц попеременно охраняли её от котов и бродячих собак. Поправившись, Клавдия сохранила чувство благодарности к спасителям и, пролетая над их будками, не забывала каркнуть в знак приветствия, если было время, залетала пообщаться.

Известно. что вороны, формально не являясь перелётными птицами, на самом деле тоже мигрируют. Опытные пернатые, как правило, и зимой остаются на родине, а стаи молодняка, чтобы провести первый в их жизни холодный сезон в более спокойных условиях, осенью перемещаются на зимовку южнее. Обустроиться в новых краях молодым помогают уже опытные и уважаемые представители местного вороньего племени. Клавдия как раз и была одной из этих бывалых ворон. Она умело управляла прилетевшей издалека и нуждающейся в поддержке молодёжью, поэтому пользовалась в перелётных стаях непререкаемым авторитетом. В осенне-зимний сезон под её началом оказывались тысячи переселенцев, для которых умудрённая опытом ворона становилась заботливым, но строгим командиром, можно сказать, генералом в перьях.

Клавдия обитала в Старом парке, знала каждое дерево, каждый кустик и была в курсе всех происходящих там событий. Кроме того, мудрая птица умела читать. Она подбирала на парковых скамейках газеты, оставленные отдыхающими, надевала очки с треснутыми стёклами, которые раскопала на городской свалке, и с интересом просматривала. Словом, в лице «генерала в перьях» псы имели отличный источник достоверной информации, как о событиях в Городке, так и в окружающем мире, и. конечно, ценили каждую встречу с Клавдией.

Рады тебя видеть, Клава! потряс ушами Шалфей. Что новенького?

Да, вот, закаркала птица, интересная новость: в Городке будет выступать заморский цирк.

Не может быть, чтобы у нас, да заморский цирк! не поверил Цикорий. Артисты из-за моря едут в Москву, в Санкт-Петербург, иногда в тот же Ростов, ну, в крайнем случае, в Ставрополь или Владикавказ, но, чтобы завернули в нашу дыру, сомневаюсь.

От слова «дыра» ворону даже передёрнуло.

Как можно так называть место, в котором живёшь! Обозвать «дырой» прекрасный курорт, это надо додуматься! Извини меня, Цик, но не Городок дыра, а в голове у тебя дыра!

Цикорий возмутился и даже зарычал от обиды.

За друга вступился Шалфей.

Клавдия, ты зря про дыру. Цик любит Городок, он просто не так выразился, что со всеми иногда случается.

Ворона несколько успокоилась.

Извини меня, Цикорий Я немного погорячилась. Ты хороший пёс и отличный товарищ, тебе только образования немного не хватает. Не обижайся, пожалуйста, на старую ворону. Словом, у нас будет выступать заморский цирк. Я своими глазами видела… в парке шатёр уже натянули, вагончики расставили… обязательно залечу на представление.

Шалфей оживился

Прекрасно, Клава, может, и нас Лёша с Викой сводят.

Да, конечно, попросите их … но имейте ввиду, там в артистах дрессированный питон числится. Я его видела. Толщиной с телеграфный столб, длиной с автомобильный фургон, глаза противные, так и высматривают то, что можно спереть. Ему Кирилла проглотить раз чихнуть.

Пусть только попробует! прорычал Цикорий. Я ему уши сразу отгрызу.

Ничего ты не отгрызёшь Цикорий, возразила ворона.

Я, не отгрызу?! у пса даже слюни полетели из пасти от обиды. Ты, Клава, меня плохо знаешь. Вот, увидишь, я это запросто…

Не получится! ехидно сощурилась Клавдия.

Почему?! У меня посмотри какие зубы! пёс оскалился, блеснув двумя рядами острых, жемчужной белизны зубов.

В ответ на это ворона лишь отрицательно помотала головой.

Нет, Цикорий, поверь мне, не отгрызёшь, и не потому, что у тебя зубы плохие, а потому что у змей ушей не бывает.

5 Царь египетский

Глаза учительницы истории уставились на измазанные глиной джинсы опоздавшего ученика.

– Куклин, в таком виде?! Почему так поздно и без ранца?!

– Я, Мария Михайловна, не хотел опаздывать, просто к нам в город, оказывается, цирк приехал… питон будет выступать… а испачкался я, когда перед занятиями немного рыбачил… так, получилось, не проследил за временем, а тут ещё этот питон… откуда он только взялся на мою голову, извините! Я карасей наловил, могу вам парочку предложить, если хотите.

Надя Лукова, сидевшая за первой партой среднего ряда, закрыла рот ладонью, чтобы не прыснуть. Учительница нахмурила брови.

– Смеяться, Лукова, не над чем! Учащийся изволил явиться к концу второго урока без учебников, несёт бред про какого-то питона и вдобавок рыбками пытается откупиться. Скажи, пожалуйста, Юра, а ты готовился к уроку?

– А как же?! Конечно, готовился.

– Ну и что ты можешь сказать о древнем Египте?

– А что про него можно сказать?! – Юрка пожал плечами. – Древний Египет, он и есть древний Египет, там жили египтяне.

– Да, мысль о египтянах, конечно, глубокая. А, кто там пользовался неограниченной властью?

Глаза ученика скосились к окну, словно там хотели найти подсказку, затем уставились в пол.

– Ну, это… царь, наверное…

– «Царь, наверное»? – с сарказмом повторила Мария Михайловна. – Скажи нам, пожалуйста, как он назывался.

– Ну, царь он и есть царь. Как его ещё называть?!

– А точнее, если можно.

– Не знаю.

– Даю подсказку, это не просто царь, а царь в Египте, понимаешь, в Египте!

Юрка утёр рукавом пот, выступивший на лбу.

– Ну, тогда, царь египетский.

В классе вспыхнул смешок, но под строгим взглядом учительницы тут же погас.

– Ну, знаешь, это переходит все границы! На прошлом занятии, на котором ты, кстати, присутствовал, я подробно освещала эту тему. Но у тебя, как обычно, в одно ухо влетело, а в другое вылетело. Объясни нам, только честно, пожалуйста, чем ты занимался на уроке, на котором я рассказывала о египетских фараонах?

– Честно? – переспросил ученик.

– Конечно, честно.

Юрка заколебался, переступил с ноги на ногу и затем выдал неуверенно:

– Я, Мария Михайловна, думал про собачью жизнь.

Ручка, которой учительница стала заполнять классный журнал, выпала из её пальцев, глаза недоумённо уставились на ученика.

– И какая же она, эта жизнь?

– Очень, Мария Михайловна, сложная.

– Что ты имеешь в виду, когда рассуждаешь о сложности?

– Можно сказать, собачья жизнь.

Класс вначале затих, а потом захлебнулся смехом. Смеялись все, и маленькая Надя Лукова, прикрывая рот ладонью, и самый высокий в классе Витька Косарев, вонзив пальцы в густую шевелюру. А рыжий Генка Самойлов, выкрикнув, «у собак собачья жизнь… ха-ха-ха!» катался головой по парте и стучал каблуками.

– А что они ржут, Мария Михайловна, – обратился Юрка к учительнице за поддержкой, – собачья жизнь, она трудная. Вот жили Цикорий с Шалфеем у лекаря Епифана Скорнягина. Охраняли дом, исполняли, как могли, свою собачью службу, а он их ни с того ни с сего вдруг взял и выгнал. Это ещё хорошо, что Сонины, ну, девочки из четвёртого класса, родители их взяли к себе… а так бы в собачий приют и прощай свобода навеки… целая трагедия назревала, а Генке, лишь бы живот надрывать.

– Мне, Юра, не до смеха, – сказала историчка, – это надо догадаться, на уроке истории думать о каких-то собаках.

– Я непросто думал, я ещё размышлял о том, как научить моего друга пса Цикория стихи сочинять.

– Интересно, как же можно научить этому собаку, если сам не умеешь?

Как это я не умею?! скорчил обиженную физиономию Юрка . Очень даже умею! И учить буду друга Цикория собственным примером.

Как это?

Ну так, куплет, который я на уроке истории сочинил, прочитаю Цикорию, а он в подражание своё начнёт лепить.

Может, ты нам озвучишь эти твои перлы? Мария Михайловна ехидно улыбнулась.

– А что, – сказал Юрка с вызовом, – и озвучу, хотите про собачью жизнь осенью?.. пожалуйста, я с удовольствием.

Он распрямил грудь, поднял голову и начал читать с завыванием:

«Тоска, по небу тучи бродят,

Гуляют кошки по двору,

Собака пищи не находит,

И грустно воет на углу».

– Занятно, – учительница сложила руки на груди, – и на эти четыре строчки ты потратил весь урок?!

– Вот вы сами не пробовали складывать рифмы, Мария Михайловна, потому так говорите… стихи писать очень трудно. Иногда целых пять уроков голову ломаешь, а в результате… ничего.

Так, у тебя только это, или есть ещё?

– Конечно, я же не только на вашем уроке сочинял, но, чтоб вам не обидно было, и на других тоже… вот, пожалуйста, о весне, это я на географии:

«Поют нам птички, солнце светит,

Кузнечик прячется в траве,

Гулять мне хочется до смерти,

В зелёном парке по весне».

Если бы ты, Юра, на учёбу был также заряжен, как на прогулки по парку, наверняка стал бы лучшим учеником в классе.

Пятиклассник пропустил это замечание, мимо ушей и похвастался:

Я, кстати и шуточные стихи сочиняю, прочитать?

Давай, только коротко, – согласилась учительница.

Это не займёт много времени. Вот, пожалуйста:

«Шёл по парку, песни пел,

Ежа на пне я не заметил

И на него с размаху сел».

Класс зафыркал и лёг на парты. Одни стали кричать «Бедный ёж!», другие просто громко хохотали. У некоторых учеников от смеха выступили слёзы на глазах.

Историчка развеселилась вместе со всеми.

Отсмеявшись, она достала из сумочки салфетку и стала протирать очки, – Знаешь, Юра, мне кажется, про ежа у тебя очень даже неплохо получилось, хотя, я теперь думаю, этот роковой контакт с ежовыми колючками сильно сказался на твоих умственных способностях, что и помешало тебе выучить урок.

Тут только Юрка осознал, что над его поэтическим даром издеваются и делают это самым изощрённым образом.

– На самом деле я на ежа вовсе не садился, и никакой ёж на мои способности не влиял! Это просто стихи! Вы, Мария Михайловна, как я понял, – голос мальчика дрогнул, – в поэзии разбираетесь не больше, чем я в древних египтянах!

От такого сравнения смех сразу испарился из серых учительских глаз. В одно мгновение они стали строгими и колючими. В классе воцарилась напряжённая тишина.

– Да? Ты… так думаешь? – Мария Михайловна стала заикаться от возмущения. – Это переходит… все границы. Я уже скоро десять лет, как в школе, но, чтобы ученик на уроке подобное себе позволил – впервые в моей педагогической практике. Я не могу этого больше терпеть. Давай, сходи к Николаю Акимовичу

стихи почитай про этого самого ежа, может, и он посмеётся. Объясни заведующему учебной частью, почему ты, уже в который раз явился на урок истории, не выполнив домашнее задание. Ему, полагаю, будет интересно!

Николай Акимович принял проштрафившегося пятиклассника, не отрывая взгляда от компьютерного экрана, слушать стихи отказался.

– Озвучивать твои творения не стоит, видишь, занят… но, скажу, это не первая жалоба от учителей, все говорят, что ты мог бы учиться лучше, но относишься к занятиям слишком легкомысленно, придётся, наверное, позвонить Надежде Павловне.

– Пожалуйста, не надо бабушке! – взмолился школьник. Скоро заморский цирк выступать будет, а из-за вашего звонка она меня на представление не пустит.

Николай Акимович взглянул на Юрку поверх очков.

– Я тебя понял. Надо вести себя, как положено ученику пятого класса, тогда и звонков не будет. Кстати, когда твои родители возвращаются из геологической экспедиции?

– Папа говорил, в октябре.

– Хорошо, Надежде Павловне звонить не буду, но с твоим папой, как он появится, обязательно побеседую.

В это время в кабинете раздалась резкая трель телефона, завуч отвлёкся от компьютера, трубка оказалась у его уха.

– Здравствуйте, здравствуйте, Лидия Васильевна. Помню ли я что у вас кружок в следующий вторник? Конечно, помню. Записались Соня, Кристина и всё? Понимаю, два человека мало. Вот они современные дети, их ничто не интересует, кроме гаджетов. Но, знаете, кружок дело добровольное, заставлять не можем. Конечно, занятие надо проводить, а ещё одного любителя зоологии я попробую вам подбросить.

Прикрыв ладонью трубку, Николай Акимович обратился к пятикласснику.

– Во вторник Лидия Васильевна, наша бывшая очень уважаемая учительница, взялась после уроков провести зоологический кружок. Но вот незадача, записалось только две девочки из четвёртого класса, а надо не меньше трёх учеников. Сходи, как раз и поговоришь с Лидией Васильевной про собачью жизнь, эта тема зоологу всё-таки ближе, чем учителю истории. Ну, как,

пойдёшь?

Щёки мальчика покрылись пунцовым налётом.

– У меня по вторникам тренировки. Нам скоро играть с «Востоком», а я вратарь… надо быть в форме.

– Очень жаль, – завуч покачал головой, – придётся искать кого-то другого.

– А Соня будет? – с нарочитым безразличием спросил Юрка.

– Я так понял, что да.

– Ладно, не надо другого. Схожу, конечно, раз вы просите. А почему не сходить? Тренера заранее предупрежу, а потом в парке сам попрыгаю и упражнения сделаю.

– Ну, вот и договорились, – завуч снял очки и ободряюще кивнул, – а теперь, в класс. Что там у вас следующим уроком? Хм, литература. Вот и отлично. А стихи почитай Майе Георгиевне, она-то точно разбирается в поэзии лучше, чем ты в египтянах.

Николай Акимович сдержал своё слово и неприятного для мальчика звонка не сделал, однако Юрку это не спасло. Мария Михайловна, встретив бабушку в магазине, нажаловалась.

– Вы понимаете, Надежда Павловна, – возмущалась она, – я целый урок перед классом распиналась, рассказывала про Египет, а он витал где-то в облаках и даже слово «фараон» не запомнил! При этом Юрий очень даже неглупый мальчик, стихи, как мне признался, пишет, а тут такое! Понимаете, у нас уже вторую неделю идёт эта тема, а он делает вид, будто ничего даже не слышал про фараонов. С ума сойти можно, от такой распущенности!

6 Нет в жизни больше радости, чем людям делать гадости

Утром в номере «люкс» отеля «Рио», в котором проживала Доротея со своей собачонкой Паулиной, раздался телефонный звонок.

– Дорочка, только не падай, пожалуйста, в обморок, это твоя старшая сестра Титуба. Я уже несколько дней здесь и вот, наконец, раздобыла твой телефонный номер, хочу встретиться, – прохрипела трубка.

Растерянный взгляд Доротеи упёрся в гостиничный потолок, затем в пол. Титуба – любимая внучка Бабы-яги, которой старая ведьма оставила своё наследство.

Сёстры с малых лет меж собой не ладили. Старшая требовала от младшей беспрекословного подчинения, если Дора противилась, то получала щипки и царапины. Жаловаться на неё бабке было бесполезно, та всегда брала сторону своей любимицы. Длинную, костлявую, слегка сутулую Титубу с бабкиным крючковатым носом и острым подбородком, старуха ласково именовала Титубушкой, Доротею презрительно обзывала Малявкой.

Младшая из внучек смогла вздохнуть спокойно только лет пятьдесят тому назад, когда Титуба перебралась на жительство к деду Кощею на остров Тьмы. Отправляясь за моря-океаны, она захватила с собой почти всё бабкино колдовское барахло: высушенные жабьи шкурки, мухоморы, перетёртые с бледными поганками, истрёпанные колоды карт и прочие штучки-дрючки.

– Ты мне не рада? – спросил телефон.

– Нет, почему же? Рада, даже очень рада, – неуверенно отозвалась Доротея, – но, сколько лет прошло, от тебя ни весточки… и вот ты здесь, для чего, зачем… не понимаю.

– Чтобы обо всём переговорить, надо встретиться, – донеслось из трубки, – давай, через часок в кафе «Сыр-бор», где я обычно завтракаю.

В назначенное время Доротея была на месте. В дальнем углу пустого зала за столиком сидела худая черноволосая женщина, лицом совершенно непохожая на Титубу. Увидев вошедшую, брюнетка вскочила и ринулась обниматься. Доротея холодно отстранилась: да, волосы, как смоль, глаза пустовато-голубые, но ни крючковатого носа, ни острого подбородка, и эти пухлые губы.

– Дора, Дорочка, не узнала?! Это я, твоя сестрёнка! Тебя, наверное, пугает моя новая внешность?! – угадав её сомнения, воскликнула Титуба. – У нас в Тридевятом царстве придать себе другой облик – проще пареной репы, одна операция в клинике для пожилых ведьм, и теперь мне мои сто восемьдесят два никто не даёт, максимум, говорят, сорок пять.

Титуба холодными губами чмокнула сестру в щёку и показала на свободный стул.

– Усаживайся, место тихое, мы сможем спокойно посудачить о своём.

– А что это у тебя ногти такие длинные и острые?! – поинтересовалась Доротея, когда сёстры устроились друг против друга.

– Шикарные коготки и непростые! – Титуба самодовольно повертела растопыренными пальцами с чёрными, остро заточенными ногтями. – Мне наклеили в той же клинике, в дополнение я их смазала бабкиным ядовитым снадобьем. Стоит царапнуть кого, сразу дух вон.

Глаза заокеанской гостьи сощурились и потемнели. Она растопырила пальцы и нацелила ногтищи в лицо собеседнице.

– Хочешь, на тебе испытаю?

– Нет! – испуганно вскрикнула Доротея и на всякий случай выскочила из-за стола.

– Ага, струхнула! – рот заморской ведьмы скривился в злорадной ухмылке. – Не буду, не буду. Это шутка. Не бойся. А губы раздутые, – упредила Титуба следующий вопрос, – мода у нас на это в Тридевятом царстве пошла, и я, чтобы не выглядеть дремучей лохушкой, закачала в свои силикон.

– Губы тоже ядовитые? – опасливо спросила Доротея.

– Нет, не волнуйся, они только для красоты. А вообще, чтоб ты знала, я теперь первая помощница царя Кощея, сюда прибыла по его поручению, для видимости привезла с собой цирк, а на самом деле…– и заокеанская ведьма поведала сестре, зачем правитель небывалого государства направил её в Городок, рассказала об обещанной награде.

– Так, что тебе нужно от меня? – поинтересовалась младшая ведьма.

– Выкради Соньку, которую ты знаешь, и прикончи её кота.

– Своровать и с котом разобраться – нет проблем, но с чего Кощей уверен, что эта рисовальщица станет делать так, как он велит? Девчонка с норовом.

– Не волнуйся, Кощей в один угол дунет, в другой плюнет, прошепчет заклинание, Сонька превратится в дряхлую старуху, которая будет сидеть в кресле, хлопать ушами, а дед, заполучив браслет, будет творить с миром то, что захочет!

– Поняла, украду, только пусть старик и мне секрет вечной молодости дарует.

– Хм, хм, у сестрёнки моей я вижу, губа не дура… ладно, я ему скажу, он и тебя наградит.

– Поклянись на крови, что попросишь за меня!

– А ты поклянись, что похитишь девчонку и будешь хранить в тайне всё, что я тебе открыла!

Титуба серебряной булавкой проколола свой указательный палец и три капли ведьмовской крови вспенили кофе в её чашке. Булавку получила Доротея и последовала примеру старшей сестры. Над забурлившими в обоих сосудах напитками поднялись тёмные пенистые короны. Колдуньи обменялись чашками, встали и жадно выпили.

На их лицах проступили зелёные пятна, глаза выпучились.

– Ха-ха-ха! – разразилась Титуба зловещим смехом, – заполучим браслет, ух, и покуролесим! Начнём с детей. Будем внушать малолеткам ненависть к родителям, учителям, книгам. Пусть растут тупыми, злыми, жадными и слушаются только Кощея и нас. – Она схватила сестру за руку, и завизжала, пританцовывая:

«Звёзды на небе погасим,

И начнётся полный мрак,

Сами весело запляшем,

На земле ж посеем страх!»

Доротея взвыла, вторя старшей сестре:

«Нашлём войны, ураганы,

Запылает белый свет,

Захотим похулиганить,

Никому пощады нет!»

Обе ведьмы затрясли кулаками, угрожающе раздули ноздри и хором завопили:

«Нет в жизни больше радости,

Чем людям делать гадости!»

Подпрыгивая и высоко задирая коленки, они стали отплясывать какой-то дикий танец, выкрикивая, как заклинание после каждого куплета:

«Мусором мозги забьём,

Род людской мы изведём!»

Наконец Титуба устала.

«Заболотим всё вокруг,

Истребим мы русский дух!»

Выдохнула она из себя и в изнеможении плюхнулась на стул.

– Всё, не могу больше! Скажу только вот что тебе, сестра. Рано или поздно Кощей окочурится, и тогда править земной нечистью будем мы – две хитрые ведьмы. Давай ещё по чашечке с кровью, чтобы упрочить наш дьявольский союз.

Выплясывая между столиками пустого зала, Титуба не подозревала, что её смартфон передаёт всё, что видит и слышит на планшет филина Варлама.

Вы у меня допляшетесь! сказал сам себе царский картограф, закрывая устройство. Когда мне надо будет, прокручу запись Кощею, пусть знает, что разлюбезные внученьки ждут не дождутся его кончины.

Два дня Доротея с Паулиной дежурили у дома аптекаря и художницы, но, если Сонины золотые локоны и показывались в саду, за ними непременно, как тени, следовали или Шалфей, или Цикорий, а чаще оба пса вместе. По пути в школу девочку сопровождал пятиклассник Юрка, который, как понимала ведьма, эту девчонку в обиду никому не даст. После уроков дочь привозил домой на машине Алексей Петрович. Расстроенная Доротея явилась к сестре в цирковой вагончик.

– Эти проклятые Шалфей, Цикорий и Юрка, будь они неладны, держат девчонку под постоянной охраной. Если бы не они, Сонька давно была бы наша.

Титуба покосилась на сестру и неожиданно спросила:

– Кстати, помнишь, у Бабы-яги был такой маленький, почти игрушечный молоточек с выжженным на ручке помелом. Старуха хотела отдать его мне, но перед самым моим отъездом в Тридевятое царство, молоток куда-то запропастился. Он, случайно, не у тебя?

– С какого перепуга?! – притворно возмутилась младшая сестра, – старая карга всё нажитое тебе оставила. Молотка у меня нет!

Сказанное насчёт молотка, было неправдой: Доротея, обиженная несправедливым распределением бабкиного наследства, исхитрилась в своё

время выкрасть у Яги этот инструмент, хотя и не представляла, какой толк из него можно извлечь.

– «У толстогубой клешни загребущие, – подумала младшая ведьма, в оправдание своего вранья, – признаешься и лишишься вещи, которая, может, когда-нибудь, да и пригодится», – а вслух же безразличным тоном произнесла:

– На что он, тот молоток, сдался?

– Этот инструмент мог бы тебе сейчас помочь, – не заметив смущения сестры, продолжила Титуба, – молоточек небольшой, лёгонький, словно из детского конструктора, но в нём заключена дьявольская сила, надо только уметь эту силу вызвать.

– Как? – не удержалась от вопроса Доротея.

– Очень просто, взять в руки, надавить большим пальцем на выжженное на ручке помело, и сказать «бурнус, тунгус, буртуз», и тогда молоток в любой стене дыру пробьёт, а, если кого им легонько тюкнешь, тут же копыта отбросит. С таким оружием ты бы легко расправилась с мальчишкой и собаками, а кота порешить – раз плюнуть. Ну, раз нет, так нет. Не переживай, – Титуба покровительственно похлопала сестру по плечу, – стоит мне мизинцем шевельнуть,и от Юрки, этих глупых барбосов и кота мокрого места не останется. Как только проведу представление, помогу тебе их извести.

7 В Чикаго кур не воруют

В первой половине сентября в Городке установилась великолепная погода с тёплыми солнечными днями и ясными звёздными ночами. Цикорий и Шалфей по утрам с удовольствием бегали с Алексеем Петровичем по Старому парку. Псов по возвращении ожидал завтрак, приготовленный Викторией Львовной. Соня стала прививать Кириллу навыки компьютерной грамотности. Тот оказался на редкость способным и за какую-то неделю научился довольно шустро набирать правой лапкой текст на ноутбуке.

Всё было бы прекрасно, но в середине месяца в том районе Городка, где находился Старый парк, и проживала Соня с родителями, случились события, которые серьёзно омрачили чудесную осеннюю атмосферу. В ночь с четырнадцатого на пятнадцатое сентября у слесаря-сантехника Степана Пряхина пропали пять кур. Затем на той же улице куда-то запропастились три кота, причём один из них белый персидский, по слухам, очень дорогой.

В сети появилось объявление о том, что у старшей медсестры санатория «Юность» Надежды Тимофеевны потерялся мопс Арчи. в ошейнике с биркой, на которой были выгравированы кошачья кличка и номер телефона хозяйки, однако Надежда Тимофеевна так и не дождался желанного звонка. Старшая медсестра предложила за Арчи приличное вознаграждение, о чём было написано в интернет-сети и трижды повторено по городскому радио, но на обещанные пять тысяч рублей никто так и не польстился.

Резкий рост случаев воровства домашних животных сильно озаботил начальника городского отделения полиции подполковника Чернова, он вызвал к себе участкового Ершова.

– Ну что же это, товарищ старший лейтенант, творится на вверенном вам участке? – серые глаза руководителя уставились на подчинённого. – Каждый день кражи, и ни одно преступление не раскрыто!

Офицер виновато переминался с ноги на ногу.

– С тех пор как посадили Петьку Барыжникова, товарищ подполковник, уже полтора года в моём районе ни одного случая хищения домашних животных не было. И вот тебе! Ничего не понимаю!

– Логика здесь простая. Полтора года, пока Барыжников сидел, всё было спокойно, а как вышел, снова понеслось.

– Я с ним разговаривал. Клянётся, божится, что ни сном, ни духом.

– И ты поверил?!

– Признаков причастности Барыжникова к последним кражам, товарищ подполковник, не имеется.

– Прямых улик пока нет, но факты свидетельствуют: Петьки не было, и краж не было. Он появился, и безобразия вместе с ним.

– В Старый парк тучи ворон налетели, может быть, они? – предположил участковый.

Начальник повертел головой, словно воротник ему сдавил шею, и недовольно поморщился.

– Они туда каждую осень слетаются. Кормятся в основном на свалках, ну, может быть, цыплёнка малого у кого и сопрут, но, чтобы взрослую курицу или кота растерзали, не поверю! Вороны всё-таки, не беркуты! А у нас пропажи пачками,

как конвейер какой-то запустили. Собак стали воровать.

– Да, да, – подхватил участковый, – мопса у Надежды Тимофеевны спёрли!

– А зачем воронам, к примеру, мопс?! А, между прочим, если продать такого пёсика, можно выручить больше, чем мы с тобой в месяц получаем… – подполковник запнулся, посмотрел на Ершова, и заключил, – нет, это не вороны, совершенно другой круг воровских интересов. Одним словом, народ возмущается, заявления мне каждый день поступают, мириться с таким разгулом гангстеризма нельзя, мы с тобой не в Чикаго!

– В Чикаго, товарищ подполковник, кур не воруют.

– Ты, старший лейтенант, в Чикаго никогда не был и не знаешь, кого там воруют! – рассердился Чернов. – На своём участке разберись сначала, а потом уже про Чикаго рассуждай! Надо работать, а не на ворон сваливать. Преступники должны быть найдены и преданы суду! Идите!

Когда Ершов вышел, начальник отделения досадливо наморщил лоб: «Это же надо, сам с чего-то ляпнул про Чикаго, будто меня за язык, кто тянул, а потом ни за что ни про что обрушился на подчинённого. Парень старается, и не его вина, что мы пока не можем понять откуда на Городок свалилось такое несчастье. Выйти на след пока не получается, но выйдем, обязательно выйдем!»

Подполковник подвинул к себе блокнот и стал механически водить шариковой ручкой по чистому листку. Нарисовал круглый дорожный знак. В середине круга изобразил испуганную, взъерошенную курицу и написал латинскими буквами название американского города, прослывшего столицей гангстеризма, затем добавил по-русски «Кур не воровать» и в назидание чикагскому воровскому сообществу поставил восклицательный знак. Тупо посмотрел на рисунок и пробурчал себе под нос: «Совсем из ума стал выживать! Причём здесь Чикаго, когда надо в своём городе порядок наводить! Что подчинённые подумают?!». Вырвал листок, разодрал пополам, потом ещё и ещё. Мелкие кусочки полетели в корзину для отработанных бумаг. «Чикаго тут, конечно, не причём! Но кто же всё-таки безобразничает?!» спросил Чернов сам себя и резко встал из-за стола.

8 Кружок зоологии

«Впервые в России» – бросались в глаза огненные буквы афиш, которыми расцвели центральные улицы. В субботу намечалось представление передвижного цирка под руководством «знаменитой на весь мир, как указывалось в афишах, укротительницы гигантских змей Титубы Заболотноф».

Тут же помещалась фотография «звезды» предстоящего циркового выступления дрессированного питона Хунга. Громадный змей надменно ухмылялся. Он был во фраке, при галстуке и в соломенной шляпе, перетянутой чёрной лентой. Пушистая собачка породы померанский шпиц, стоя на задних лапках, опиралась передними на полу шикарного змеиного наряда и скалила зубки в притворной улыбке. Горожанам позволялось приводить на необычное зрелище домашних питомцев.

Лидия Васильевна открыла зоологический кабинет и впустила перед собой трёх школьников, пожелавших присутствовать на очередном занятии её кружка.

– Мне надо обязательно переговорить с завучем, пока он у себя, – сказала она, вытаскивая ключ из замочной скважины, – вернусь буквально через пару минут, а ты, Юра, поскольку здесь со своим классом уже бывал, ознакомь девочек с интересными, на твой взгляд, экспонатами.

Юрке понравилось это предложение и очень захотелось огорошить наивную аудиторию.

– Взгляните сюда, – Юркин палец указал на застеклённый на шкаф.

У Сони и Кристины мороз пробежал по коже: с полки на них смотрел, сцепив белые зубы, человеческий череп.

– Не бойтесь, он уже не кусается, – успокоил девочек «экскурсовод».

– Смотри рыбка в разрезе! – сообщила Кристина и кивнула в сторону керамического макета, с открытыми для обозрения внутренностями.

– Это ёрш, – авторитетно заметил мальчик, – я их на пруду ловил. Рыбка интересная, но колючая. Её можно использовать не только для еды, но и как наживку для щуки.

– Можно подумать, что ты щук ловил, – ехидно заметила Соня.

Юрка шмыгнул носом.

– Я бы с удовольствием, но в нашем пруду они не водятся. А ты, когда-нибудь видела жабу в разрезе, – обратился он к Соне, показывая на плакат, на котором было распято серое существо с высунутым языком и выпученными глазами.

– Фи, какая гадость! – поёжилась Соня. – Я их терпеть не могу!

– А я вот, в детстве, – похвасталась Кристина, – имела привычку, по утрам есть клубничку прямо с грядки, но однажды только положила в рот одну, как вдруг увидела, что другую ягодку облизывает жаба. Б-р-рр! Я клубничку свою выплюнула, да как закричу. Маму перепугала насмерть. С тех пор я на эту грядку ни ногой.

– Какие вы глупые, – с чувством превосходства заметил Юрка, – жабы очень полезные. Они разных вредителей поедают. Ставлю вам обоим по двойке.

– Эх ты, грамотей! – разозлилась Соня. – Во-первых не обоим, а обеим, поскольку ты говоришь о девочках. Во-вторых, мы – совсем не глупые, и обе, между прочим, отличницы.

– Подумаешь – отличницы! Видел я таких отличниц! У нас в классе – целых четыре!

Замечание про такое количество отличниц в Юркином классе не понравилось Кристине.

– Ишь, ты – четыре! Да, хоть семь! А сам ты выше тройки не поднимаешься!

Мальчик покраснел от возмущения.

– Почему же не поднимаюсь?! У меня по физкультуре сразу три пятёрки: за прыжки в длину, метание мячика и лазание по канату, а по пению за «Во поле березка стояла» – четвёрка. Да я стихи пишу!

Соня скрестила руки на груди.

– Ерунду, наверное, какую-нибудь. Девочки из вашего класса рассказывали нам о стихе про ежа, на которого ты сел.

– Нет, про ежа это только шутка, я и другие, хорошие стихи пишу. Завуч наш, Николай Акимович, даже посоветовал их Майе Георгиевне показать!

– И ты показал?

– Не успел ещё.

– Потому что боишься. Майя Георгиевна тебе бы такую разборку устроила, что сразу перестал хвастаться. Какие стихи?! О чём ты говоришь? Когда у тебя только и хватает ума, чтобы петь про берёзку, мячики швырять, да по канатам лазать, а голова твоя на самом деле соломой набита!

– Никакой не соломой! – Юрка обиделся, схватил с ближайшей полки банку с заспиртованной сколопендрой и с криком, – Полюбуйся! – сунул её Соне в лицо.

Сонина рука оттолкнула стеклянный сосуд так резко, что тот едва не упал на пол.

– Ты чего творишь?! – закричал пятиклассник. – Это единственная в нашем городе сколопендра!

– Ну и целуйся с ней!

– Не буду я с ней целоваться! – с ненавистью буркнул Юрка. – Она ядовитая.

– Соня, оставь эту сколопендру, – вмешалась в разговор Кристина, – смотри, какие красивые бабочки под стеклом! Юра, они сушёные?

– Засушенные, – поправил девочку тот.

Сонин рот скривила презрительная усмешка.

– Знаток, тоже мне, выискался! Да какая разница сушёные они или засушенные!

Юрка отвернулся, пытаясь подобрать ответ на насмешливое замечание, однако приход учительницы прекратил обмен колкостями.

Лидия Васильевна предложила ребятам рассесться за партами, сама же, устроившись за учительским столом, сняла очки, и постучала ладонью по столешнице.

– Тема нашего сегодняшнего занятия – пресмыкающиеся.

– Лидия Васильевна, – вскочил с места Юрка, – а питон, это пресмыкающееся или хищник?

– Юра, вопрос странный, между этими словами нет противоречий. Питон – хищное пресмыкающееся. С чего это ты им заинтересовался?

За мальчика ответила Кристина.

– Мы интересуемся пресмыкающимися, потому что в нашем городе появился бирманский королевский питон. Он будет участвовать в цирковом представлении. Разве вы не слышали, Лидия Васильевна?

– А, теперь понятно, – улыбнулась учительница. – я-то, голову ломаю, с чего это газета «Кавказская здравница» заказала мне статью про питонов. Очень хорошо,

ребята, что вы обратили внимание на эту тему, – и, посмотрев на Юрку, спросила: – Как ты, думаешь, с кем из живых существ можно сравнить питона?

Тот пожал плечами.

– Ну, я сам его, слава богу, не встречал, но думаю, он похож на гадюку, только толще.

– Нет, с гадюкой его сравнивать не стоит. Питон – неядовитая, но очень крупная змея, которая во взрослом состоянии достигает толщины, этак, под двадцать сантиметров и длины до пяти-шести метров.

Соня подняла руку.

– Лидия Васильевна, мне папа говорил, что раньше в американском штате Флорида и в помине не было никаких питонов, а теперь они там кишмя кишат? Как это произошло?

– Завелись, как тараканы за печкой, – выкрикнул Юрка, – вот и всё.

Лидия Васильевна покачала головой.

– Нет, Юра, не как тараканы. Лет пятьдесят назад о них там слыхом не слыхивали, но у местных жителей пошло повальное увлечение заводить крупных змей в качестве домашних животных. Эта мода стала похожа на эпидемию, молодых питонов стали привозить из Мьянмы и других жарких стран в таких масштабах, что за несколько лет их число в штате, превысило количество собак и кошек.

Эти пресмыкающиеся, благодаря их удивительной прожорливости, растут быстро, а прокормить взрослого питона – дело дорогостоящее. Как бы ни любил хозяин такого, с позволения сказать, «питомца», инстинкты дикого хищника никуда не исчезают. Риски, что питон проглотит ребёнка или задушит взрослого всегда остаются, и поэтому от крупных рептилий стали избавляться.

Бездомными хищникам, чтобы выжить, пришлось перебираться в тёплые реки и болота тамошнего национального парка. А самка питона, между прочим, откладывает каждый год около ста яиц. Вскоре парк уже кишел прожорливыми гадами, и это стало настоящим бедствием.

Юрка округлил глаза.

– Так это же просто, запретить ввоз питонов, и никакого бедствия!

– Да, Юра, власти, в конце концов, очнулись и сделали, как ты говоришь, запретили, но было уже поздно. Размножившиеся змеи серьёзно сократили число традиционных обитателей дикой природы: рыб, лягушек, крыс, кроликов, енотов, рысей, лисиц и гнездовавшихся во флоридских заповедниках редких птиц. К сожалению, там не нашлось хищника способного противостоять ненасытным захватчикам. Только аллигаторы могли охотиться на подрастающих питончиков, хотя и сами зачастую становились добычей взрослых змей! У меня есть фотография, как питон заглатывает аллигатора, я передам её газете.

– На аллигаторов охотятся, ничего себе! – воскликнул поражённый Юрка. – Хорошо, что у нас питоны не водятся! При них даже на речку с удочкой не сходишь, я уже не говорю про пруд. Не дай бог, такая «рыбка», на крючок попадётся! Без лески и удилища останешься.

Кристина рассмеялась

– Леска, удилище! О чём ты говоришь?! Если на твой крючок попадётся питон, то ни о леске, ни об удилище пожалеть не успеешь. От тебя самого ничего не останется!

– Да, – подтвердила Лидия Васильевна, – пожалуй, Кристина права. Взрослый питон всегда голоден, в еде меры не знает и, например, проглотив козлёнка, может съесть и собачку, и котика, если те подвернутся, а потом не побрезгует ещё и мышкой закусить. Такая вот ненасытная утроба.

Юрка почесал затылок, посмотрел на растерзанную жабу на плакате, и спросил:

– А в наших краях питоны могут расплодиться?

– Нет, это исключено. Для них ещё как-то подходят поздняя весна, лето и ранняя осень, но холодные месяцы питонам не пережить.

– А там, где пещеры с термальной водой, они могут перезимовать?

– Ну, Юра, вряд ли… хотя… – Лидия Васильевна на секунду задумалась и сказала неуверенно, – теоретически такое возможно, но не думаю… ребята, я хочу вас спросить о другом переменила она тему, смена сезонов, которая происходит в природе, , отражается на жизни растений. Весной они зеленеют, летом бурно растут, осенью желтеют и, как бы готовятся к зимней спячке, зимой жизнь в них замирает. Это все знают. А вот как сезонные перемены проявляются в животном мире?

Зайцы-беляки меняют цвет: летом серые, а зимой белые, сказала Соня.

Правильно, молодец, это типично для обитающих в северных краях зайцев. Ну, а, ты, что скажешь? учительница показала рукой на Кристину.

Белки тоже линяют. Весной сбрасывают зимнюю шерсть, одеваются в летнюю, а осенью наоборот, отозвалась девочка.

Юрка наморщил лоб и вставил:

 Медведи летом шастают по лесам, а зимой спят в своих берлогах.

Лидия Васильевна кивнула.

 Хорошо, Юра. Было бы неплохо привести в пример что-нибудь из твоих личных наблюдений. Ты, насколько я знаю, и зимой и летом пропадаешь в Старом парке. Как там на примере животных и птиц проявляется годовой ритм смены сезонов?

 На наш парк осенью налетают вороны, много ворон! начал горячо Юрка, по вечерам такой галдёж стоит, что аж в ушах звон, а к лету они куда-то исчезают.

Да, действительно, есть такое явление! оживилась Лидия Васильевна, как раз я и хотела, чтобы вот таким опытом вы друг с другом делились. Кружок всё-таки не школьный урок, здесь не просто учебные материалы обсуждаем, а думаем, своими наблюдениями обмениваемся. Надо заметить, что вороны очень умные и наблюдательные птицы

 Да, выкрикнул Юрка, некоторые даже читать умеют!

Кристина и Соня дружно фыркнули.

 Зря смеётесь. Я видел в парке, одна схватила клювом газету, забытую на скамейке, в своё гнездо перетащила, там очки себе на нос и давай, глазами по строчкам бегать. Кивает, если согласна, башкой крутит, если не нравится. Вот!

 Это выдумка какая-то, засмеялась Кристина. Здесь, Юра, не передача «Спокойной ночи, малыши», а серьёзный зоологический кружок!

Тут пятиклассник, совершенно неожиданно, получил поддержку со стороны учительницы.

 Вообще-то в мировой зоологической науке, случаев грамотности среди ворон пока не отмечалось, улыбнулась та, но в нашем Городке всё немножко по-другому устроено. Животные здесь, пусть не разговаривают, но людскую речь понимают. Не исключаю, что какая-то из умнейших ворон научилась и чтению.

В конце занятия учительница обратилась к Соне:

– Как там Кирилл поживает? Я слышала, что у вас поселились Шалфей с Цикорием. Как они, не притесняют моего любимого котика?

– Что вы, Лидия Васильевна! Собаки его обожают, все трое стали такими друзьями – водой не разольёшь. А мама, кстати, начала писать портрет Кирилла. Кот позирует охотно, но иногда, правда, немного капризничает. Шалфей и Цикорий, конечно, рады за Кирюшу, но, мне кажется, ему чуть-чуть завидуют. Кирилл большая умница, я стала учить его набирать текст на компьютере, и у него уже кое-что получается.

Вот о чём я вам только что и толковала.

9 Интересно, когда страшно

В субботу город стал собираться на невиданное представление. Алексей Петрович, Виктория Львовна и Соня решили взять с собой Кирилла и обоих псов.

Собакам надели намордники, Кириллу, несмотря на его недовольство, девочка повязала бант.

На выступлениях канатоходцев и гимнастов, открывавших зрелище, публика откровенно скучала. Подобными трюками нашего зрителя не удивишь: с такими номерами в Городок пару раз в сезон заезжают цирковые артисты из Сочи.

Ситуацию исправил цирковой силач Жорж по прозвищу Человек-Гора. Этот двухметровый, заплывший жиром гигант, грузно ступая, вышел на манеж и для начала узлом завязал у себя на шее кусок толстой строительной арматуры, чем сорвал аплодисменты.

Затем «самый сильный человек в мире», как представил его конферансье, продел ступни в гимнастические кольца, повис головой вниз и вцепился зубами в канат, привязанный к клетке со львом. Кольца пошли вверх, увлекая с собой силача и этот тяжёлый груз. Лицо Жоржа побагровело от напряжения, но его мощные челюсти продолжали удерживать канат с клеткой. Почти под самым куполом конструкция остановилась, поколебалась и осторожно опустилась обратно на манеж. Публика зааплодировала. Программа, наконец-то, стала удивлять.

Заиграла весёлая музыка. С манежа взлетели семь разноцветных надувных шариков. Силач раздул щёки, усы его ощетинились, зрачки сузились. Он выхватил из кармана пистолет и почти не целясь, навскидку семью выстрелами

расстрелял все семь воздушных целей. После чего поднёс ко рту пистолет, дважды дунул в чёрное отверстие ствола и под бурные аплодисменты попятился к выходу, кланяясь на каждом шаге. Первая половина представления завершилась на мажорной ноте.

Перед вторым отделением рабочий выкатил на арену, бутафорскую пушку со стволом такого калибра, что можно было бы заряжать пятилитровыми бутылями с минеральной водой.

«Уважаемые зрители! – раскатилось над переполненными трибунами, – сейчас перед вами выступит великолепная, потрясающая и бесстрашная укротительница гигантских змей Титуба Заболотноф с уникальным номером «Питон и собачка».

Раздалась музыка, и на манеж на самокате стремительно вынеслась Титуба, её смоляные волосы развивались, щёки горели, полные губы что-то нашёптывали, на длинных чёрных ногтищах мерцали отблески цирковых прожекторов. Сделав несколько кругов, она резко затормозила, отбросила самокат, который тут же подхватил рабочий сцены, и объявила: «Дорогие зрители я считаю, что интересно, это только, когда страшно. И обещаю: вам будет страшно. Сейчас вы увидите смертельный номер со счастливым исходом. Фантик, на выход!».

На арену выскочила рыжая пушистая собачка, зачем-то обнюхала колёса картонного орудия, заглянула в ствол, задорно тявкнула и, высунув розовый язычок, стала весело носиться по застланному палевым ковром манежу.

– Какой милый пёсик! – Соня достала из рюкзачка смартфон и, привстав, несколько раз щёлкнула.

– Для чего тебе эти снимки? – удивилась Виктория Львовна.

– Задумала написать картину «Цирк», буду срисовывать детали с фотографий.

Пушистый комочек успел уже раза три обежать вокруг манежа, пока эту забавную гонку не остановил повелительный голос Титубы:

– Фантик, танцы!

Заиграла музыка. Собака бодро тявкнула, встала на задние лапы и, повинуясь жестам дрессировщицы, закружилась в такт мелодии.

– Танцуй, танцуй, Фантик! – кричала Титуба, крутился пушистый хвост, зрители смеялись. – А теперь, прыжки, – последовал взмах рукой, – Фантик, пошёл!

Молодец! Давай ещё. Вот так, отлично, ты у меня просто умница!

Пёсик совершал акробатические прыжки, ходил на задних лапах, забавно покачивая головой, и весело подтявкивал цирковому оркестру. Публика была в восторге.

– Тоже мне, «смертельный номер», – наклонившись к Шалфею, прорычал Цикорий, – я бы тоже так смог, если бы недельку потренировался. Юрка научил меня ездить на велосипеде всего за два дня. Он так и сказал: «Ты, Цикорий, прирождённый артист, тебе можно в цирке выступать!»

В этот момент погас свет. Тревожно загремели барабаны. Жёлтый прожекторный круг, побегав по манежу, высветил стоявшего на хвосте, наряженного в превосходный наглаженный костюм питона. Из рукавов костюма высовывались тёмно-серые искусственные руки. Одна каучуковая ладонь нервно сжимала и разжимала набалдашник железной трости, на которую опирался хищник. Гранатовый в косую яркую полоску галстук на груди артиста оттенял белую сорочку, на приплюснутой голове сидела плоская соломенная шляпа.

– Большой друг Фантика бирманский королевский питон Хунг, – раздался над трибунами голос Титубы, – прошу любить и жаловать!

Питон вежливо поклонился, затем отколол такой трюк: левой механической рукой он пошарил в нагрудном кармане фрака, выудил оттуда носовой платочек, и громогласно в него высморкался. Этот жест вызвал у зрителей весёлое оживление.

Когда шум на трибунах стал стихать, грянул Собачий вальс. Фантик запрыгнул на бортик арены и с жизнерадостным лаем помчался по нему. Прожекторное пятно раздвоилось. Один жёлтый луч бегал по бортику вместе с собачкой, другой не оставлял Хунга, который, пританцовывая в такт музыке, постепенно приближался к глупому рыжему комочку.

В полуметре от бортика питон прекратил движение. Выдвинув морду вперёд, он, не мигая, следил за Фантиком, из распахнутой змеиной пасти выскакивал и тут же скрывался раздвоенный шнурок языка. Музыка стихла. В тишине послышалось исходящее от гигантской рептилии потрескивание и неприятное шипение.

Пёсик прекратил бег, остановился напротив головы хищника. Два световых круга слились в один, в котором находились одновременно оба артиста, и тут, будто какая-то неведомая сила потащила Фантика к страшной пасти. Растопырив все четыре лапы, пёсик пытался сопротивляться, но тело ему не

повиновалось и, словно околдованный вкрадчивыми движениями змеиного языка, он, жалобно повизгивая, полз на животе к злому хищнику. На морде питона. выступило выражение самодовольства и холодного презрения к беззащитной жертве. Зловещее шипение усилилось.

Оркестр заиграл какую-то суровую и мрачную мелодию. Зал пришёл в состояние гипнотического транса, никто не мог отвести глаз от кружка света, в котором завязывалась трагедия.

– Как-то страшно становится за пёсика, – подняла плечи Виктория Львовна.

Соня вжалась спиной в сидение, её руки сдавили Кирилла так, что тот мяукнул и стал выкарабкиваться из чересчур тесных объятий.

Собаки в зале загавкали. Кошки замяукали. Животные как бы предупреждали Фантика: «Беги! Беги! Беги!», но он был не в состоянии сопротивляться и продолжал ползти навстречу гибели.

– Не волнуйтесь, – вздрагивающим голосом сказал Алексей Петрович, чувствуя, как у него самого мурашки бегут по коже, – нам обещали счастливый исход.

«Бум!» – раздался пронзительный звон литавр. Голова питона сделала молниеносный выпад, и тело собачонки оказалось в раскрывшейся, как дорожный чемодан, пасти. Дрожь прошла по змеиному позвоночнику, Хунг сделал глоток и зубастые челюсти захлопнулись.

«Ох!», – тяжело выдохнул переполненный зал, послышались детские всхлипывания и истерические женские крики.

– Ты же всегда был добрым, Хунг, – погрозила питону пальцем дрессировщица, – а сегодня проглотил Фантика. Как тебе не стыдно! Дети не печальтесь. Он сожалеет, он огорчён. Вы только посмотрите, у Хунга добрые глаза, видите, он плачет!

Питон поднял голову и обвёл зрительские ряды полными слёз глазами.

– Хунг, скажи, тебе стыдно?! – закричала Титуба.

Питон согласно наклонил голову.

– Господа, не переживайте, видите, Хунг сам расстроен, и он никогда больше не будет так делать. Ты ведь, правда, никогда больше никого не скушаешь?!

Башка рептилии заходила то вверх, то вниз, как заведённая.

– В знак раскаяния, сними головной убор! – скомандовала дрессировщица Необычный артист тут же концом трости поддел шляпу, и она, покачавшись на наконечнике железной палки, упала на манеж. Питон наклонил голову и застыл в скорбной позе.

– Хунг искренне сожалеет о содеянном. Ваши аплодисменты, господа, добрейшему из удавов!

На трибунах вспыхнули, было, жидкие аплодисменты, но тут же погасли.

– А где же ваш счастливый конец? – прервал наступившую тишину звонкий детский голос.

– Не волнуйтесь, сейчас наступит! – успокоила зрителей заморская циркачка.

Тут забили барабаны, на арене стало светлее. Питон подлез под лафет орудия, оттуда, снизу сунул голову в пушечный ствол и стал неспешно вползать в него.

– Огонь! – последовала команда.

Грохнул выстрел, из картонного жерла вылетело облако конфетти, и, о, радость: эта многоцветная тучка вынесла под самый верх шатра живого и невредимого Фантика! Над псом раскрылся купол парашюта, и он мягко приземлился в центр арены. Мощные прожектора вспыхнули на мачтах и залили манеж ослепительным светом. Опять грянул Собачий вальс. Четвероногий артист, зубами отстегнул парашютные замки, отбросил в сторону шёлк купола, запрыгнул на бортик и с радостным лаем, понёсся по кругу, с разбега сделал кульбит, вскочил на задние лапы и принялся посылать публике воздушные поцелуи.

Из жерла бутафорской пушки показался гладкий череп Хунга, затем галстук, пиджак и трость. Питон с достоинством раскланялся. Зал взревел от счастья и восторга.

Титуба заставляла Фантика и Хунга кланяться ещё и ещё. Аплодисменты переросли в овацию. «Фан-тик, Фан–тик!», скандировал зал, а собачонка и питон всё кланялись и кланялись.

Представление завершилось. Потрясённые зрители, продвигаясь к выходу, не сводили глаз с манежа. В одно мгновение всем показалось, что питон, повернув голову к собачке, вновь нацелился на неё и даже распахнул клыкастую пасть.

– Фу, Хунг, Фу! – дрессировщица, веером растопырила пальцы, словно намереваясь вцепиться длинными ногтями в змеиную голову. Питон испуганно

икнул, и челюсти тут же захлопнулись. При этом вид у хищника был такой, будто его незаслуженно обидели.

10 «Крутой» ключик

В то время, когда зрители в цирке то переживали за несчастного Фантика, то бурно радовались его чудесному спасению, ученик пятого класса Юрий Куклин, получивший двойку на уроке по истории древнего Египта, бесцельно шатался по комнатам старого дома.

Надежде Павловне, наказавшей внука, было нелегко смотреть на его страдания.

– Вот учил бы своих фанфаронов, не маялся бы сейчас здесь, – говорила она, зашивая очередную прореху на рукаве любимой Юркиной рубахи.

– Не фанфаронов, а фараонов, – поправил её внук и обижено промямлил, – есть которые хуже меня учатся, а в цирк пошли.

– На других не кивай, у тебя своя голова на плечах. Мне, конечно, тоже обидно, но не наказывать нельзя, иначе совсем распустишься, и что я тогда скажу твоим родителям, когда они вернутся из экспедиции?! Вот что, внучок, перестань киснуть, а принеси мне катушку серых ниток из тумбочки, где швейная машинка.

Юрка открыл дверцу и стал ковыряться там, куда обычно доступ ему был запрещён. Среди цветных лоскутков, клубков шерсти, катушек, подушечек, утыканных булавками, пальцы нащупали ключ старинной работы, на квадратной головке которого был выгравирован орёл, клюющий змею на груде камней.

Юрка передал нитки бабушке и показал находку.

– Крутой такой ключик я в твоём барахле раскопал. Откуда он у тебя?

Старушка вздохнула.

– Давным-давно в Старом парке был горячий источник, очень полезный и вкусный. Народ даже из Сибири приезжал, чтобы воду из него попить, я её там разливала отдыхающим по стаканам.

– Да, я знаю, видел этот бювет… в гроте под дубами… он давно уже не работает… закрыт на решётку, и замок с мою голову.

– Вот, вот, это ключ от того самого замка.

– С чего это вдруг источник заперли, если вода полезная?

– Где-то на горе Бештау скалу взрывали и тем взрывом подземную жилу перерезали. Воды не стало, бювет закрыли, а ключ, когда я на пенсию уходила, мне на память подарили.

– Слушай, он такой красивенький, можно я его возьму?

Бабушка не стала возражать, и находка очутилась в нагрудном кармане куртки внука.

На неделе, если образовывалось время, Юрка удил на речке Капельной, в балке за Старым парком, а по выходным выходил с удочкой на берег Квакушкина пруда километрах в двух выше по течению.

«Грот под дубами – отличное место, – решил мальчик, – удочку с ведёрком можно не таскать через парк домой, а оставлять там и брать, когда понадобится».

11 Сколько было собак?

Когда артисты покинули арену, а публика стала расходиться, Соня взяла на руки Кирилла, Виктория Львовна прихватила на поводок Цикория, Алексей Петрович – Шалфея и сказал:

– Оригинальный трюк с питоном и собачкой придумала эта укротительница змей… как её по имени?

– Титуба, – подсказала Соня.

Виктория Львовна одарила мужа изумлённым взглядом.

– И ты принял эту муть за чистую монету?!

– А как ещё?!

– И таких наивных людей у нас держат в заведующих аптеками! – горячо заговорила Виктория.

– Причём здесь моя должность, – обиделся Алексей Петрович, – ты по делу говори, а не цепляйся к моему служебному положению.

– Извини, Лёша, строго по делу… зрителей провели, как слепых котят. Питон сожрал бедную собачку породы померанский шпиц, и никакого чуда не случилось. Потом уже не этот, а другой шпиц бегал, прыгал, посылал воздушные поцелуи, изображая счастливый конец.

– С чего ты это взяла? – изумился Алексей.

– Я художница, у меня профессиональный взгляд на детали. Питон заглотил собачку с белыми подпалинами на передних лапах, а потом по манежу носилась очень похожая на неё, той же масти собака, но с белым пятнышком на кончике хвоста.

– Сейчас всё увидим, – Соня поставила Кирилла в опустевшем проходе между рядами, достала смартфон и, поводив пальцем по экрану, выдохнула, – мама права, – девочка приблизила устройство к глазам отца, – вот, смотри, окрас у обоих пёсиков разный, точно, как мама говорит.

Тем временем зал обезлюдел, только на втором ряду задержалась супружеская пара, собирая на выход малолетнего ребёнка. Двое рабочих в синих униформах появились на манеже с пылесосами. Неожиданно захлопали крылья, это со спинки стула верхнего ряда взлетела крупная сизая ворона.

Это Клава воскликнул Цикорий, интересно, как она здесь очутилась!

Клавдия, если захочет, может очутиться, где угодно, сказал Шалфей, не сводя глаз с птицы, перелетевшей на гимнастическую трапецию под самый купол.

Привет, Клава, гавкнул Шалфей, тут у нас спор вышел, сколько было собачек, одна или две. Ты не можешь внести ясность?

Я думаю, что две, хотя, если сомневаетесь, проверьте.

– Надо разобраться, Цик, – обратился Шалфей к другу. – Сейчас я устрою маленькую суматоху, а ты под шумок смотайся на арену и вынюхай, сколько было Фантиков, один или взвод.

Сказав так, Шалфей занял боевую стойку, зарычал и стал драть когтями ковролиновую дорожку на проходе.

Алексей Петрович дёрнул пса за повод.

– Прекрати, так нельзя себя вести в общественном месте!

– Шалфей, ты же всегда был очень разумным, – попыталась успокоить собаку Виктория Львовна и наклонилась, чтобы погладить.

Воспользовавшись тем, что художница отвлеклась, Цикорий, рванулся вниз. Поводок выскользнул из рук женщины и запрыгал по ступеням, вслед за беглецом.

– Цикорий, куда?! Стоять! Я тебя накажу! – закричала Вика, но тот, будто её не слышал.

Пёс спрыгнул на манеж, торопливо обнюхал ковровое покрытие и галопом возвратился обратно. Оказавшись перед хозяйкой, виновато закрутил хвостом, позволил взять себя на поводок, и был прощён.

– Ну, что ты там нанюхал? – пододвинулся поближе к другу Шалфей.

– Вика и Клавдия правы. Собачек было две, одну змей всё-таки слопал.

Шалфей покосился на Кирилла, тот, укрывшись в проходе между рядами, обеими лапами пытался содрать с шеи повязанный Соней голубой бантик.

– Кирюша, да перестань ты, в конце концов, воевать с этой ленточкой! – рыкнул на него пёс. – Лучше задумайся, питон на глазах у сотен зрителей без зазрения совести сожрал собачку. Если этой скотине дать волю, сколько ужасов может случиться?! Люди же только ушами хлопают! Наш долг – открыть им глаза!

– Ничего проще, – отозвался кот, – меня Соня научила работать с ноутбуком вот возвратимся домой, я сяду за компьютер и доведу до Вики ваше мнение.

Утром, когда художница открыла в ноутбуке свой электронный почтовый ящик, то увидела необычное сообщение.

«Виктория Львовна! Со вчерашним представлением, нам всё ясно, – говорилось в нём. – Алексей Петрович, несомненно, очень умный человек, но он не обладает ни собачьим нюхом, ни наблюдательностью художницы. Дрессировщице самым бессовестным образом удалось провести его, впрочем, также, как и остальных зрителей.

Цикорий обследовал манеж и распознал запахи двух разных собачек, участвовавших в этом цирковом номере. Первую сожрал питон, вторую, заранее запрятанную в стволе орудия, Титуба, когда ей это понадобилось, выпалила из пушки и тем самым ввела в заблуждение публику.

С большой долей вероятности полагаем, что пропавшие в Городке в последнее время животные, тоже стали жертвой этого бессовестного обжоры в галстуке и в соломенной шляпе. По нашему мнению, надо поставить в известность местное

отделение полиции.

По поручению преданных вам Цикория и Шалфея, письмо составил не менее любящий Вас, Соню и Алексея Петровича Кирилл».

Вика тут же позвонила подполковнику Чернову.

12 Шерсти много, а мяса мало

Выслушав Викторию Львовну, начальника городского отделения полиции тут же вызвал к себе в кабинет участкового Ершова.

– Вот, старший лейтенант, учись: художница, никаких специальных заведений не оканчивала, воинского звания не имеет, а нам с тобой нос утёрла! Какого числа, этот заморский цирк появился в городе?

– Двенадцатого, утром, – ответил Ершов, не понимая, к чему клонит шеф.

– А когда пропали куры у сантехника Пряхина?

– В ночь с тринадцатого на четырнадцатое.

– Так я и знал. Всё сходится. Этот артист в костюме и при галстуке мимоходом прямо на представлении проглотил собачку, и бог бы с ней. Собака – имущество заезжего цирка. Но, как я теперь понимаю, именно это Чудо-Юдо заморское, появившись в нашем городе, сожрало множество домашних животных, принадлежащих горожанам. Арестуй этого бандита немедленно!

Титуба, услышав звук полицейской машины, выскочила к калитке и заслонила собой узкий проход, ведущий к вагончику с Хунгом.

– Артист после представления заболел у него кашель, насморк и высокая температура. Завтра, завтра, завтра и только, если разрешат врачи! – отвечала ведьма на все требования Ершова. Сотрудник полиции попытался её отодвинуть, но куда там! Направив острые, чёрные ногтищи в лицо старшего лейтенанта, циркачка завопила:

– Не подходи! Глаза выдеру!

На подмогу дрессировщице прибыл Человек-Гора, правый карман которого оттягивал какой-то тяжёлый предмет. Возможно, это был пистолет. Ведьма отступила на два шага, силач занял место в проходе. Широко расставив ноги-

тумбы и заложив мощные ручищи за спину, черноусый гигант закрывал дорогу и не имело смысла даже пытаться сдвинуть в сторону эту двухсоткилограммовую глыбу.

Откуда-то возникли Доротея с Паулиной, и собака суетливо забегала по площадке между вагончиками. Пока Жорж с высоты своего роста презрительно рассматривал приземистого полицейского, Паулина проникла в помещение, в котором находился питон, открыла дверцу террариума. Кто-то отключил рубильник, и в полной темноте Хунг прополз под вагончиками и незамеченный никем оказался в парке.

На помощь Ершову подкатил на двух машинах вооружённый наряд. Опять вспыхнул яркий свет. Человек-Гора под дулами наставленных на него автоматов, освободил, наконец, проход. Но, когда, полицейские ворвались в террариум, было уже слишком поздно: на полу вольера валялись: стальная трость, пластиковые протезы рук, смятый фрак и перевязанная чёрной лентой соломенная шляпа, сам же обладатель этих предметов был уже далеко.

Когда Ершов, освобождая себе путь к двери, носком ботинка попытался отодвинуть в сторону трость, но та вдруг подскочила и ударила полицейского в коленку так, что тот пошатнулся и нечаянно наступил на валявшийся на полу левый ручной протез. Тот вдруг встрепенулся, высоко подпрыгнул и своими цепкими пальцами схватил полицейского за горло

Отпусти, сволочь! закричал старший лейтенант.

На этот отчаянный крик в вагончик ворвалась Титуба и скомандовала с порога:

Оставь его сейчас же!

Жёсткие пальцы разжались, буйный протез отвалился, офицер оказался на ногах и прохрипел, нападение на полицейского при исполнении обязанностей! Да, я рапорт напишу!

Ладонь Титубы сделала успокоительный жест.

Не горячитесь, господин старший лейтенант, никто на вас нападать не собирался. Вы, споткнувшись об трость, наступили на протез, отчего он подскочил. Сами виноваты!

Ладно, проехали, приходя в себя, сказал участковый. Я здесь, собственно, по другому поводу… ваша рептилия представляет опасность для городских жителей и животных! Признавайтесь, куда дели змея!

– Я его никуда не девала, и понятия не имею, где он сейчас скрывается, – хладнокровно соврала Титуба.

На самом деле через чип, вшитый под змеиный череп, она сама же и управляла передвижениями Хунга. Когда полицейские удалились, ведьма коснулась пальцем синей точки на экране мобильника, та расширилась, превратилась в картинку, которая успокаивала: питон отдыхал, удобно пристроившись в развилке векового ясеня.

Ночью толстогубой привиделся Кощей, сидевший в голубой пижаме на краешке широкой кровати.

– Что с тобой? – удивилась ведьма. – Почему не спишь в такое время?

– Да, я вроде бы задремал, вдруг перед глазами возник Хунг и стал жаловаться. Слов я не разобрал, но понял: он чего-то боится. Пришлось к тебе заглянуть. Что там у вас случилось?!

Ведьма рассказала про безуспешную попытку полиции арестовать питона и направила деду фото беглеца, запрятавшегося в кроне высокого дерева.

Кощея снимок не успокоил.

– С земли, конечно, незаметен, но долго держать его на ясене невозможно. Поручи Доротее подобрать убежище надёжнее.

Титуба пообещала, и призрак властителя Тридевятого царства исчез.

«Померанкие шпицы не самая лучшая пища для заслуженного питона, недовольно думал Хунг, прислонившись головой к шершавому стволу Разве это за еда?!» А ведь он столько раз просил Титубу поменять собак на кроликов или молодых барашков, но та в ответ только отрицательно мотала головой, мол пёсики лучше привлекают внимание публики.

«Чихать мне на публику! – питон со злости ударил хвостом по ветке с такой силой, что с неё посыпались жёлтые листья, – ты, Титуба, уже достала своими собачками! У них шерсти много, а мяса мало! Конечно, по ночам я стараюсь разнообразить питание, но, как артист, хочу есть баранину и крольчатину на виду у зрителей!»

Обжора вспомнил разорённые им кроликовые фермы во Флориде закрыл глаза и, уже засыпая, подумал: «Хотя кролики, есть кролики, они даже для очень больших артистов хороши и без всякого представления! Это такая вкуснота! Я

их чую за два километра!»

13 Тузик не держит слово

Епифан Скорнягин делал уборку в сарае, когда скрипнула калитка, послышались шаги, и осторожный стук в окно дома.

– Кого ещё черти принесли, на ночь, глядя?! – пробурчал лекарь себе под нос, и приник глазами к крохотному сарайному оконцу.

Незнакомая женская фигура маячила у крыльца, возле неё суетилось маленькое тонконогое существо, отдалённо напоминающее собаку.

Старик распахнул дощатую дверь,

– Зачем пожаловали?

– Ах, Епифан Григорьевич, – всплеснула руками Доротея, – как я рада, что вы оказались дома!

Паулина с радостным лаем подбежала к Епифану, обнюхала его пыльный ботинок и чихнула.

– Не грипп, случайно? – опасливо отодвинулся от собачонки Епифан.

Незваная гостья притворно заслонилась от старика ладонями.

– Что вы?! Паулочка прививается каждые три месяца!

– Чепуха на постном масле, эти ваши прививки. Если не хотите болеть, приходите ко мне, от любой болячки уберегу без всяких таблеток и уколов… как мои деды и прадеды врачевали.

– Вы знаете, я не по поводу лечения. У меня несколько другой, очень деликатный вопрос… не для посторонних ушей… – ночная визитёрша воровато оглянулась по сторонам, – на всякий случай пройдёмте в помещение.

Но даже в комнате она говорила полушёпотом. Так, что если бы, кто со двора и попытался её подслушать, то уловил бы только отдельные фразы: «забавный, ласковый такой зверёк»… «никаких хлопот с ним не будет»… «о питании не беспокойтесь, он сам способен себя прокормить, кстати, у вас мыши есть?»

– Полный сарай… заели супостаты проклятые! Уж я что ни делал, мышеловки ставил, кота заводил – всё бесполезно! – глухо отозвался на это старик.

– Считайте, что вопрос с грызунами решён, – утешила его ночная визитёрша, – один-два дня, и вы забудете мышей, как кошмарный сон. Ночами любит прогуляться. Ограничивать не надо и сопровождать не следует, навязчивую опеку не выносит.

– А как, насчёт амуниции? – озаботился Епифан. – Ошейник, намордник и прочие причиндалы… они задаром на дороге не валяются.

– Никаких, как вы выражаетесь, «причиндалов» не надо, но за ваше беспокойство я хорошо заплачу, – Доротея открыла сумочку, лежавшую у неё на коленях, и пообещала, – сегодняшней ночью постоялец будет у вас.

Визитёрша передала хозяину сарая толстую пачку банкнотов, и входная дверь, прощально скрипнув, затворилась за ней и собакой.

Епифан взвесил руками денежную колоду, довольно хмыкнул, достал с верхней полки буфета коробку из-под печенья. Увесистая пачка упала в жестяную ёмкость, ладонь бывшего матроса прихлопнула для верности крышку, и банка опять оказалась на прежнем месте.

Возвратившись с работы, водитель Михаил Жуков поставил свой самосвал цвета спелой узбекской хурмы у ворот дома и уселся передохнуть на лавочке у забора. В сумерках ему привиделось, будто на противоположной стороне улицы над крышей сарая Епифана Скорнягина возник тёмный силуэт, похожий на перевёрнутый вверх подошвой кирзовый, солдатский сапог.

– Видно, Григорьич антенну себе установил, – заёрзал водитель на скамейке, – только зачем над сараем?

«Сапог» дёрнулся, повернулся другим боком, блеснув в лунном свете каким-то стёклышком, и опять замер.

– Каналы настраивает, – решил Жуков, – непонятно, с чего это он телевизор в сарай перетащил!

От мыслей о странностях соседа Михаила отвлёк Тузик, пёс вылез из-под ворот, радостно тявкнул и, потёрся боком об ногу хозяина.

– Так, Тузик, ты знаешь, какие безобразия в городе пошли, – погладил дворнягу Михаил, – помни, у тебя под охраной семь кроликов. Береги семейное добро!

– Гав, гав! – бодро пообещал Тузик.

С утра, как обычно, Жуков явился с мешком скошенной травы в крольчатник, но кормить оказалось некого: по всем трём клеткам, словно кто прошёлся тяжёлым кузнечным молотом, изломал кормушки, сорвал дверцы, и не оставил ни одного ушастого питомца.

– Как так?! – возмутился кролиководл-любитель, и в отчаянии бросил мешок на землю, – Такого не должно быть! Тузик, Тузик! Ко мне!

Однако на голос хозяина никто не откликнулся, только от порыва ветра качнулась калитка, да прошелестел каштан у ворот.

«Неужели, прошлялся всю ночь по чужим подворотням и проворонил грабителей?! Это не похоже на Тузика, он всегда был надёжным сторожем, но куда же он подевался?!»

– Тузик, Тузик, Тузик! – опять позвал Михаил Андреевич, но вместо ответного собачьего лая раздался треск распахиваемого окна, показалась встрёпанная голова Насти, послышался возмущённый крик:

– С какого рожна, ты шум в такую рань поднял?!

Михаил растерянно развёл руками.

– Тузик пропал!

– Никуда он не денется, твой Тузик, проголодается и явится, если не к завтраку, то к обеду!

– Слушай, Настя, если бы только Тузик! Кроликов наших ночью умыкнули. Ни одного не осталось!

– Не может быть! – взвизгнула женщина. – Я сейчас сама посмотрю! – Проверяй, не проверяй, всё без толку, вчера было семь белых великанов, сегодня, ни одного, – Жуков расстроенно махнул рукой и вышел из разорённого крольчатника: пора было выезжать на работу.

Настины предсказания на возвращение Тузика не сбылись: пёс не явился ни к завтраку, ни к обеду, ни к ужину. Звать и искать его, было бесполезно: на чердаке сарая Епифана Скорнягина видел счастливые сны бирманский королевский питон, в ненасытной утробе которого вместе с истерзанными останками кроликов медленно растворялось беспомощное тело честного и

ответственного пса.

14 Обещание подполковника Чернова

После завтрака Шалфей и Цикорий затеяли между собой шуточную борьбу. Кирилл сидел на крыльце и с интересом наблюдал затем, как Цик, с задорным лаем бросался на своего друга, тот нарочито скалил зубы и рычал. Нападавший с деланным испугом отскакивал, и игра начиналась сначала.

Тут на тротуаре что-то зашуршало, Кирилл поднял лапу:

– Тише! Будто мышь скребётся!

И в правду, из-под калитки во двор вылез мышонок. Спинка его была ссутулена, хвост безвольно волочился по земле.

– Дустик! – В один голос воскликнули Шалфей и Цикорий. – Что с тобой?!

– Всё кончено, всё! – пискнул неожиданный гость, и слёзы закапали из его глаз.

– Перестань сырость разводить, – рявкнул Шалфей, – говори толком, что случилось!

– Что мне бедному делать?! Я остался один одинёшенек на всём белом свете!

– А куда же остальные подевались? – пасть Цикория приоткрылась от изумления, в сарае, как помню, таких, как ты, была рота целая или больше!

– Там проживало много мышей, а теперь кроме меня никого, – простонал мышонок.

– И куда же они испарились? – удивились псы.

– Всех сожрал питон, – дрожащим голоском отозвался Дустик.

– Когда я там у вас, так скажем, гостил, никаких питонов не было, – мяукнул Кирилл, – откуда он взялся?!

Дустик всхлипнул.

– Сбежал из цирка, Епифан поселил его в сарае, и бандит проглотил всех наших в одну ночь.

– Такой толстенный разбойник, как же он в норки пролазил?! – удивился Цикорий.

– Ему не надо по норкам ползать, мыши сами к нему на съедение являлись, – при этих словах голос Дустика опять дрогнул, он прикрыл лапками заплаканную мордочку.

Из дальнейшего рассказа выяснилось, что питон выманивал мышей шипением, и те, вопреки своей воле, ползли в змеиную пасть. Не хотели, тряслись от страха, упирались лапками, плакали, пищали, но всё равно ползли.

Дустик же защитил себя от гипноза тем, что раскопал в норке два зёрнышка ятрышника и затолкал по одному в каждое ухо. Мышонок также рассказал, что этой ночью питон слопал Тузика, и всех кроликов водителя Жукова. – Какая сволочь! Тузик наш хороший приятель, когда мы голодали, он последней костью готов был поделиться! Это же надо, такого чудесного пса сожрал! – возмутился Цикорий. – Шалфей, давай, быстро рванём туда и покажем злодею, где раки зимуют!

– Как бы он нам своих раков не показал, – отозвался на это Шалфей, – Алексей-то на работе, надо подумать.

Цикорий нетерпеливо поскрёб землю когтями.

– Причём здесь Алексей? Понеслись! Что тут думать?!

– Думать надо всегда! Представь себе: мы – два идиота, сбежим, оставив дом без охраны, душегуб ненасытный заползёт в сад, а когда возвратимся, ни Вики, ни Сони, ни Кирилла уже нет.

– Да, – озадаченно покрутил головой Цикорий, – твоя правда, но что же делать?

– Я, кажется, сообразил, – Шалфей легонько толкнул Кирилла, – Вот что, дорогой, напиши Вике письмо, что преступник, поставивший на уши весь город, скрывается у Епифана. Она сообщит в полицию. А та уж бандита не упустит.

Затем пёс обратился к Дустику.

– Дуй, друг, обратно.

Глаза мышонка округлились от ужаса. Как обратно? Он меня в один миг проглотит и как звать не спросит!

– Не проглотит, если будешь себя осмотрительно вести. Затаись там, в сарае… уши от гипноза заткни. Если что… ставь нас в известность. Помни, ты –

разведчик, а разведчику плакать не положено… вытри слёзы и вперёд.

Подполковник Чернов хмурил брови над закапанным Настиными слезами заявлением о пропаже кроликов, когда ему позвонила Сонина мама и сообщила, что сбежавший из цирка питон скрывается в сарае Епифана Скорнягина.

– Увильнул, негодяй, от ареста и безобразничает! Не волнуйтесь, Виктория Львовна, мы непременно изловим это заморское Чудо-Юдо! Я, подполковник Чернов, вам обещаю!

– Всё сходится, – потёр ладони начальник отделения, обдумав полученную информацию, – питон, обосновавшись у Епифана, ночью, когда все спали, заполз во двор Михаила Жукова, сожрал кроликов и собаку. После такого ужина, вряд ли отполз от места преступления, более чем на пятьсот метров. Возьмём тёпленького.

Подполковник нажал тревожную кнопку. Взвыла сирена, замигали красные сигнальные лампы, беспокойно забасили динамики в кабинетах: «Внимание, внимание! Объявляется операция «Невод»!

Захлопали двери, загремели каблуки на лестницах. Бойцы, облачённые в бронежилеты и каски, расхватывали из пирамиды автоматы, выбегали на площадку перед зданием отделения и строились в две шеренги. Очень скоро перед личным составом появился Чернов.

– Участок вероятного нахождения хищника охватим кольцом диаметром в километр. По моей команде начнём сжимать окружение. Питона задержать, в случае сопротивления применить оружие! – ставил командир задачу, расхаживая перед строем.

Из-за операции по поимке опасного преступника отменили занятия в городских школах. Жителей попросили соблюдать спокойствие и не покидать помещений без особой необходимости.

Титуба возвращалась на самокате из кондитерской «Сыр-бор», когда услышала завывания сирен: три полицейские машины пересекли железнодорожный переезд и, сверкая сигнальными огнями, пронеслись вдоль стадиона, гостиницы Рио, свернули направо, на улицу Пушкина, затем налево на Парковую.

Ведьму охватило беспокойство.

«Хунг из-за своего неуёмного обжорства, мог ночью наследить, и теперь полиция встала на уши!» – догадалась она, и самокат устремился вслед за полицейскими.

Слева от детской площадки в тени начавшего уже по-осеннему краснеть клёна стоял патрульный автомобиль, около него о чём-то разговаривали двое бойцов в шлемах и бронежилетах, с автоматами за спинами. Самокат бесшумно подкатил к детской горке, и Титуба, затаившись за ней, стала вслушиваться.

Прожужжал сигнал служебной радиостанции. Один из полицейских сорвал с пояса трубку:

– Сержант Петухов слушает!

Рация, что-то строго проворчала и затихла.

– Вас понял, – заключил Петухов, – мы готовы.

– Чернов информирует об обстановке, – пояснил сержант своему напарнику, – и сказал, что кольцо вокруг питона сомкнулось, в ближайшее время поступит команда двигаться вперёд, будем брать.

«Кольцо вокруг питона сомкнулось», – эта фраза сильно обеспокоила Титубу. Положение осложнилось, Хунга надо было выводить из зоны оцепления, но, как это сделать, ведьма не знала.

Вдруг задрожала земля, тяжёлый самосвал цвета марокканского апельсина проехал рядом с площадкой вверх по Парковой улице и, звякнув цепями, остановился у дома водителя Жукова. Михаил вышел из машины и в это время у него в кармане зазвонил мобильник.

Слушаю, сказал водитель в трубку, где я?.. В данный момент дома… заехал, перекусить… через полчасика выезжаю в Сосногорск… да, можете смело рассчитывать на мой КАМАЗ… не волнуйтесь… буду на стройке, как договорились… до встречи.

Вздох облегчения вырвался из груди заокеанской ведьмы, она нашла выход из безнадёжной, казалось бы, ситуации. «Так, тридцать минут… у Хунга есть целых тридцать минут», сказала сама себе Титуба, достала из сумочки смартфон и указательным пальцем нарисовала на экране путь к спасению рептилии.

15 Творческие личности живут дольше, но за чей счёт?

Шалфей отдыхал у себя в будке, когда со стороны соседской конуры донёсся жалобный скулёж. Выскочив наружу, пёс увидел Цикория, который прикрыв глаза и мотая из стороны в сторону головой, жалобно подвывал.

– Цик, – окликнул его Шалфей, но Цикорий, не услышав его, продолжал скулить.

Только после того, как Шалфей громко гавкнул и зарычал, Цикорий встряхнулся и с недоумением уставился на друга:

Зачем рычишь ни с того ни с сего?!

Как это, ни с того, ни с сего?! возмутился Шалфей. Очень даже с того и с сего. Посмотрел бы на себя, Цик, у твоей морды такое жалобное выражение, с ума можно сойти! Ты, наверное, из-за мышей переживаешь, которых питон сожрал? Успокойся, полицейских постов только на нашей улице, как минимум семь. Змея обложили надёжно, видимо вот-вот скрутят.

Мышей жалко, но они тут не причём, отозвался Цикорий, ситуация моя серьёзная.

Что, температура? Заболел? С этим нельзя шутить! Я сейчас позову Кирилла, мы к Вике обратимся, пусть таблетку выдаст.

– Не надо Вику, тут таблеткой не поможешь, Цикорий опять зажмурился и завыл жалобнее прежнего.

Не скули так уныло! Утро такое погожее, а ты уши опустил и хвост повесил.

Не трогай мой хвост, пожалуйста, он сейчас мне, как озарение свыше, так сказать.

Брови Шалфея выгнулись дугой от изумления.

– Какое такое озарение от хвоста?! Что на тебя наехало?!

– На меня наехало вдохновение, я слагаю стих, – признался Цикорий. – В момент, когда ты зарычал, я про хвост сочинял. Грустно как-то получилось, жалко себя стало, вот я и заскулил. Хочешь, прочитаю?

Валяй, согласился Шалфей.

Тут же в глазах Цикория заблистали стальные искры, он в момент преобразился, встал на задние лапы, поправил на шее воображаемый галстук, левой лапой опёрся о конуру, правую поднял над головой и объявил:

– «Отрывок из поэмы «Собачья жизнь», читает автор известный дворовый поэт Цикорий:

«А, дождь всё льёт не иссякая,

Промок совсем родной мой хвост,

Прощай, Шалфей, мой друг любимый,

Перехожу я жить под мост».

Слушай, Цик, зачем напраслину городишь?! Нашим будкам никакие дожди не страшны, да, по правде сказать, и хвост твой такой куцый, что его можно промочить только, если налить на него ведро воды. Тебе совершенно не надо под мост. Не уходи!

Да, я и не собираюсь.

А, зачем, тогда ерунду несёшь?

Для рифмы и несу, понимаешь, слова хвост и мост отлично рифмуются, вот и получился замечательный стих.

На мой взгляд, ты меня, Цик, конечно, извини, но этот твой стих никакой не замечательный, я бы даже сказал, дурацкий. Если ты под мостом не хочешь жить, то и не пиши.

То есть, тебе не понравилось?

Нет, извини. Друг ты хороший, а поэт никакой.

Почему никакой? У меня есть ещё стихи. я сочинил и про питона, которого сейчас ищет полиция. Слушай:

– «Жара, дождя нет, ну ни капли,

Лежу я, высунув язык,

А солнце надо мною светит,

У нас в саду питон шипит».

Шалфей опасливо повертел головой.

– Нет у нас в саду никакого питона.

– Ты, Шалфей, опять ничего не понял. Это поэзия, сегодня питона нет, а завтра, вдруг, будет, а в стихе уже всё предсказано. Могу ещё.

– Мне достаточно, почитай лучше Кириллу, вон он на крыльце сидит.

– Это надо напечатать на компьютере, – сказал Цикорий коту, когда тот прослушал строчки про жару и питона, зашипевшего в саду, пусть Соня пошлёт в газету «Кавказская здравница».

Кирилл отчаянно замотал головой и затем решительно мяукнул, нет, не пошлю!

Почему?! недоумённо вытаращился на него пёс.

Кошачий рот снисходительно скривился.

Газета такие стихи не опубликует.

Ладно, оставим… я вот и другие сочинил. Про тебя, кстати.

Кот уселся на задние лапы, навострил уши.

Читай, если про меня.

Слушай, Цикорий подкатил глаза к небу и провозгласил торжественным голосом:

«Котов терпеть я не умею,

На каждого хочу рычать,

Но вот Кирилла обожаю,

Готов ему свой кус отдать.»

Ну, как?

Спасибо за кус, но мне сегодня не надо. Такие стихи, хоть и про меня, но для газеты не подойдут, набирать их на компьютере бессмысленно.

– Тогда напиши Соне, чтоб дала объявление о вечере моих стихов в Театре-парк. Людям почитаю, – настаивал Цикорий.

– Как же ты, не умея говорить по-человечески, будешь перед публикой выступать? Гавкать что ли?!

– Хорошо, – не сдавался Цикорий, – из таких прекрасных стихов можно песню сделать. Пусть Вика сочинит музыку, а я спою. У меня голос, очень громкий, смогу даже без микрофона.

– А припев?

– Какой ещё припев?

– В песне должен быть припев… строчки четыре, которые повторяются после каждого куплета.

– Это вообще проще простого, я его прямо сейчас и придумал, «У-у-у-у-у- гав, гав, гав», – провыл пёс, – и так четыре раза. Ну, как?

– По-моему, вот это «У-у-у-у-у- гав, гав, гав» самое лучшее, что будет в твоей песне, хотя, если, по правде сказать, припев тоже никудышный. Ты бы, прежде чем сочинять, попросил Соню почитать тебе что-нибудь уже известное: например, «Муху-Цокотуху», «Дядю Стёпу», или, хотя бы этот: «Наша Таня громко плачет, уронила в речку мячик…»

– Зачем мне другие стихи слушать, когда я сам поэт?! – разозлился Цикорий. – И, вообще, Кирилл, ты разбираешься в поэзии не лучше, чем свинья в помидорах!

– Свинья в апельсинах, – поправил кот.

– Какая разница, в помидорах или апельсинах?! Главное, ты ничего в этом не понимаешь, а берёшься учить.

– Я не брался тебя учить, ты сам ко мне прилез со своей чепухой.

Зачем ты обзываешь мои стихи чепухой?! Я могу и обидеться.

Ты не обижайся, скажи только, с какого перепуга, к тебе пришла идея заниматься стихоплётством?

Ни с какого, ни с перепуга, Юрка надоумил. Он, когда меня на велосипеде учил ездить, говорил, что творческие личности живут дольше, мол, пиши стихи, чтобы жить долго.

– Юрка отличный парень, но, когда он тебе такую идею долгожительства подавал, о нас с Шалфеем не подумал.

А, причём здесь вы?! Ведь сочиняю стихи я!

Да, сочиняешь ты, но это твоё долголетие за наш с Шалфеем счёт. Мы от твоих стихов нервничаем. Наше здоровье портится, значит, жизнь сокращается.

16 Кому подарить браслет?

Сообщение об отмене занятий обрадовало Юрку. «Раз нет уроков, решил он, смотаюсь в парк, загляну в заброшенный бювет, разнюхаю что там к чему, а затем порыбачу на речке». Однако планы посидеть с удочкой на берегу исполнить не удалось, он не успел дойти до парковой ограды как его остановил боец в боевом снаряжении.

– Куда путь держишь?

– К речке, порыбачить немного.

– Занятия в школе отменили, чтобы дети не выходили на улицу, а ты, вместо того чтобы из дома нос не высовывать, хвост трубой, и на рыбалку?!

– Дяденька, но я уже собрался! – взмолился Юрка. – Червей накопал!

В ответ на это боец только добродушно улыбнулся и махнул рукой.

– Ладно, раз червей накопал, тут уж ничего не поделаешь. В парк я тебя пропущу, там питона быть не должно, но всегда надо иметь ввиду, что преступник, пока он на свободе, может оказаться в самом неожиданном месте. Ты уж ему на пути не попадайся.

– Ни за что! – пообещал Юрка.

С центральной аллеи, мальчик свернул на узкую, еле заметную тропку, ведущую к цели. Под ногами шуршала опавшая листва. За густыми, тронутыми осенней желтизной зарослями, показался бювет. Кремовая штукатурка на его стенах выгорела, местами осыпалась, обнажив позеленевшую от сырости кирпичную кладку.

Проржавевший замок на входной решётке поддался не сразу. Хорошо, что из дому была предусмотрительно прихвачена маслёнка от бабушкиной швейной машинки. Пришлось четыре раза прокапать скважину, прежде чем ключ в ней, наконец, провернулся. Решётка с недовольным скрипом поддалась и Юрка оказался внутри.

В полуподвал вели пять засыпанных перепревшей листвой ступеней. Из мрачной глубины дохнуло влажным теплом и запахом распаренных банных веников. Слева на кафельной облицовке стены, темнела каменная львиная морда, из приоткрытой пасти в старую керамическую раковину сочилась по стене тонкая струйка.

«Бабушка говорила, что жила исчезла, а она, видимо, вновь потихоньку открывается, поскольку вода слабо, но всё-таки течёт», – подумал мальчик. Он подставил ладонь, чтобы попробовать тёплую жидкость на вкус, но тут из дальнего тёмного угла помещения раздался резкий шипящий звук.

«Питон!» – Юркино сердце бешено заколотилось, и он, не помня себя, выскочил наружу, захлопнул решётчатую дверь, припёр для надёжности, коленом и несколько минут настороженно всматривался в полумрак грота… но хищник никак себя не проявлял.

«Наверное, питона там всё-таки нет, просто мне с испугу почудилось? – стал успокаивать себя пятиклассник. – И с какого лешего ему здесь взяться? Полиция ищет в другом месте, а она уж знает, что делает. Вперёд, и не трусить!»

Удилище, на всякий случай, было взято наизготовку. Нога ступила на первую ступень… на вторую. В погружённом во мрак углу полуподвального помещения послышалась какая-то возня.

– Не подходи! Убью! – закричал Юрка.

Раздался ужасный вопль. Мальчик отпрянул в сторону, и мимо него с пронзительным воем пролетела чёрно-белая молния. Запоздалый удар удочкой пришёлся в стену, из которой выпала кафельная плитка и раскололась на каменном полу.

«Это, никакой не питон, – сказал себе пятиклассник, – а затаившийся в бювете неизвестный зверёк. Он, видимо, испугался меня, больше, чем я его».

В стене, в месте, по которому пришёлся удар бамбукового удилища, открылась ниша, в её глубине тускло поблёскивал какой-то предмет.

«Тайник!» – догадался Юрка.

Все страхи ушли, любопытство взяло верх. Конец удилища, пошарил в тёмном углублении, но вытолкнуть оттуда находку не смог. Мальчишка влез на каменный прилавок, встал на цыпочки и, перебирая пальцами, извлёк наружу необычное изделие: девять скреплённых между собой тёмных полированных пластин, украшенных серебряными драконами.

– Вот, это повезло! – обрадовался Юрка. Браслет, да какой красивый!

Теперь было уже не до рыбалки. Удочка за ненадобностью осталась в закрытом на замок бювете. Найденное сокровище отправилось в пластиковое ведёрко, бодро размахивая которым, пятиклассник двинулся обратно. Но не сделал он и сотни шагов, как в зарослях орешника справа от тропинки послышался шорох: чёрно-белый, с покусанным правым ухом кот, встав на задние лапы, драл когтями замшелый пень и был настолько увлечён этим занятием, что даже не заметил шедшего по тропинке.

«Это он чуть до смерти меня не напугал! – подумал Юрка. – А теперь, видите ли, ему коготки вздумалось поточить! Пусть позавидует моей находке».

– Эй, смотри, что я в бювете нашёл! – браслет был извлечён из ведра и показан корноухому. – В таких украшениях в старину только знатные дамы щеголяли.

Коту, а это был Жиган, стало обидно. Ранее он вместе другими сородичами проживал на квартире городского архивариуса, но, когда среди тамошних котов, стал верховодить рыжий Тимофей, который на дух не выносил Жигана, тому пришлось покинуть тёплое местечко и устраиваться на житьё в парке. Существование на природе без удобств коту не нравилось. Он готов был уцепиться за любой вариант переселения в тёплую городскую квартиру.

«Как я проморгал такую удачу! – расстроился Жиган. – Наверняка, это ценное украшение, которое всегда можно хорошо продать и на вырученные деньги устроить себе нормальную зимовку. Надо проследить, куда мальчишка спрячет сокровище, и выкрасть!»

«Очень интересную штучку я нашёл, – рассуждал Юрка, двигаясь между кустами орешника, – если Соне её подарить, наверное, сразу перестанет зазнаваться и подружится со мной».

Послышался ритмичный скрип кроссовок. На тропинке показался бегущий Алексей Петрович. Лицо его было покрыто капельками пота. Бегуна сопровождали собаки. Узнав мальчика, Шалфей ещё издали стал выделывать хвостом приветственные знаки, Цикорий радостно гавкнул.

– Подождите! – Юрка замахал удочкой.

– Что случилось? – Сонин папа замедлил бег и остановился.

– Вот, смотрите, что я нашёл! Скажите, пожалуйста, что это?! – находка была передана мужчине. Ощутив в руках приятную прохладу серебряного изделия,

Алексей Петрович на миг задумался.

– Это, как я понимаю, старинный женский браслет. Драконы закреплены на пластинках из черепахового панциря. Очень изящная штучка! – Сонин папа осторожно потрогал пальцами серебряные завитушки драконьих хвостов и удивлённо покачал головой, – Ты, знаешь, мистика какая-то: недавно моя дочь рисовала нечто очень похожее. Что ты собираешься с этим делать?

Юрка замялся.

– Я думаю, раз Соня рисовала, надо ей и подарить.

– Хм, Соне? Желание похвальное, но, не стоит, пожалуй, этого делать.

– Почему?!

– Мне кажется, рановато ей такие подарки получать.

– Ну, я могу подождать, – Юрка замялся и переступил с ноги на ногу, – вот исполнится двенадцать… тогда ко дню рождения.

– Нет, Юра, не пойдёт. Это вещь редкая. С исторической точки зрения она, несомненно, представляет интерес. Сдай её в городской музей. Там будут рады.

– Тогда я оттащу эту штуковину туда, куда вы сказали, прямо сейчас.

Этого разговора Жиган не расслышал и решил про себя, что как только собаки убегут, он укусит мальчишку за лодыжку и даст стрекача. Тот всё бросит и ринется вдогонку. Далее всё просто: заманить глупыша в густой кустарник, а самому со всех лап дунуть обратно к ведёрку, украшение в зубы, и удрать. Кот поскрёб когтями кору на старом пне и присел, изготовившись к решительным действиям.

17 Непьющим Горынычи не мерещатся

Михаил Жуков перекусил, попрощался с Настей. Хлопнула стальная автомобильная дверь, самосвал взревел и двинулся в направлении Сосногорска. На железнодорожном переезде грузовик сильно тряхнуло, и в кузове, который, как полагал Жуков, был порожним, послышалось странное шипение.

«Шина, что ли прокололась? – обеспокоился Михаил, и тут же себя утешил. – Вряд ли, шина. Машина идёт прямо… это всё из-за ремонта на железнодорожном переезде, видимо, компрессор выпустил струю сжатого воздуха, а мне почудился звук в кузове».

Дальнейшее путешествие шло без осложнений. Но на самом подъезде к Сосногорску, когда машина уже пересекла мост через Подкумок, её резко подбросило на ухабе, в кузове всколыхнулась какая-то масса, и шипение послышалось вновь.

«Придётся всё-таки остановиться и проверить шины», – сказал сам себе Михаил, но только успел сбросить скорость, как кровь ударила ему в голову, и он на секунду даже оцепенел от ужаса: с крыши кабины свесилась громадная в тёмных оливковых пятнах змеиная голова! Злобные жёлтые глаза, не мигая, уставились на Жукова, бездонная зубастая пасть распахнулась, два шнурка змеиного языка, извиваясь, как черви, потянулись, к водителю, но, натолкнувшись на ветровое стекло, распластались на прозрачной поверхности.

Лоб мужчины покрылся холодным потом, но Михаил служил в ВДВ и был парнем не робкого десятка. Быстро овладев собой, бывший десантник брызнул в наглую змеиную харю голубой струёй омывающей жидкости. Со скрипом задвигались щётки стеклоочистителя. Страшная морда, с изумрудными каплями на носу, немного отстранилась, укоризненно покачалась, закашляла и плюнула в омытый ветровик густой пенистой слюной, за которой скрылась из видимости дорожная полоса. Шофёрский ботинок резко надавил на педаль тормоза. Взвизгнули шины. Самосвал, оставив на асфальте тёмный след, сполз с дорожного полотна и застыл на обочине.

«Принесла тебя нелёгкая! – сжатый кулак погрозил непрошеному пассажиру. – Но Михаила Жукова голыми руками не возьмёшь! Сейчас я тебя выгружу вместо щебёнки!»

Кузов заскрипел и стал подниматься, морда чудища исчезла.

– «Вот так-то, козёл заморский, – облегчённо выдохнул Михаил Андреевич, и щётки стеклоочистителя, забегавшие по стеклу, опять сделали его прозрачным!». Ушла в пол педаль газа, самосвал рванулся вперёд. Михаил запрыгал на сиденье и торжествующе забарабанил пальцами по рулю: – «Так, так! Только так! Побеждает «Спартак!» – но, как оказалось, радость была преждевременной, – искажённая злобой физиономия рептилии вновь нарисовалась, но уже на правом боковом стекле. Опять заскрипели тормозные колодки.

– Сползай, скотина! – закричал Михаил, – это тебе не автобус!

Змей не подчинился, и в его зрачках засветилась такая лютая неприязньк водителю первого класса, что у Жукова по спине пробежал холодок.

Змеиная пасть распахнулась, и острые клыки питона с режущим скрипом заскользили по стеклянной поверхности, оставляя на ней белые царапины.

«Не дай бог, прогрызёт! – побледнел Михаил. – Проглотит вместе с ботинками! Обидно, всего лишь каких-то двести метров не дотянул до поста Дорожно-патрульной службы! – он с сожалением взглянул на белеющую впереди будку. – Придётся драпать на своих двоих!»

«Псих! – решил сержант Шевцов, увидев странного мужчину, который бежал к нему, размахивая руками и испуганно оглядываясь.

– Товарищ сержант! – закричал Жуков, приблизившись и тыча рукой назад. – Там… в моём Камазе… ну, в кузове… большой змей… зубы скалит… чуть не сожрал!

– А огнём он случайно не пышет? – съязвил полицейский.

– Огня нет, – отрицательно покачал ладонью Михаил, – только плюётся, сволочь.

– Я понял, смесь змея Горыныча с кара-кумским верблюдом! – Шевцов недоверчиво покачал головой и протянул руку. – Документы!

– Вот мои права! – Жуков торопливо достал водительское удостоверение. – Надо чудище арестовать, пока большой беды не случилось! Харя у змея – во! – Михаил кольцом сомкнул руки над головой. – Идти против него с этой «пшикалкой», – он показал на пистолетную кобуру на ремне у сержанта, – что с мухобойкой на тигра!

– С чем и как идти, разберёмся без советчиков, – прохладно отозвался Шевцов и скрылся в будке, откуда через некоторое время вышел крупный полицейский с коротким автоматом на плече и представился:

– Ефрейтор Голубев, – а затем сделал рукой пригласительный жест, – ну, дорогой ты наш Илья Муромец, пойдём, посмотрим, что там у тебя за Горыныч завёлся.

Полицейский направился в сторону самосвала. Михаил за ним.Ни в кабине, ни в кузове питона не оказалось.

– Слушайте, гражданин Жуков, а у вашей жены вчера не было случайно дня рождения? – Голубев перешёл на «вы».

– Нет, с чего это?! У Насти день рождения седьмого апреля. Что за вопрос?

– А то, что надо ехать в город на предмет определения степени алкогольного опьянения.

– Я, вообще непьющий, – возмутился Жуков, – можете, у соседей, у начальства моего спросить, вам все подтвердят.

– Непьющим Горынычи не мерещатся, – отрезал ефрейтор, –придётся свозить вас в лабораторию.

– Трезв, как стёклышко, – сказал лаборант, протягивая Голубеву бумажную полоску с фиолетовыми строчками, – следы алкоголя отсутствуют.

– Странно, – ефрейтор спрятал бумажку в папку, – вероятно, что-то с психикой?

– Это уже не по моей части, – развёл руками человек в синем халате.

– Я могу ехать? – обрадовался Жуков, когда полицейский возвратил ему права.

– Для начала садитесь в мой лимузин, – Голубев открыл дверцу патрульной «Лады», – довезу до поста, а там вольному воля.

18 Музей

Коварный план Жигана не сработал, и виной тому стал Алексей Петрович, который, напомнив пятикласснику, что в городе проводится операция по задержанию питона, велел Шалфею и Цикорию сопроводить Юрку до музея.

– Ничего этот ваш питон мне не сделает, – попытался отказаться от собачьего эскорта мальчишка, – не боюсь я его!

– При тебе очень ценная находка, поэтому охрана не помешает, – заметил на это Алексей Петрович, – к тому же псы будут только рады прогуляться вместе с тобой по центру города.

Нападать на обладателя сокровища с таким караулом, было бы самоубийством, Жигану пришлось отказаться от своего воровского замысла и оставалось только идти за компанией и следить за Юркой с безопасного расстояния.

Городской музей – старинный двухэтажный особняк с широкими окнами находился неподалёку от центральной площади. На звонок долго не отвечали. Цикорий то подбегал к двери, то отскакивал и сердито лаял. Наконец, послышался скрип лестничных ступеней, пыхтенье. Глухо звякнул засов, тяжёлая дубовая дверь отворилась, появился коренастый пожилой мужчина в чёрной плотной куртке, с нашивкой: «Охрана» над левым нагрудным карманом. – Чего тебе? – сторож поёжился от утреннего холодка и опасливо покосился на двух нехилого вида собак, занявших боевую позицию, чуть позади раннего посетителя.

– Я в парке старинное изделие нашёл и хочу передать музею, – Юрка вытащил из ведёрка браслет и протянул охраннику, – видите, какая интересная штуковина.

– Да, вещь красивая, – сказал тот, – но ты рановато явился, заведующая, Алла Владимировна, будет через полчасика, ей и отдашь, – сторож потянул бронзовую дверную ручку на себя.

– Зачем я буду столько ждать?! – возмутился мальчишка. – Со мной собаки, хозяин будет волноваться … у них по распорядку дня уже давно время завтрака закончилось… может, я лучше вам оставлю?

– Мне не надо, – открестился от браслета охранник, – мало ли кто чего приносит. Я не обязан всё брать. Жди Аллу или заходи после, – и дверь с глухим стуком захлопнулась.

– Ребята, – обратился пятиклассник к своим сопровождающим, – нечего вам здесь торчать, дуйте домой. Я один дождусь заведующую.

Не успел Цикорий немного отдалиться от музейного здания, как вдруг унюхал кошачий запах. Поиски были недолгими: Жиган прятался на клумбе между кустами бордовых георгин.

– А тебе, проходимец, что здесь надо?! – рявкнул пёс, и кота, как ветром сдуло.

Отчаянными прыжками Жиган домчался до здания городского почтамта, и, только там, не слыша за собой погони, оглянулся. Обе собаки ленивой трусцой двигались в противоположную от него сторону к гостинице «Маяк» и, казалось, им не было дела до перепуганного кота.

Лапы сами развернули Жигана и понесли обратно к музею, но тут кошачий рот скривился, будто он только что проглотил ломтик кислого лимона: на глазах корноухого к музейной двери подошла коротко стриженая блондинка лет сорока, к ней подбежал Юрка и со словами:

– Эту штуковину я нашёл в парке и хотел бы подарить музею, – передал сокровище.

Женщина, взяв в руки изделие, взглянула на мальчишку и удивлённо подняла брови.

– Да, этой вещичке цены нет! Конечно, мы её примем, спасибо. А ты сам-то из какой школы, как тебя зовут, чем увлекаешься и так далее?

– А зачем вам? – Юрка отступил на шаг назад.

– Как же?! На стенде с этим браслетом мы вывесим табличку, на которой напишем, кто подарил музею такой ценный экспонат, и коротко расскажем о тебе! Ты, наверное, интересуешься историей?

– Немного, – Юркины глаза ушли в сторону, он засуетился, – извините, Алла Владимировна, мне надо торопиться. Я потом к вам как-нибудь заскочу.

– Я поняла, назови, хотя бы, свои имя и фамилию!

Юрка представился.

– Ну, мне пора идти.

– Спасибо, Юра! Ждём тебя в нашем музее, заходи!

– Обязательно, – мальчишка развернулся и быстро зашагал прочь.

Когда тяжёлая входная дверь распахнулась перед Аллой Владимировной, Жиган выпрыгнул из-за клумбы и хотел, было, проскочить вслед за ней внутрь помещения, но охранник на него так топнул, что кот отскочил метров на пять в сторону и присел на тротуаре. Женщина с заветным браслетом скрылась в коридоре, дверь затворилась. Неудачник уныло побродил немного возле здания, а затем с опущенным от досады хвостом побрёл вверх по Интернациональной улице в сторону вокзала.

19 Труба

Псы вернулись домой и, навострив уши, сидели у калитки, но ни стрельбы, ни криков, ни других звуков, свидетельствующих о том, что полицейские обнаружили, наконец, питона и перешли к его задержанию, собачий слух не уловил.

– Не понимаю, чего они тянут, – недовольно прорычал Цикорий

– Наверное, не всё пошло так, как задумали, – предположил Шалфей.

Ясность в происходящее внёс проскользнувший в щелку забора Дустик.

– Толстобрюхий смылся – пропищал мышонок, – полиция ищет его здесь, а он удрал на самосвале.

Мышонок рассказал псам, как всё случилось.

Шалфей взволнованно пролаял:

– Молодец, Дустик, ты настоящий разведчик! Теперь надо торопиться, пока питон Михаила Андреевича не слопал. Я знаю стройку, на которой работает Жуков. Отсюда километров семь, не меньше.

– Своим ходом можем и не успеть, – засомневался Цикорий.

– Как же поступить?!

– Юрка разрешил мне брать его велосипед в любое время. Давай, дунем на двухколёсном.

Через некоторое время водители и пассажиры автомобилей, мчавшихся по Сосногорскому шоссе, с удивлением поворачивали головы в сторону необычных велосипедистов: чёрный остроухий с рыжими подпалинами на груди пёс, вывалив язык и раскачиваясь с боку набок, крутил педали, другой, пегий с широкими, обвислыми ушами, растопырив задние лапы, трясся на багажнике.

– Наконец-то доехали! – задыхаясь пролаял Цикорий. – Вижу оранжевый Камаз на обочине. Кузов поднят!

Шалфей высунулся из-за спины товарища.

– Да, это машина Жукова. Тормози, а то, как бы нам с налёта прямо в змеиную пасть не въехать. Осмотрим сначала издали.

С самосвалом явно что-то произошло: двигатель работал, дверца с водительской стороны была распахнута настежь, в кабине никого не было, по сухому ветровому стеклу скребла щётка стеклоочистителя.

Два друга с осторожностью приблизились к машине.

– Я осмотрю кабину, а ты займись кузовом, – прошептал Шалфей и в один прыжок оказался на шофёрском месте. Густой болотный дух витал над запахом солярки.

«Такое впечатление, будто змей совсем недавно залазил сюда, – подумал пёс, обнюхав пол и сиденье, – неужели, всё-таки сожрал Михаила Андреевича?!»

– Кузов пустой, – доложил Цикорий, – судя по запахам, гад уполз в сторону реки, я – за ним.

Шалфей зачем-то ещё раз обнюхал кабину, выпрыгнул на обочину и помчался вдогонку.

На другой стороне шоссе Цикорий прыгнул в кювет и едва не приземлился на голову гигантской рептилии, высунувшуюся из обломка серой асбестовой трубы. Бесстрашный пёс запрыгал перед разинутой пастью и залился бешеным лаем.

Змей ринулся, было, на собаку, но узкая труба не позволила совершить стремительный бросок, Цикорий успел отскочить, а питон не смог повторить атаку так как, на его хвосте, торчавшем с противоположного конца трубы, мёртвой хваткой сомкнулись челюсти Шалфея. Неожиданная острая боль, на миг заставила хищника забыть о мечущемся перед ним остроухом наглеце и отвлечься на того, кто посмел напасть на него сзади.

Змеиный хвост поднял Шалфея почти на метр над землёй, чтобы с размаху ударить о камни, но собачьи челюсти успели разомкнуться чуть раньше. Пёс, приземлившись, отпрыгнул в сторону, и тяжёлый мускулистый хвостище обрушился на то место, где Шалфея уже не было.

– Ах, ты, тварь подлая! – оскалил зубы Цикорий, который видел, как его друг буквально чудом избежал смерти. – Да я тебя! – он издал грозный рык и присел, изготовившись броситься на ненавистную змеиную морду.

– Стой! Ты с ума сошёл! – залаял Шалфей. –Вдвоём нам с тобой его не взять! Главное, не выпускать из западни до тех пор, пока подмога не поспеет!

Так, атакуя питона поочерёдно с обеих сторон, псы, не давали тому возможности выбраться из ловушки, в которую он сам себя загнал.

20 Смерч

«Как там Хунг?» – озаботилась Титуба и кликнула клавишу на смартфоне. Загорелся экран, и ведьма увидела, что происходит глазами самой рептилии:

перед разинутой пастью питона прыгал, рычал, брызгал слюной и хрипел от злости чёрный остроухий пёс, с рыжими подпалинами на груди. Куцый собачий хвост дрожал от ярости.

– Какой наглец! Проглоти его, Хунг!

Повинуясь команде, змей ринулся вперёд, однако судорожно дёрнулся, словно наскочил на препятствие, издал звук похожий на стон и застыл на месте. Из мобильника донёсся приглушённый лай другой, невидимой на мониторе собаки.

«Его атакуют два пса, второй со стороны хвоста», – догадалась ведьма.

Питон обернулся, и Титуба увидела тёмную дыру, в которую уходило тело рептилии. Избранное питоном, слишком короткое и узкое укрытие, превратилось для него в западню. Карта на экране также показала, что вблизи от места схватки находится пост дорожной полиции. Вооружённые бойцы могли представить серьёзную опасность, Хунга надо было выручать.

Ведьма сорвалась с места, выхватила из саквояжа круглую тёмно-вишнёвую пудреницу и выскочила с ней из вагончика. Через несколько минут её самокат уже нёсся по шоссе, обгоняя попутные машины. Волосы Титубы развевались, полы чёрной куртки разлетались, словно крылья летучей мыши.

В момент, когда ведьма домчалась, наконец, до моста через реку рядом с сержантом Шевцовым, расхаживавшим вдоль шоссе с полосатым жезлом, притормозил внедорожник. Водитель открыл окно, и закричал:

– Алё, товарищ сержант, там, в ста шагах от вас собаки, будто, медведя обложили… осатанели совсем, из шкур выпрыгивают!

– Даже, если это и медведь, но не за рулём – вопрос не к дорожной полиции, – отозвался на это сержант.

– Я охотник и знаю, без серьёзного повода псы не будут так бесноваться. Видно, что-то случилось.

– Ладно, понял, проезжай.

Заглянув в помещение поста, Шевцов обратился к ефрейтору Голубеву.

– Витёк, там, – он жезлом указал направление, – собаки с чего-то расходились. Взгляни.

Ефрейтор поднялся со стула, привычно вскинул на плечо автомат и двинулся в сторону неистового собачьего лая.

Титуба, тем временем проскочила мост и. увидев пересекавшего шоссе рослого полицейского с автоматом, резко затормозила, отбросила на обочину самокат, сжала в руке пудреницу.

Голубев приблизился к придорожному кювету, в котором бесновался тёмный остроухий пёс, укоризненно покачал головой.

– Эй, друг, ты чего так расходился?

Ефрейтор хотел ещё что-то сказать, но так и застыл с открытым ртом: из тёмной глубины асбестовой трубы высунулась голова гигантского питона, и безжалостные жёлтые глаза злобно уставились на сотрудника полиции. Волосы на голове бойца встали дыбом. С широкого ефрейторского плеча слетел автомат, щёлкнул затвор, и прорезь прицела стала ловить вздрагивающий оливковый череп.

«Действительно, Горыныч! Не дай бог промахнуться, сожрёт же к чёртовой матери, и ему наплевать, что я при исполнении служебных обязанностей!»

Сосредоточившись на точке прицеливания, Голубев не видел ни Шалфея, наскакивающего на змеиный хвост, ни спрыгнувшую с самоката женщину.

Титуба подбежала ближе и с размаха бросила пудреницу в кювет. Тёмно-вишнёвая баночка скатилась под лапы Цикория, крышка её с негромким щелчком откинулась и выпустила наружу белёсую воздушную струйку, которая стала раскручиваться. Цикорий недоумённо посмотрел на зарождающуюся вокруг него круговерть, зарычал, махнул лапой и отпрыгнул в сторону. Вихрь закрутился стремительнее и стал всасывать в себя предметы, валявшиеся на обочине. Завертелась обёртка от мороженого, два надорванных бумажных стаканчика. Нелепо подпрыгивая и кувыркаясь, в странный хоровод влетела смятая банка из-под пива. Тревожно зашумели, закачались ветви придорожных тополей. Образовавшийся вихревой столб стал стремительно расширяться, расти и наливаться плотной тёмно-сизой мглой.

Гул начинающегося смерча отвлёк Голубева от питона и помешал ему прицелиться. На глазах полицейского предметы в гудящей карусели слились в одну бешено вращающуюся воронку. Неведомая, опасная сила налетела на тёмного поджарого пса, который раскрыв пасть от удивления, наблюдал за зарождением вихря, и оторвала его от земли. Собачье тело, кружась и

покачиваясь, стало подниматься ввысь, а воздушная спираль с пронзительным свистом двинулась в сторону ефрейтора. С головы бойца сорвало фуражку и завертело в воздушном круговороте. Голубев зажмурил глаза от пыли и прикрыл их ладонью. Титуба довольно ухмыльнулась:

– Пока ты, парень, оклемаешься, я разделаюсь со второй псиной.

Чёрный острый ноготь вывел на экране смартфона загогулину, и смерч, изменив направление, двинулся на Шалфея, но тот плюхнулся животом на дно кювета, и гигантская воронка пролетела над собачьей головой, только взъерошив шерсть.

Вихрь опять развернулся и мимоходом зацепил Шевцова. Сержант зашатался, а подвешенный на его кисти жезл, стремясь вырваться на свободу, стал выделывать в воздухе какой-то невообразимый танец. Полосатой палке, наконец, удалось оборвать ремешок, и воздушная карусель закружила её, ввинчивая в помрачневшее небо.

На пути вошедшего в силу смерча оказалась постовая будка. Послышался треск ломающихся деревянных стропил, четырёхскатная крыша приподнялась над стенами, словно шляпа над лысиной иллюзиониста, неспешно повернулась вокруг своей оси, проплыла несколько метров по воздуху, поколебалась и опустилась на середину шоссе, намертво перекрыв движение.

Сизый воздушный столб двинулся вверх по долине реки, унося с собой Цикория. Забыв о питоне, Шалфей уставился в мутное небо, громко залаял и запрыгал от беспомощности.

Хунг, которому уже никто не мешал, выбрался из тесной трубы, сполз по склону в бурлящий горный поток и, как приказала ему Титуба, поплыл против течения.

По пути со стройки домой Михаила Андреевич заметил лежавшего на обочине Шалфея, остановил самосвал, занёс подавленного горем пса к себе в кабину и высадил на улице Парковой у домика под красной крышей. Убитый горем пёс дотащился до конуры, лёг на землю, положил голову на вытянутые лапы и заплакал.

– Шалфей, ты дома, а где же Цикорий? – ты, наверное, проголодался, я уже приготовила, сейчас принесу, – засуетилась Виктория Львовна, но тот, к которому она обращалась, лишь тихо проскулил в ответ.

– «Какая еда?! О чём ты, Вика, говоришь?! Я потерял брата названного! Такого верного друга у меня не было и уже не будет никогда!» – из собачьей груди вырвался тяжёлый вздох.

К еде в этот день Шалфей не прикоснулся.

21 Нечистая сила, она и есть нечистая сила

Хлопанье крыльев и возня на яблоне заставили собаку высунуть голову из будки и посмотреть наверх: на ветке покачивалась Клавдия. Она подняла крыло в знак приветствия и громко прокричала:

– Шалфей!

– Чего каркаешь? – недовольно проскрипел пёс.

– Из «Кавказской здравницы» я узнала про несчастье с Цикорием и решила тебя навестить.

– Спасибо, Клава! Не могу ни спать, ни есть. Всё думаю о Цике! Каким верным лругом он был! Умница! Стихи даже писал! Ему памятник при жизни надо было ставить, а мы с Кириллом вместо того, чтобы поддержать, над его стихами ещё и подсмеивались. И вот моего лучшего друга не стало! Да, лучше бы я пропал навсегда, а Цикорий выжил!

– А, с чего ты взял, что он погиб?

– Как же?! Я видел, на какую смертельную высоту его поднял вихрь, и ты говоришь, что даже газета написала.

– Газеты читать надо, но не обязательно верить всему, что в них написано. Происшествие, конечно, ужасное, но пока никто не видел мёртвого Цикория, не будем его хоронить заранее. И потом я чую, всем своим вороньим сердцем чую, что Цикорий не мог так просто погибнуть. Покушение на него, как я понимаю, это козни нечистой силы, которая в нашем Городке осела и творит разные пакости.

Клава, дорогая, не надо мне мозги пудрить, я в нечистую силу не верю, – тяжело вздохнул Шалфей.

Каа-р, каа-р, возмущённо захлопала крыльями Клавдия, – как тогда объяснить то, что в наших краях такие события закрутились? Бывали здесь, конечно, и ливни, и град, и бури, и наводнения, но, чтобы смерч ни с того ни с сего… такого здесь сроду не случалось, а тут, на тебе. Я убеждена, что это козни нечистой

силы.

Шалфей недоверчиво выгнул спину.

Меня, дорогая Клава, ты не переубедишь.

Птица поспешно закаркала.

Нечистая сила есть, и я про неё много знаю! Моя бабушка Глафира в своё время устроила гнездо на дубе, прям над избушкой на курьих ножках и своими глазами наблюдала Бабу-ягу, Кощея, их дочку Сьюзу, которая была замужем за лешим Дрёмой. Сьюзе и Дрёме прислуживал филин Варлам. Однажды утром он забыл с утра налить воды в бадью для умывания. Сьюза визжала, обзывала птицу плохими словами, топала и орала так, что весь лес слышал. Грозила утопить филина в болоте! Мстительный Варлам не простил обиду и через пару дней подбросил на хозяйское ложе гадюку, от укусов которой супроуги к утру скончались. Хитрый же ночной разбойник обставил расправу так, что ни Яга, ни её муж даже не догадались о его роли в этом несчастье. Кощей даже назначил филина на должность личного картографа и взял с собою на остров Тьмы. Деду с бабкой пришлось взять на воспитание внучек Титубу и Доротею.

Глафира, царство ей небесное, много мне о поганой тусовке рассказывала. Это настоящее змеиное кубло: Титуба и Доротея терпеть не могут друг друга и презирают Варлама, тот же ненавидит обеих ведьм и Кощея. Филин и Титуба по любому поводу стараются польстить царственному деду, а на самом деле ждут не дождутся, когда же, наконец, он сдохнет, чтобы занять его место.

Так пусть нечисть грызётся меж собой, а мы-то тут причём? пёс переступил с лапы на лапу. Нам бы Цикория отыскать!

Слушай меня, Шалфей! Сатанинские подлецы готовы заклевать друг друга до смерти, но пока ядовитый клубок вертится, он представляет опасность. Цик уже попал в их жернова, но одного Цикория им мало и, если мы будем только клювами щёлкать, всему доброму придёт конец. С сатанинским отродьем надо бороться! Уверена, подтолкнуть немного, и гадючье кубло развалится. Мне привиделось сегодня ночью, если Соня нарисует в своём альбоме, том самом, что с крестиком, кого-то из нечистого племени, то беды ему не миновать. Пусть она начнёт с Титубы с Доротеей, и посмотрим, что получится.

Хорошо, Соне твоё пожелание передадам, пообещал пёс, а, как с Цикорием?

Я прямо сейчас займусь его поисками. Жди новостей.

Клавдия соскользнула с ветки и полетела в парк. Там послышалось её громкое повелительное карканье, и тысячи крыльев захлопали разом. С возбуждённым гвалтом вороны снимались с деревьев и разлетались в разные стороны.

Под вечер из домика вышел Алексей с кастрюлькой в одной и с фляжкой в другой руке.

– Не надо, дружок, так переживать, – сказал он и заботливо погладил пса по голове, – покушай немного, Вика для тебя старалась.

Шалфей, поднял голову, лизнул Алексея в щиколотку, грустно проскулил, попил немного, но к еде не притронулся. Заглянув в полные тоски собачьи глаза, Алексей прочёл в них: «Не обижайся, но сейчас я даже не могу смотреть на пищу!»

– Это же надо, как он страдает! Маковой росинки в рот не берёт, – покачала головой Виктория, – боюсь, мы можем потерять и второго пса. Ты бы попробовал хоть прогулять его что ли. Может, это придаст собаке сил.

– Попытаюсь, – отозвался на это Алексей Петрович.

Утром Шалфей отказывался выходить на прогулку, но Алексей был настойчив.

– Хватит хандрить, вставай, – убеждал он, – в такую-то погодку прогуляться по парку – дорогого стоит.

В конце концов, пёс всё-таки был вынужден подняться и затрусил по тротуару вслед за белыми кроссовками хозяина.

– Движение – это всё. Вот, увидишь, через каких-то полчаса вернёшься домой бодрым и энергичным, – внушал по пути Алексей, и уже первые пять минут пребывания на природе подтвердили его правоту: собачий хвост распрямился, в глазах загорелись, казалось, навсегда погасшие огоньки.

22 Похищение

Не успели Алексей Петрович и Шалфей углубиться в тень парковых аллей, как на крыльцо домика на Парковой улице вышла Соня с Кириллом. Девочка стала причёсываться, а кот потянулся, подставил мордочку ласковым лучам осеннего солнышка, облизал одну лапку и стал приводить себя в порядок так, как это делают все приличные коты, когда у них есть на это время.

– Кирюша, – вдруг позвал кота негромкий голос.

Перед калиткой нетерпеливо перебирала тонкими лапами Паулина.

– Чего тебе нужно? – косо взглянул на неё Кирилл.

– Мы слышали, что у вас пропал Цикорий. Он пока жив, но нуждается в срочной помощи. Моя хозяйка знает, где его искать. Пусть Соня подойдёт, ей всё расскажут.

Кирилл, махнув лапой, чтобы Соня следовала за ним, выскочил за калитку. Девочке, поскольку питона ещё не задержали, было запрещено покидать двор одной, но, во-первых, рассудила она, любые правила допускают исключения, а, во-вторых, она же не одна, а с котом.

У куста барбариса с лакированной сумочкой на плече стояла Доротея.

– Тётя Дора, здравствуйте!

Здравствуй, здравствуй, дорогая! Мы с Паулиной бросили все дела и специально поспешили сюда, чтобы сообщить радостную весть: Цикорий не погиб!

Так он жив?! с надеждой переспросила девочка.

– Жив, жив, что с ним сделается! – заверила ведьма.

– Вот и я говорю, что с ним сделается! – забегала по тротуару Паулина, посматривая на Кирилла.

– Где же он?

– Тсс, – женщина приложила палец к губам, и прошептала: – не надо так громко. Подойди ближе, моя хорошая.

Соня сделала два шага вперёд, кот двинулся за ней. Доротея выхватила из сумочки стеклянный флакон и со словами:

– Тебе понравятся эти духи! – прыснула девочке в нос какой-то приторно пахнущей жидкостью.

– Что за духи?! – насторожился Кирилл.

– Если тебе интересно, понюхай! – выкрикнула Доротея, и в кошачью морду ударила тугая струя из того же пузырька.

В глазах у кота заколебалась противная тёмно-зелёная муть, он почувствовал сильную слабость и свалился на правый бок. Ему привиделась мерзкая толстая крыса с красными глазами. Отвратительное длиннохвостое существо оскалило острые зубы, и вдруг пролаяло писклявым голоском Паулины:

– С котом и церемониться нечего? Башку ему свернуть прямо здесь под барбарисом, и все дела!

– Труп нельзя оставлять на месте убийства, – отозвался на это голос Доротеи, – Кирилла скормим Хунгу: и питона порадуем, и следов не останется. А девчонка после такой порции снотворного проспит ещё долго.

Тут сознание окончательно покинуло Кирилла, и больше он ничего не слышал и не видел.

Ведьма вызвала такси.

– Что случилось? – спросил водитель, увидев бледную девочку, лежавшую под кустом, и возле неё неподвижное кошачье тело.

– Ничего страшного, – поспешила успокоить его Доротея, – у ребёнка лёгкий обморок, с ней это бывает.

– А кот?! – вытаращил глаза таксист. – Что с ним?!

– Кот – бессовестный симулянт, с ним вообще ничего, он просто большой артист. Вместо того, чтобы задавать глупые вопросы, помогите перенести больную в машину.

– Я сделаю это сам, – водитель взял Соню в охапку, Доротея распахнула дверь машины, и спящая оказалась на заднем сиденье. Женщина устроилась рядом с водителем, Кирилл был заброшен багажник, туда же запрыгнула Паулина. Крышка со стуком захлопнулась.

– Отваливаем! – скомандовала Доротея, и такси тронулось.

23 На скале

Доротея ведьма подлая, и соврать ей – раз чихнуть, но на этот раз она говорила правду, Цикорий на самом деле был жив.

По задумке Титубы, вихрь должен был донести пса до заснеженных склонов Эльбруса, где обрушить на ледяные торосы, но из-за просчётов, в спешке допущенных бесовкой при запуске программы, этого не случилось. Сизый гриб, поднявшись по долине до первых крупных утёсов, стал сбавлять обороты, осторожно опустил Цикория на плоскую, размером с половину волейбольной площадки вершину скалы Аутау и, исчерпав силы, прекратил существование.

Ещё не веря в избавление, Цикорий встряхнулся, подбежал к краю пропасти: внизу тоненькой ниточкой бежала речка, был виден водопад, к нему по крутой железной лестнице поднималась группа туристов.

Пёс обследовал края каменной площадки, осмотрел каждый излом, каждую впадину: всё заканчивалось пропастью, и спуститься с этой вершины без посторонней помощи было невозможно. Цикорий залаял, пытаясь привлечь внимание людей, но расстояние и шум водопада, обрекли попытку на неудачу. «Эх, если бы Шалфей проведал, где я! Он бы ни перед чем не отступил и выручил. Но как он может знать, куда занёс меня смерч?!» – подумал пёс и тоскливый собачий вой взлетел под синий небосвод.

На что надеялся Цикорий, обращаясь к высокому безучастному небу?! Клин журавлей тянулся к югу, но птицы не слышали жалобный скулёж, да и какое дело журавлям, летящим в далёкие жаркие страны, до несчастного пса?!

24 След не простывает

– А Соня с Кириллом с вами?! – спросила Вика возвратившегося с пробежки Алексея?

– Нет, с чего это? Мы были с Шалфеем, ему, кажется, немного лучше.

– Рада за него, но волнуюсь за Соню, я вышла на крыльцо, чтобы позвать на завтрак, а её уже и след простыл. Кирилл тоже, будто испарился, я успокаивала себя тем, что они к вам присоединились, а теперь даже не знаю, что думать!

– Да ничего плохого произойти не может, – попытался ободрить жену Алексей Петрович. – Как легко тебе так говорить! В Городке, сам знаешь, что творится, питона до сих пор не роймали, и никто не знает, где это чудовище скрывается!

Шалфея зацепило выражение художницы о «простывшем следе».

«Как это «след простыл»? – возмутился про себя пёс. – Эти люди в следах ничего не понимают. След не может так быстро простыть!» – и собачий нос, уткнувшись

в усыпанную жёлтыми листьями траву, стал искать запахи Сониных туфелек.

Через минуту чуткий нюх нарисовал Шалфею всю картину похищения. «Куда эта ведьма вывезла на такси Соню и Кирилла, – размышлял следопыт, –ведь она могла доставить их куда угодно! Где искать?! Эх, если бы рядом был Цикорий, хоть посоветовались бы, а так, что делать?!»

«Где же искать?!», невольно гавкнул пёс и вдруг на этот свой беспомощный вопрос получил неожиданный ответ.

Я знаю, я знаю! закаркала с яблони незаметно подлетевшая Клавдия. Они в парке в вагончике, где питон проживает. Его там пока слава Богу нет, но может вернуться в любой момент. Я бы их отбила у этой подлой Доры, но все мои ребята сейчас разлетелись на поиски Цикория. Только на тебя, Шалфей, надежда! Давай, беги в парк к вагончикам! Я буду тебе помогать.

Ворона улетела, Шалфей выскочил за калитку и на парковой аллее догнал Юрку с полотняным мешочком в руках.

– Пойдём за орехами, – предложил тот.

Пёс отрицательно помотал головой, мол, «не до орехов сейчас!» и, взяв правее, направился к временному цирковому поселению. Клавдия, дождавшись Шалфея, прокаркала ему с орехового куста:

Соня и Кирилл заперты в вагончике с табличкой «Террариум». Питона пока нет…Громила их охраняет, только, прошу тебя, будь осторожен!

Шалфей, крадучись, поднялся по ступеням и стал обнюхивать пахнущий сосной настил крыльца, когда в дверь изнутри ударили ногой, она распахнулась так резко, что пёс едва успел спрыгнуть и забиться под крыльцо. Доски над пёсьей головой прогнулись и заскрипели от тяжёлых шагов.

Вышедший из вагончика Человек-Гора, потянулся и широко зевнул.

«Глаза слипаются, – пожаловался он в пустоту парка, – я привык спать после тренировки, а сегодня эта Доротея, ну её к лешему, припёрла откуда-то девчонку и кота, велела с них глаз не спускать. Но кто она мне, эта Доротея, чтобы приказывать?! Вздремну-ка я, пока Титуба не появилась».

Опять заскрипели полы, силач вернулся в помещение, и вскоре раздался его мощный храп.

Шалфей выбрался из своего убежища, посмотрел по сторонам и, убедившись, что вокруг никого, вновь поднялся по ступеням. Попытался поддеть когтями дверь, но та не поддалась.

«Надо скорее, скорее, скорее, пока Громила спит! – торопился Шалфей, силясь просунуть лапу под дверное полотно, но щель была слишком узка. – Нужно срочно сбегать за помощью!» – и, задрав хвост, он помчался в ореховую рощу.

Над головой послышался шелест крыльев.

Ты куда? спросила догнавшая собаку Клавдия.

За Юркой, пролаял Шалфей, я не могу открыть дверь!

Понятно… я пока, на всякий случай, посторожу у вагончика.

25 «Скромная такая овечка»

Титуба сидела за чашкой кофе в пустом зале кафе «Сыр-бор» и пальцы её бегали по клавишам смартфона. На экране показалась скала Аутау и Цикорий, уныло бродивший от одного конца плоской вершины к другому.

«Сдохнет, подлец, от жажды и голода!» – злорадно подумала ведьма, и вдруг из сизого полумрака в углу зала проявился призрак Кощея в короне и в парчовом камзоле.

– Как дела? – спросил старик, нахмурив мохнатые брови.

Титуба рассказала.

– Радует, что девчонку украли. А пса этого наглого оставлять просто так нельзя. У него не должно быть ни малейшего шанса на выживание! Пусть Хунг убьёт его, чем скорее, тем лучше!

– Я распоряжусь, – кивнула ведьма.

– Действуй! – приказал Кощей, и видение исчезло.

Тем временем Хунг, проплыв пару километров против течения, устал, зацепился хвостом за мокрый валун, поднял голову и увидел, что недалеко от берега на зелёном склоне долины пасутся овцы. «Давненько я не закусывал моими любимыми овечками», – обжора, почувствовав непреодолимое желание отведать

баранины, выбрался на сушу и пополз к цели.

Два лохматых волкодава, охранявших отару, заметили шевеление травы на берегу и с остервенелым лаем понеслись туда. Первый, поменьше, попытавшийся с разбега вцепиться в голову ползущего хищника, сходу прыгнул прямо в широко открытую пасть, и был проглочен в несколько секунд. Второго более крупного Хунг сбил ударом хвоста, обвил двумя кольцами, сдавил так, что затрещали собачьи рёбра, выждал, когда глаза жертвы погаснут, разинул пасть и стал надеваться на обмякшее пёсье тело, как чулок на ногу.

В принципе, двух псов вполне достаточно для завтрака, но всё-таки это были псы, а не бараны, и, прежде чем, вновь погрузиться в реку хищник закусил свирепых волкодавов одной смирной, хорошо упитанной овечкой.

После такого «перекуса», бороться с течением горной речушки стало совершенно невозможно. Змеиные глаза стали искать уголок для отдыха и нашли. Справа над рекой нависал каменный утёс. За тысячи лет горный поток вымыл под ним просторную «веранду» высотой в человеческий рост. Питон заполз в укрытие, свернулся кольцами и задумался. Ему представился остров Тьмы, дворец, последняя перед отплытием на гастроли беседа с Кощеем.

Добудешь браслет, говорил повелитель всей земной нечисти, пристально вглядываясь в змеиные глаза, сделаю тебя Главным хранителем браслета. Вот здесь поставлю тумбу, царский палец, увенчанный массивным золотым перстнем, показал на пол в двух метрах от трона, будешь лежать, любоваться бабкиным амулетом, и никаких других поручений. Работа, как раз по тебе.

А, кормёжка?! заинтересованно спросил Хунг.

За это не волнуйся. Обеспечу тебя таким пропитанием, что пальчики оближешь.

У меня нет пальцев, поэтому лизать нечего, расстроился питон.

Кощей недовольно сощурился.

Молчал бы уж лучше, дырявая башка. Это так говорится «пальчики оближешь», а на самом деле, лижи для удовольствия, хоть кончик собственного хвоста.

Я бирманский королевский питон, а не какая-нибудь беспородная псина. В моих жилах, как тебе известно, течёт благородная кровь! заносчиво вскинул голову Хунг, лизать хвост не стану!

Ладно, ладно, про твою королевскую кровь наслышан. Не дуйся от зазнайства, а то лопнешь, Кощей поднял вверх указательный палец, Буду скармливать тебе

кроликов, много кроликов.

Не верю, покрутил лысой головой Хунг, много кроликов не бывает!

А, вот и бывает, а, вот и бывает! запрыгал царь на троне. Я закажу тебе их из Австралии. Целый круизный лайнер. Представляешь, теплоход на семь тысяч пассажирских мест, а во всех каютах вместо туристов кролики, одни кролики. Кролики на капитанском мостике, кролики в машинном отделении, кролики на всех палубах. Кому из ушастых места не хватило, плывут к тебе по бокам теплохода.

Хорошо умел обещать Кощей. Питон сощурил веки, представил себе теплоход полный вкусных кроликов и сонно подумал:

«А начну я с тех, которые не поместились и остались за бортом, пока они не потонули». В голове рептилии закружился сладкий розовый туман, и обожатель крольчатины уснул сном сытого и довольного удава».

Титуба пыталась связаться с Хунгом, но радиоволны с большим трудом пробивались через спрессованный тысячелетиями скальный грунт. В плоской змеиной голове периодически что-то потрескивало и попискивало, но отяжелевшие веки не хотели подниматься.

«Как эта зануда не может понять, что плотно покушавшему питону вредно плавать по горным рекам, – ворочалась в разомлевших змеиных мозгах ленивая мысль, – ему нужны покой и одиночество! А овечка, которой я закусил, конечно, не то, что кролик, но очень даже неплохая, скромная такая, тихая, видно, добрая и очень вкусная!»

26 Шалфей и Человек-Гора

Добежав до ореховой рощи, и, обнаружив Юрку, оседлавшего ветку высоко на дереве, Шалфей громко и призывно залаял.

Ну, чего тебе?! отозвался пятиклассник. Видишь, орехи собираю.

Шалфей задрал морду, залаял ещё громче и стал яростно драть лапами кору на стволе.

Не успел Юрка с наполовину наполненной сумкой спуститься с вниз, как пёс нетерпеливо запрыгал перед ним, не переставая, впрочем, рычать и гавкать.

– Ну, что ты ко мне привязался?! – недоумевал мальчишка. – Я тебя приглашал, ты не захотел, а теперь не приставай! Я бабушке обещал орехов принести.

Но Шалфей нервно дрожал, хватал зубами за штанину, бежал вперёд, заливаясь звонким лаем, и опять возвращался обратно. Пятикласснику пришлось оставить сумку с добычей в кустарнике и последовать за четвероногим другом. На подходе к цирковым вагончикам Шалфей перестал лаять и только тихонько поскуливал.

На острой вершине старой ели, в настороженной позе сидела Клавдия. Она подняла крыло. «Всё в порядке, говорил её жест, Громила ещё дрыхнет».

Пёс с мальчиком осторожно поднялись на крыльцо вагончика с табличкой «Террариум». Густой храп, казалось, висел в воздухе, от него с тихим звоном вибрировали стёкла на оконце. Юрка приблизился к двери, обернулся, как бы спрашивая, «ну что, открывать?» – Шалфей только тихо прорычал в знак согласия.

Дверная ручка, чуть скрипнув, пошла вниз, пятиклассник, с замирающим от страха сердцем, вошёл в помещение, за ним, осторожно ступая, длинноухий пёс.

Великан храпел, отвалившись на спинку кресла, рот его был приоткрыт, голова свесилась набок, громадные волосатые лапищи, лежали на коленях.

Напротив циркового силача поблёскивал террариум, отделённый от остального помещения перегородкой из прозрачного пластика. В этом вольере, предназначенном для питона, спала, подогнув ноги и положив под голову ладонь, Соня, рядом с ней, у растрескавшейся коряги – Кирилл. Дверца к пленникам была заперта на засов.

«Прям сонное царство какое-то» –-то подумалось Юрке, но тут ему в коленку ткнулся холодный нос Шалфея.

– «Не до раздумий сейчас, давай. открывай!», – подгонял его пёс.

Мальчишка на цыпочках приблизился к террариуму, тихо, без скрипа открыл задвижку, отодвинул пластиковую прозрачную дверцу, влез внутрь, бережно, двумя руками поднял пленницу, пригнулся, чтобы не удариться головой о низкий потолок террариума и осторожно выбрался из него.

После Юрки в вольер запрыгнул Шалфей, ухватил зубами Кирилла за холку и, пятясь задом, стал вытаскивать наружу и кота.

Сонный Кирилл инстинктивно вцепился когтями в шершавую корягу, и она с грохотом обрушилась на настил. Пёс от неожиданности крепче сжал челюсти.

– Мяу! – взвыл от боли Кирилл и стал просить Шалфея отпустить его.

Да, потерпи, ты, Кирюша! Вот выскочим за дверь… а сейчас держись! прорычал пёс, не разжимая челюстей.

От кошачьего «мяу» Человек-Гора проснулся, вскочил и, увидев пса с котом в зубах, заорал:

– Стоять! Ни с места! Раздавлю!

За всю свою собачью жизнь Шалфей ещё никогда не испытывал такого страха: стоило усатому великану закрыть изнутри дверной замок, и все четверо оказались бы в ловушке.

Пёс бросил Кирилла, издал грозный рык и одним отчаянным прыжком оказался на широченной спине Жоржа. Собачьи клыки впились в обрюзгшую шею.

– Ах, ты, паршивец! – взревел силач. Толстые, как сардельки, пальцы великана потянулись к Шалфею, но тот увернулся и спрыгнул на пол.

Человек-Гора потрогал рану и с недоумением посмотрел на окровавленную ладонь. Ему и в кошмарном сне не могло присниться, чтобы какая-то безвестная дворняга посмела укусить его, «самого сильного человека в мире». Бешеные искры запрыгали в зрачках усача. Он опустил вниз широко растопыренные руки, и на полусогнутых ногах двинулся на обидчика. Жажда мести так ослепила Жоржа, что он забыл и про кота, и про мальчишку с девчонкой.

Юрка, прижимая к груди драгоценную ношу, выскользнул из вагончика, а, спустившись с крыльца, осторожно поставил девочку на землю и, задыхаясь от волнения, прошептал:

Бежим, Соня, бежим скорее!

Как бежать? Зачем бежать? Я же сплю, ответила Соня, не открывая глаз.

Соня, миленькая, хорошая, проснись, пожалуйста, нам надо бежать! Юрка взял в свою пожелтевшую от ореховой кожуры ладонь маленькую тёплую Сонину ладошку, сделал шаг и потянул спящую за собой.

Куда вы меня тащите?! Я сплю и вас не знаю! капризно сказала та и вырвала свою руку.

Следом за детьми из дверного проёма выскользнул, Кирилл и промяукал:

Соня, не капризничай! Беги!

Соня, как ни странно, подчинилась этому кошачьему совету и по-прежнему, не открывая глаз, сделала шаг, другой.

Юрка вновь поймал её узкую ладошку.

Сонечка, моя хорошая, быстрее, быстрее, только быстрее! Вот так, вот так! Ты у меня молодец! Ты моя самая большая умничка! говорил Юрка и от этих слов, которые он никогда бы не осмелился произнести в других обстоятельствах, тёплая волна разливалась по телу. Ему было страшно, страшно не за себя, а за Соню, если она не сможет бежать, злой силач пошлёт погоню, и та их настигнет. В то же время мальчишка чувствовал себя счастливым от того, что представился случай сказать, то, что давно хотел.

Драпайте, драпайте все! прокаркала Клавдия, пока, Громила вас не схватил!

Кирилл, в голове которого стала рассеиваться тяжёлая дремотная пелена, однако, с ней не согласился.

Я не могу оставить Шалфея одного с этим усатым бандитом! промяукал кот, запрыгнул обратно на крылечко, оттуда на решётку приоткрытого оконца, заглянул внутрь вагончика и увидел, как Человек-Гора грузными шагами приближается к Шалфею.

«Эту сволочную собаку я не упущу, – злорадно думал Громила, – зажму в углу, шмякну головой об пол, схвачу за горло и буду душить до тех пор, пока окончательно не откинет хвост!»

Отступив в глубину узкого помещения, гибкий и быстрый Шалфей метался то вправо, то влево, пытаясь обмануть верзилу и выскочить на свободу, но мощный циркач оттеснил его в угол, где пёс был лишён возможности манёвра.

Тебе конец! злобно прохрипел Жорж, и уже протянул свою лапищу, чтобы схватить собаку за загривок, но в этот момент Кирилл издал боевой кошачий вопль. Этот пронзительный, душераздирающий звук был такой силы, что отозвался острой болью в ушных перепонках усача. Тот вздрогнул и, увидев кота, сделал шаг в сторону оконца, чем открыл Шалфею путь к бегству. Пёс ужом проскользнул между широко расставленными ступнями «самого сильного человека в мире» и оказался на свободе.

За мной! скомандовал Шалфей Кириллу, и они оба помчались вслед за Юркой и Соней.

Вдогонку понеслись хриплые бессмысленные проклятия: Жорж выхватил из кармана пистолет, и стал наводить на мелькающую между кустами Юркину спину, но тут на затылок стрелка с громким карканьем обрушилась Клавдия, которая клюнула Громилу в темя, ударила крыльями по глазам и когтями выдрала клок волос на затылке. Пистолет выпал из толстых лапищ, а Клавдия, издав победный вопль, оказалась на крыше вагончика, где стала издевательски пританцовывать и каркать во всё горло.

Ах, ты негодяйка! не своим голосом заорал черноусый.

Он схватил с земли пистолет и с размаха запустил им в наглую птицу. Тяжёлая воронёная рукоятка попала в оконную решётку, со звоном посыпались осколки стекла, курок стукнулся об железный прут, и неожиданно грянул выстрел. Великану повезло: в момент удара ствол смотрел внутрь помещения, и пуля всего лишь пробила обшивку вагончика. «Легко отделался!» облегчённо вздохнул Жорж. Бросаться вдогонку за легконогими беглецами уже не имело смысла. Мужчина зло выругался и направился обратно в вагончик.

Резкий звук выстрела, раздавшегося в парке, когда беглецы выбежали из тени деревьев и до Парковой улицы оставалось совсем немного. заставил Юрку вздрогнуть,

Он стреляет, это опасно! крикнул мальчишка, Соня беги за Шалфеем, я буду последним и прикрою вас сзади!

Кто стреляет? Зачем стреляет? сонно пробормотала девочка.

Шалфей с рычанием ухватил Соню за край юбки и потащил за собой. Юрка отстал. Увидев Кирилла, который пошатывался и еле передвигал ноги от вновь нахлынувшего на него дремотного состояния, мальчик поднял Сониного любимца , прижал к себе и уже с котом на руках оглянулся: погони, к счастью, не было.

Первым подбежал к калитке пёс и, навалившись двумя лапами ,открыл её, подождал пока пройдут Юрка с Кириллом на руках и спящая на ходу Соня. Мальчишка довёл спасённую, которая по-прежнему даже не пыталась открыть глаза, до яблони, где уложил на садовую лавочку, поместил рядом с её ногами вновь заснувшего Кирилла.

– Шалфей, мне надо за орехами, бабушка уже заждалась, а ты, – строго приказал пятиклассник четвероногому другу, – мало ли что… не отходи от них ни на секунду, а ещё лучше вызови Викторию Львовну! – и калитка затворилась за Юркиной клетчатой рубахой.

Пёс несколько раз призывно пролаял, на крылечке появилась Вика.

Через некоторое время, усадив дочь на крыльце и угощая чаем, Виктория Львовна поинтересовалась, отчего это девочка уснула в саду, да ещё вместе с котом.

– Не знаю, как получилось, – дожёвывая бутерброд с сыром, отвечала Соня, – вышли на крыльцо с Кириллом, было тепло и солнечно, вдруг появилась тётя Дора с её собачкой, та попросила меня подойти к хозяйке, а дальше – провал в памяти. Мне снилось, будто кто-то помогал мне спящей бежать через парк и говорил при этом какие-то слова. Короче, очнулась только от твоего голоса.

Слушая эти объяснения, кот, который из-за воздействия снотворного, также мало что помнил, только согласно кивал головой.

Захлопали крылья большой птицы, Клавдия уселась на свою любимую яблоневую ветку и, не обращая внимания на Викторию, закаркала:

Ты, Кирилл, ничего не помнишь, а я всё знаю. Тебя и Соню похитила Доротея. И слава богу, что Шалфей с Юркой вас выцарапали из когтей нечистой силы, по-другому, не видать бы вам этого сада, как своих ушей. Прислужники дьявола окончательно распоясались, и много нехорошего может случиться, если их не унять.

Как?! мяукнул кот.

Пусть Соня нарисует Титубу и Доротею в своём альбоме, а потом там же ещё и Кощея с филином Варламом.

Как она будет рисовать этих двух последних, если их никогда не видела?

Тебе же было видение, вот и объяснишь ей, что к чему.

Прокаркала и улетела. Из конуры показалась псиная морда.

Эй, Шалфей, обратился Кирилл к собаке, с чего-то Клава велела Соне выполнить какие-то странные рисунки…

Я всё слышал, гавкнул пёс, Клавдия птица мудрая, она просто так клювом щёлкать не будет… Напиши Соне, чтобы усаживалась за рисование.

Известно, что собака может прожить без пищи достаточно долго, а без воды – всего три-четыре дня. Цикорию безумно хотелось пить, но на вершине не было родников, яркое горное солнце пекло голову, и не было ни выступа, ни кустика, под которыми, можно было, укрыться от безжалостных лучей. Пёс почувствовал, что погибает от жажды.

27 Кощей сердится

– Здорово царь-батюшка! Как живёшь-можешь? – приветствовал старика филин, когда тот вошёл в зал.

– Ох-хо-хо, помощница крепко напортачила, девчонку, которая так нужна, упустила.

– Неужели?!

– Чтоб ни дна ей, ни покрышки этой дубине стоеросовой!

– Слушай, если ты так недоволен, то лиши должности, – посоветовал Варлам.

– Как лишить? – удивился Кощей. – Я стар, ноги мои еле таскаются, в ушах зудит, будто рой мух туда загнали, глаза цветов не разбирают. Я править без неё не могу.

– У тебя царь одно утешение: дальше будет хуже, – отозвался на эти жалобы ночной хищник.

– Дурак, – обозвал филина Кощей, – уж, ежели, чего умного сказать не можешь, то молчал бы лучше! Титубу убрать, а кого на её место?!

Варламу пришло в голову, что, наконец-то, настал его час, и глаза птицы зажглись дерзким огнём.

– Хотя бы меня.

– Тебя?! – от такой наглости у царя даже рот открылся. – Как я могу назначить помощником тебя – чудо ты в перьях бестолковое?! Как только в голову могло прийти такое?! В твоём роду ни ведьм, ни домовых, ни леших. К тому же ты, сибирский валенок, проворонил бабкин браслет! Сиди на глобусе и не рыпайся! Если уж совсем припечёт, то призову к себе Доротею.

Варлам обиженно повесил клюв. Конечно, он по крови не относится к бесовскому отродью, но, тем не менее, всегда исполнял царскую волю. Да, не уследил тогда за бабкой, но та хоть и старая, но такая шустрая, браслет в котомку, запрыгнула в ступу, помело в руки, и поминай как звали. Вернулась уже без украшения и где была не сказала. Не уследил, конечно. Со всяким такое может случиться! Кощей раньше, как-то относился к этому недогляду с пониманием, никогда не обзывался, а теперь распустил язык. Это же додуматься надо, чтобы обозвать его, Варлама, «сибирским валенком».

Филину попался в лапы планшет, и захотелось показать Кощею видеозапись из кафе «Сыр-бор», которая бы изменила мнение старика о первой помощнице, с нетерпением ожидающей Кощеевой смерти. Но от безумного правителя, сообразил филин, можно ожидать самой непредсказуемой реакции. А, если царь, проявив снисхождение к внучке, расскажет ведьме о попытке картографа бросить тень на неё? Тут даже места для сомнений не остаётся: интриган будет тут же разодран Титубой на части.

Хитрый ночной разбойник решил не испытывать судьбу и на пути к захвату царского трона действовать наверняка: сначала убирать обеих ведьм, а затем уже кончать с выжившим из ума стариком.

Рассудив так, филин перелетел на плечо Кощея и метёлочкой из петушиных перьев угодливо смахнул воображаемую пыль с золотой царской короны.

28 Сонин рисунок

Вернувшись домой, Кирилл открыл крышку ноутбука, и на экране запрыгали строчки:

«Дорогая Соня! Ворона Клавдия настоятельно просит тебя нарисовать в альбоме, подаренном Алексеем Петровичем, совместный портрет Титубы и Доротеи.

Также очень важно изобразить Кощея Бессмертного с филином Варламом. Спустя некоторое время, я тебе опишу приснившуюся мне сцену с их участием.

Шалфей просьбу Клавдии поддерживает.

Любящий тебя Кирилл».

Соня только недоуменно пожала плечами: «Странная такая просьба, но умнейший из псов Шалфей её поддерживает. Он никогда бы не вмешался, если бы не был убеждён, что рисунки нужны».

Юная художница вышла на крылечко, положила альбом на столик, откинула обложку, не успев ещё обдумать замысел картинки, вытащила из пенала простой карандаш, и тот, будто сам зная, что нужно, забегал по бумаге.

Выходило какое-то полутёмное помещение. Соня сразу узнала его кафе «Сыр-бор», в котором мама иногда угощала её пирожным «наполеон». За столиками, однако, сидели не те холёные, густо раскрашенные красотки непонятного возраста, которых совсем недавно видела девочка, а две старые, престарые ведьмы. Доротея, выплывала из-под карандаша сморщенная, с опущенными вниз уголками рта и торчащими клыками., Титуба в каком-то странном чёрном колпаке. У «укротительницы гигантских змей» получался крючковатый нос, толстые, обвислые губы, из-под колпака торчали нечёсаные космы седых волос. На щеках обеих женщин выступили зелёные ядовитые пятна, глаза горели ненавистью, а на лицах было написано такое выражение, будто обе готовы сию же секунду сцепиться и растерзать друг дружку в клочья.

«Странно как-то, подумалось Соне, я хочу изобразить женщин, какими я их видела, а карандаш нарисовал так, будто знает о них значительно больше, и желания переделывать почему-то нет».

На ветку над крыльцом уселась Клавдия и закаркала. Если бы Соня знала вороний язык, она бы расслышала: «Молодец, Соня! Рисунок передаёт мерзкую сущность двух ведьм, их истинный возраст и отношение друг к дружке». Но и без понимания сказанных Клавдией слов, Соня догадалась, что рисунок вороне понравился.

«Значит, и Шалфей будет доволен» сделала вывод художница и закрыла альбом.

29 Ссора

Хунг, как сквозь землю провалился. Через каждые пять минут Титуба хваталась за смартфон и посылала сигналы. Они уходили в бескрайний эфир и пропадали.

От этой новой неприятности ведьма распалилась так, что казалось, плюнь на неё – зашипит. Она была готова разорвать питона, и сделала бы это, если бы змей оказался поблизости. Титуба не знала, что Соня нарисовала её и Доротею в своём альбоме, но, как только это произошло, раздражение заморской ведьмы

странным образом перекинулось с питона на младшую сестру. Именно хозяйка пучеглазой собачонки вдруг стала казаться ей главной виновницей последних неудач.

И надо же тому случиться, что именно в этот самый неподходящий момент Доротея заявилась с Паулиной к заморской ведьме.

Толстогубая окатила сестру недоброжелательным взглядом.

– Ты чего припёрлась?!

– Хотела взглянуть на девчонку и кота, которых я украла.

– Вот именно, взглянуть на девчонку и кота! – подтявкнула Паулина.

– А ты чего суёшься в разговор, пучеглазая?! – пустые голубоватые глаза Титубы потемнели от ненависти. – Обнаглела вконец! Когда две ведьмы общаются, собака должна молчать как рыба! Вон отсюда, и чтобы лапы твоей здесь не было!

Обиженная Паулина выскочила из вагончика.

– Ты всё-таки покажи, однако! – настаивала Доротея.

– Отстань! – раздражённо отмахнулась Титуба. – Нет у меня их обоих!

– Почему нет?! Они должны быть! И девчонку, и кота я передала под охрану Жоржу!

– Ты передала, а они, паршивцы, сбежали.

– Как сбежали?! – оторопела Доротея.

– Как, как сбежали?! – толстые губы хозяйки вагончика задрожали от злости. – Обыкновенно, как всегда, сбегают. Ноги в руки, и их нет! Короче, дали дёру, к чёртовой бабушке, дурная твоя башка!

Лицо Доротеи налилось багровой краской.

– Значит, ты лоханулась, кикимора болотная?!

– Это я кикимора болотная?! – ещё пуще разъярилась Титуба. – Ты муха предо мной! В один угол дуну, в другой плюну, и от тебя, и твоей пучеглазой останутся только две кучки пепла.

– Ах, ты так заговорила, подлая! Браслет без моей помощи тебе раздобыть не удастся. Но, если я его найду, то лично сама передам Кощею, а тебе это! – и перед носом заокеанской гостьи сложилась обидная комбинация из трёх пальцев.

Скандал разгорался. Осыпая друг друга ругательствами, ведьмы не видели и не слышали ничего вокруг.

Между тем, от поднятого шума пробудился Жиган, дремавший на крыше вагончика. Он притих, навострил уши, и весь превратился в слух, стараясь не упустить ни единого слова.

Уже говорилось, что коту, избалованному комфортом городской квартиры и домашней кормежкой, не нравилось жить в парке даже в тёплое время года, а о предстоящей зиме с её холодами, вьюгами, промозглыми туманными оттепелями, он думал с ужасом. Мысль о том, как перебраться в уютное жилище, постоянно стучала у него в мозгах, и, по мере того как осенние ночи становились длиннее и прохладнее, этот стук становился всё настойчивей.

«Ага, им нужен браслет, который Юрка нашёл в бювете и передал в музей, – смекнул корноухий, – Что же, я укажу им место, где он находится, но взамен стребую своё!»

Заметив Паулину, которая, опасливо оглядываясь, семенила по тропинке между кустами орешника, кот перелез с крыши на тонкий стволик рябины и оказался на земле. Неожиданный шорох в кустах, заставил Паулину остановиться. Она подняла правую переднюю лапу и задрожала как осиновый лист: прямо перед ней оказался чёрно-белый кот, со злющими глазами, покусанное ухо придавало ему самый, что ни на есть, бандитский вид.

«Такой в два счёта моргалы выдерет!» – трусливая собачонка поджала тонкий хвост, готовясь дать дёру.

Жиган, однако, потасовку затевать не собирался.

– Слушай, ты, тонконогая, – промяукал он, – не дёргайся, я тебя не трону, наоборот, могу быть полезен.

– Чем? – тявкнул Паулина, ещё вздрагивая от пережитого испуга.

– Меня зовут Жиган, и я знаю, где искать браслет, из-за которого твоя хозяйка поскандалила с этой длинной жердиной.

– Скажи, если знаешь!

– Открою, только твоей владелице, в обмен на хорошее питание и зимовку в помещении с удобствами.

– Ладно, передам ей твои слова, пусть решает, – пролаяла Паулина и убежала.

Тем временем ссора двух ведьм продолжалась.

– Не могу тебя больше видеть, шимпанзе толстогубое! – с отвращением глядя в глаза хозяйке вагончика, взвизгнула Доротея.

– Ну, ты, мышь безмозглая, убирайся отсюда к чёртовой бабушке! – огрызнулась заморская ведьма.

– Я ухожу, оглобля стоеросовая! – выкрикнула Доротея, развернулась и, хлопнув дверью, выскочила наружу.

В парке хозяйку догнала Паулина, и они направились в гостиницу. По пути собачонка рассказала о предложении Жигана.

– Ладно! – возбуждённо потёрла ладони Доротея. – Коту будет позволено перезимовать в моём номере. Мы с его помощью добудем браслет, а Титубе достанутся от мёртвого осла уши! Но, предупреди этого проходимца, если он соврал, то я сама, своими собственными руками, удавлю, как рыжего таракана! Короче, зови.

30 «Кандидат исторических наук»

В гостиничном номере изголодавшийся Жиган первым делом, давясь и урча, слопал половину отварной куриной грудки. Он съел бы ещё, но Доротея со словами: «Тебе может быть плохо от переедания», убрала оставшийся кусок в холодильник. От гостиничного уюта и сытной еды, кота разморило, он широко зевнул, обнажив острые белые зубы, лапы у него ослабли, и голова безвольно упала на ковёр.

Доротея схватила Жигана за шкирку, с силой тряхнула.

– Где браслет?!

Корноухий, с трудом продрав осоловевшие глаза, показал лапой в сторону центра города.

– Там.

– Где, там? Отвечай!

– В музее, – мяукнул кот и опять растянулся на ковре.

– В каком музее?! Веди, поганец, туда!

– Я не могу, глаза не открываются. Вздремну пару часов, потом – куда угодно.

– Тебя не спать сюда привели! – залаяла Паулина, бегая по номеру. – Нам некогда!

– Уши оборву! – сердито мяукнул Жиган и выпустил когти.

– Оставь его Паула, – примирительно сказала Доротея, – я не думаю, что в этом городишке много музеев, скорее всего он здесь один-единственный, сейчас поищу адрес.

Смартфон очутился в её руках, и она ведьма стала колдовать над клавиатурой. Жиган опять растянулся на ковре, два раза дёрнулся и уснул.

«Хм, неужели, в городском музее? Соврал или не соврал? – Доротея, недовольно посматривала на спящего кота. – Если о местонахождении браслета, первой узнает Титуба, то мне с мечтой о вечной молодости придётся распрощаться».

– Тянуть кота за хвост не будем, понеслись! – Доротея втиснула в сумочку молоток Бабы-яги и открыла дверь.

– А кот, как же? – обеспокоилась собака. – Такого разбойника оставлять в номере одного опасно!

Доротея лишь махнула рукой.

– Пёс с ним! Самый большой вред, который он может нанести, залезть в холодильник, слопать оставшуюся половину грудки и заболеть от обжорства. Такое-то горе мы переживём. Двинули!

– Что вас интересует? – спросила Алла Владимировна женщину с тонконогой собачонкой, представившуюся кандидатом исторических наук из Санкт-Петербурга.

– Я пишу исследование по проблематике старинных женских украшений, мне бы ознакомиться с образцами, которые у вас имеются, – ответила посетительница, обшаривая глазами уставленный витринами холл.

– Хорошо, я сейчас приглашу экскурсовода.

– Не хотелось бы никого беспокоить… мы как-нибудь сами… – попыталась отказаться от сопровождения Доротея, но перед ней уже стояла представившаяся Ириной девушка с указкой в руках.

Гости прошли мимо фотографий усатых мужчин в черкесках, с саблями и кинжалами в чеканных серебряных ножнах, мебельного гарнитура из чёрных инкрустированных стульев, широкого трюмо и одёжной вешалки. При этом собака обнюхала старинную мебель с большим интересом.

– Вот, пожалуйста, черепаховый браслет с серебряными драконами, – указка экскурсовода упёрлась в витрину, внутри которой отсвечивал потускневшим металлом амулет Бабы-яги.

– Какая прелесть! – Доротея облизала тонкие губы. От вожделенного магического талисмана её отделяло только тонкое стекло. – Откуда это у вас?

– Один мальчик нашёл в парке и подарил музею.

– Какая прелесть! – повторила Доротея и, не помня себя, вцепилась в витрину, пытаясь откинуть стеклянную крышку. Ирина нахмурила брови.

– Заперто на ключ, который хранится у Аллы Владимировны… пожалуйста, уберите руки, вы можете опрокинуть шкаф!

– Принесите ключ, – потребовала Доротея, вздрагивающим от нетерпения голосом, – описания такой вещички, как раз не хватает в моей научной монографии. Заодно я бы хотела и примерить украшение.

Паулина с требовательным лаем запрыгала вокруг Иры и, схватив зубами за край платья, попробовала увлечь её в кабинет руководительницы.

– Отстань! – топнула девушка на собаку и строго сказала:

– Примерять экспонаты, запрещается! Мы ещё не всё осмотрели, приглашаю вас подняться на второй этаж.

Но оторвать посетителей от витрины не удалось. Зрачки длинноносой женщины расширились, лоб покрылся испариной.

– Вам плохо?! – испугалась сотрудница музея. – Может, «скорую помощь»?!

– Да, что-то нехорошо, пожалуй, можно вызвать, – простонала Доротея и, притворно подкатив глаза, рухнула на стоящую у стены тахту.

В руках взволнованной Ирины оказался мобильник.

– Это «скорая»? Звонят из городского музея… у нас здесь женщине плохо… да, видимо, сердечный приступ. Поскорее, пожалуйста, прошу вас!

– Паулина, что стоишь? Отвлеки её! – злобно прошипела ведьма.

Собака бестолково заметалась по помещению.

Ира попыталась успокоить пучеглазую и придержала её за ошейник.

– Не переживай, сейчас прибудут врачи, твоей хозяйке станет лучше.

В момент, когда девушка занялась собакой, Доротея вскочила с тахты и с молотком в руке оказалась у витрины.

Ирина заметила этот манёвр, оставила собаку и закричала:

–– Зачем вы притащили в музей молоток?!

– Это не мой, – «гостья из Санкт-Петербурга» выронила инструмент и отряхнула ладони, – вот видите, у меня в руках ничего нет… я нашла это здесь… – её тонкий каблук поспешно задвинул молоток под тахту, после чего странная экскурсантка решительно направилась к выходу.

Ира застыла в замешательстве.

– Так, вы уходите?! А как же «скорая помощь»?!

– Мне стало лучше, обойдусь без врачей! – отрезала ведьма, продолжая движение.

По пути она что-то вполголоса сказала собаке, и та, не добежав до входной двери, вернулась, схватила зубами молоток, рукоять которого торчала из-под тахты, и, подрагивая тонким хвостом, выскочила из здания.

«Теперь мы точно знаем, что кот не соврал, браслет действительно в музее, – думала Доротея по дороге в гостиницу. – Окна на первом этаже с решётками, но на втором ничем не защищены. Это замечательно. Разводить канитель не будем, этой же ночью бабкину штучку умыкнём».

С приходом сумерек вороний гвалт опять накрыл парк, зашевелились, зашелестели верхушки деревьев, это возвратились с задания птицы, посланные на розыски Цикория. Обнаружить пса им не удалось.

Клавдия, однако, не теряла надежду и распорядилась так: половина вороньего состава, вылетает на поиски утром следующего дня, а половина остаётся в резерве, чтобы сменить своих уставших товарищей после полудня. Карканье и галдёж в парке быстро стихли, намаявшиеся воздушные разведчики отсыпались перед завтрашним днём, который, судя по всему, должен был стать не менее трудным.

31 Жиган рванул первым

Минула полночь. Было пустынно и тихо на Интернациональной улице. Тускло светили фонари. Мохнатые ели отбрасывали неровные тени на тротуар, по которому от вокзала вниз в сторону музея двигалась странная компания: женщина в комбинезоне электрика, со складной алюминиевой лестницей на плече, собачонка на длинных тоненьких ножках с выпученными марсианскими глазами и чёрно-белый кот с обкусанным правым ухом.

Доротея, вытянув шею, шла быстрыми мелкими шажками. Паулина металась по широкому тротуару и попутно обнюхивала то фундаменты домов справа, то стволы древних елей и цветочные клумбы слева. Жиган плёлся позади. Его живот перетягивал пояс электромонтажника, за который был заткнут молоток Бабы-яги.

Облака низко висели над городом. Сквозь их плотную пелену не было видно ни звёзд, ни луны. Со стороны вокзала донёсся свист последней электрички. Где-то на улице Гоголя скрипнули тормоза, и хлопнула дверца такси, высадившего запоздалого пассажира. Городок спал, и никому не было дела до странной компании.

Вот и музей. Доротея обошла вокруг здания, заметила открытую форточку на втором этаже, раздвинула лестницу и приставила к подоконнику, под её кроссовками послышалось лёгкое поскрипывание алюминиевых ступеней. Жиган, догнавший ведьму на верхней ступеньке, был прихвачен за шкирку и втиснут в форточку с напутственными словами:

– Как я тебя учила: молотком по стеклу, браслет в зубы, и шустро ко мне!

Полагая, что молоток и без всяких магических заклинаний легко разрушит хрупкую стеклянную преграду, Доротея в колдовские тонкости Жигана не посвящала.

Очутившись на втором этаже музейного помещения, кот стал осторожно спускаться вниз, на этаж первый, но на полпути вдруг остановился и затих с боязливо поднятой левой передней лапой: снизу донеслось лёгкое похрапывание. Жиган сделал ещё два коротких шажка, и увидел мужчину, спавшего в одежде на узкой музейной тахте. Рядом с охранником темнела кобура пистолета.

«Мне ещё только не хватало словить пулю между глаз!» – испугался кот, и дал такого стрекача, что тут же опять очутился на окне второго этажа.

– Где браслет?! – этим вопросом ведьма встретила выглянувшую из форточки испуганную кошачью морду.

– Там сторож с пистолетом! – просипел Жиган, будто ему сдавило горло, – пришлось срочно рвать когти.

– Что он делает?

– Кажется, спит… но в любую минуту, может… – сбивчиво начал оправдываться корноухий.

Доротея не позволила ему договорить.

– Сейчас же марш обратно, трусло паршивое!

– Не могу, – заныл кот, – он меня пристрелит!

– Лезь, я сказала, или повешу на первой же ёлке!

Жиган опять оказался на нижнем этаже. Здесь, опасливо оглянувшись на спящего охранника, бесшумно запрыгнул на витрину, расширившимися зрачками уловил слабое поблёскивание браслета и нанёс удар молотком. Стекло специальной закалки даже не треснуло, но от звука завозился на топчане и закашлялся сторож, а после второй безуспешной атаки его всклокоченная голова приподнялась над тахтой.

– Кто здесь?! – прозвучал обеспокоенный голос.

Кот, не оглядываясь, со всего размаха врезал по витрине в третий раз. Стекло опять осталось невредимым, а сторож вскочил и, увидев в полумраке силуэт кота, восседавшего с молотком на витрине, заорал громовым голосом:

– Имущество портить! Брысь! Я тебя сейчас! – и мужская рука стала лихорадочно шарить по полу. В направлении Жигана полетел тяжёлый ботинок. Он выбил из кошачьих лап молоток и угодил в висевшую на стене застеклённую фотографию атамана Терского казачьего войска генерала Колюбакина. Под звон разбитого стекла Жиган метнулся на второй этаж, вцепился когтями в плотную штору и полез по ней вверх.

– Он проснулся! – завопил кот, выпрыгивая из форточки, – чуть меня не убил, стянуть браслет не удалось!

– Молоток! – Доротея протянула открытую ладонь.

– Охранник выбил его у меня!

– Молоток, поганец, немедленно! Или я с тебя живого шкуру спущу!

Кошачий хвост опять мелькнул в форточке. На этот раз повезло, сторож рылся в кармане куртки, стараясь достать мобильник, и не заметил Жигана. Через несколько секунд морда корноухого показалась в форточке, кот держал в зубах молоток.

Ведьма выхватила колдовское оружие и, растянув тонкие губы, недобро ухмыльнулась:

– Предупреждаю, ещё раз струсишь, зубами в горло вопьюсь и высосу твою кошачью кровь до последней капельки!

Всё нутро корноухого кота задрожало от несправедливости.

«Узнала от меня про браслет и теперь вместо благодарности угрожает кровь выпить! Но я не так прост, как она думает. На талисман Бабы-яги найдутся и другие покупатели. Продам-ка я секрет Титубе!»

Тут до грабителей донёсся голос сторожа.

– Алё, полиция… я из музея звоню… у нас грабители!

Не успел охранник договорить, как на улице Интернациональной забегали голубые и красные отсветы молний патрульной машины.

Жиган рванул первым, за ним дала дёру Паулина. Доротее пришлось убегать последней.

Наряд полиции составил протокол о попытке ограбления объекта культуры и в качестве вещественного доказательства захватил с собой лестницу.

– Какая-то нелепица! – возмутился Чернов, выслушав доклад старшины Костина о ночном происшествии.

– Я, товарищ подполковник, тоже не понимаю, с какой целью нужно было высаживать кота в музейное помещение, – пожал плечами бывший десантник. – Я бы не поверил, но лестница…

– Кстати, где она?

– В коридоре осталась, не переть же её в ваш кабинет?

– Почему же не переть?! Я хотел бы взглянуть. Волоки её сюда!

32 Вызволение

На третий день пребывания на голой каменной вершине Цикорий почувствовал, что умирает. Шерсть на нём потускнела и свалялась, глаза запали и помутнели. Сгусток тупой нестерпимой боли образовался в затылке, он пульсировал и мучительными толчками отдавался в висках. Пёс поднял глаза кверху и увидел в небе над собой трёх ворон. Птицы покружились над скалой и прокаркали:

– Мы, наконец, нашли, тебя, Цикорий. Держись, тётя Клава сейчас подлетит.

После чего тройка поднялась выше и исчезла в синеве ясного осеннего небосвода.

– Пить, пить, –обессилевший пёс упал на нагретые солнцем камни и забылся тяжёлым, тревожным сном.

– Цикорий, ты живой? – раздался вдруг совсем рядом громкий сиплый голос. Воспалённые глаза приоткрылись: перед собачьей мордой, распушив хвост, восседала Клавдия. Солнечные лучи, просеянные через сизые перья, дробились и образовывали вокруг птицы радужный ореол. «Опять галлюцинации», – мелькнуло в собачьем мозгу. Чтобы прогнать кошмар, Цикорий потряс головой, но, птица не только не пропала, как зыбкое и ненадёжное видение, но и подала голос вновь:

– Есть хочешь?!

– Нет, только пить.

– Говори громче, – попросила ворона.

– Пить, пить, пить, – собрав остатки сил, прошептал пёс.

– Эх, Цикорий, всё бы для тебя сделала, но напоить не смогу… надо лететь за подмогой… Сейчас я всех своих соберу… жди! – Клавдия подпрыгнула, замахала крыльями, и тень её исчезла за чёрными скалами.

С чувством приятной сытости в желудке Хунг, вылез из своего укрытия, когда солнце уже стояло высоко над крутыми склонами долины, и только успел погрузиться в бодрящие речные струи, как его настиг раздражённый голос Титубы.

– Где ты пропадал, столько времени?!

– Я нигде не пропадал, просто горы… связь отвратительная…

– Ладно, разбор полётов потом, – перебила ведьма, – сейчас плыви вверх по речке до водопада. Слева увидишь высокую, скалу. На её вершине находится нападавший на тебя пёс. Влезь и проглоти!

– Просто сожрать этого наглеца, недостаточно, прежде чем убить, я над ним поиздеваюсь!

– Мучить или не мучить, твоё дело, но живым оттуда он выбраться не должен!

«Не дай бог, этот живоглот высматривает Цикория! – испугалась Клавдия, когда с высоты своего полёта увидела голову плывущего вверх по реке питона. Надо поторапливаться!» – птица поднялась выше и ещё энергичнее замахала крыльями.

– Он жив! Он жив! Жив! Жив! Жив! – прокаркала ворона, приземлившись на яблоне. – Шалфей, просыпайся скорее, твой друг жив!

Из полутьмы собачьей будки высунулась встрёпанная голова.

– Неужели?! Где же он?!

Клавдия вкратце описала ситуацию, упомянув и питона, которому вползти на вершину, раз плюнуть.

– Что же делать?! – пёсьи глаза страдальчески сощурились.

– Не опускать уши! Я сейчас кликну воронят. А ты обратись к людям, без их помощи не обойтись! Скорее! Счёт идёт на секунды.

Ветка, на которой сидела Клавдия, вздрогнула и опустела, а тишина над зелёным, чуть тронутым осенней желтизной парковым массивом взорвалась птичьим гомоном и хлопаньем тысяч крыльев. Словно грозовая туча надвинулась на небо, это бесчисленная воронья стая, снявшись в полном составе с макушек деревьев, устремилась в сторону гор.

Кирилл набрал на компьютере сообщение и настойчивым мяуканьем заставил заведующего аптекой подойти к ноутбуку. Алексей пробежал глазами послание и тут же позвонил начальнику городского отделения полиции.

– Знаю я эту скалу, – отозвалась трубка голосом подполковника Чернова, – на неё не всякий альпинист вскарабкается, но, боюсь, пока он это сделает, пёс совсем угаснет. Надо подключать авиацию.

– Как?!

– Очень просто! Я прозвоню начальнику аэроклуба Валерию Ивановичу, обрисую обстановку. А вы поезжайте к нему и попросите послать за псом вертолёт. Валера – мужик неплохой, кстати, бывший военный лётчик, думаю, поможет.

Алексей Петрович сделал так, как ему советовал Чернов, и через некоторое время с городского спортивного аэродрома взлетел небольшой белый вертолёт и взял курс на темнеющий на горизонте Кавказский хребет.

Одно из четырёх сидений в пассажирском салоне винтокрылой машины занимал Алексей Петрович. У него под креслом вздрагивал от вибрации чемоданчик с двумя бутылками воды и шприцами. У ног Алексея устроился взволнованный Шалфей.

– Ничего, не переживай, скоро увидимся с нашим другом, – успокаивал пса Алексей.

Тем временем Хунг доплыл до скалы, определил удобный путь к вершине и, цепляясь за каменные выступы, полез вверх.

Цикорий лежал на самом краю гранитного пятачка, его запавшие бока, с выступившими рёбрами, лихорадочно вздымались, а помутнённый разум продолжал рождать новые видения. Вот, за противоположный конец каменной площадки зацепились рваные облака с неприятными оливковыми пятнами. Они сгустились, из них выткнулся лысый змеиный череп.

К несчастью, это не было очередным наваждением. Вползающего на вершину питона, и, погибающего от жажды пса, разделяли всего лишь несколько метров.

Возникшая над краем скалы голова гигантской рептилии, повернулась к Цикорию и злорадно прошипела:

– Как трудно было до тебя добраться, но теперь ты мой, и я тебя «заласкаю» до смерти!

Цикорий не собирался отдавать свою жизнь без борьбы и попытался шагнуть навстречу грозному врагу, но ослабевшие лапы подвернулись, исхудавшая грудь ударилась об твёрдые камни, и сознание опять покинуло отважного бойца…

Хунг на треть своего длинного туловища влез на скалу и уже стал сжиматься для решительного броска, но вдруг дёрнулся от болезненного удара в затылок так, что едва не свалился вниз: это спикировала на него прилетевшая на помощь другу Клавдия.

«Кто осмелился напасть на меня?!» – хищник задрал морду и, заметив кружившую над скалой птицу, презрительно скривился: «Одна жалкая ворона – не сможет помешать королевскому питону, сделать то, что он хочет!»

Но только хищник попытался возобновить движение, как воздух задрожал от карканья тысяч глоток. Туча сизых птиц закрыла солнце, осеннее небо стало сумеречным, и гигантская воронья стая с дикими криками обрушилась на рептилию.

Птицы облепили змеиное туловище, как осы блюдце с вареньем. Чёрные клювы и острые когти рвали оливковую шкуру. Обезумевший от боли Хунг, позабыв про собаку, вертел зубастой пастью и угрожающе шипел, но, подвешенный над пропастью сбросить с себя такое количество нападавших не мог.

Неожиданно птицы испуганно загалдели, захлопали крыльями и оставили рептилию. От наступившей тишины у питона зазвенело в голове. Этот звон тут же сменился треском вертолётного двигателя, который быстро нарастал. От грохота завибрировали скалы, потоки упругих воздушных струй прижали

змеиный хвост к каменной поверхности, и Хунг увидел идеальной белизны винтокрылую машину, которая опускалась прямо на него. Истерзанное и исклёванное змеиное тело стало в панике сползать со скалы.

Пилот приземлил аппарат в центре каменной площадки и, не останавливая винтов, жестом разрешил выходить. Первым в приоткрывшуюся дверцу выпрыгнул Шалфей, который ещё с воздуха заметил лежавшего на камнях друга. Даже грохот вертолёта не смог вывести Цикория из бессознательного состояния, но несчастный сразу же очнулся, когда Шалфей лизнул его в нос. Пёс, уже смирившийся с мыслью о неизбежности гибели, приоткрыл мутные, полные тоски глаза, но, узнав побратима, радостно заморгал ими.

Подоспел Алексей Петрович, взял обессиленного Цикория на руки и бережно внёс внутрь вертолёта. Машина оторвалась от вершины. Уже в полёте заведующий аптекой, погладив собаку по исхудавшему левому бедру, привычным движением вонзил в него тонкую иглу шприца. Это было исполнено так ловко и умело, что самого укола пёс не ощутил, но что-то тёплое, расплывшееся по телу, притупило головную боль. Затем другой шприц, впрыснул в приоткрытую собачью пасть прохладную струйку воды. Проглотив её, Цикорий разомкнул веки и чуть слышно прошептал:

– Шалфей, Лёша, как хорошо, что вы…

Глаза Цикория вновь закрылись, и он, не договорив, уснул.

33 Предателю нет веры

– Так, так, – приговаривал, подполковник Чернов, водрузив очки на нос, и внимательно, сантиметр за сантиметром исследуя лестницу, – а это, что за бумаженция? – он осторожно отклеил снизу алюминиевой ступеньки белый прямоугольник со штрих-кодом. – Гм, судя по этой квитанции, лесенка была закуплена вчера в магазине «Электротовары» на Верхнем рынке.

– Как же я не увидел?! – расстроился Костин.

– Вот послужите с моё, научитесь всё подмечать… а сейчас, в магазин, установите личность покупателя!

Продавец подробно описал старшине внешность женщины, которая оплатила покупку и её доставку.

При слове «доставка» полицейский оживился.

– Адрес, пожалуйста, если можно.

– А почему нельзя?! У нас, как в аптеке, всё записано, – и пальцы продавца быстро забегали по клавишам компьютера, – вот, пожалуйста.

На мониторе высветился адрес отеля «Рио».

Ещё через сорок минут подполковник Чернов уже рассматривал доставленную Костиным из отеля Рио копию паспорта Доротеи и задумчиво хмурился.

– Ладно, – сказал сам себе начальник отделения, – неплохо бы лично познакомиться с этой музейной налётчицей!

После обеда Паулина услышала возню в коридоре, насторожилась и, когда чья-то рука подсунула под дверь тонкий синий пакет с эмблемой полиции, негромко тявкнула.

– Что там? – спросила Доротея и, увидев послание, распорядилась:

– Принеси!

Мелкие собачьи зубы впились в уголок конверта, и Паулина, выступая, как в цирке, на задних лапах, поднесла письмо и положила на круглый кофейный столик.

Повестка, подписанная подполковником Черновым, приглашала Доротею в отделение полиции для дачи свидетельских показаний о попытке хищения экспонатов из городского музея. Вместе с хозяйкой приглашались также её кот и собака.

Пальцы у ведьмы задрожали. Первой мыслью было схватить чемодан, немедленно смыться отсюда и поселиться под другим именем в каком-нибудь захолустном, затерянном в глухих лесах или в бескрайних степях местечке, но, поразмыслив, она передумала.

«Той ночью около музея меня никто не мог видеть настолько близко, чтоб под клятвой утверждать, будто это точно была я – сообразила Доротея, – значит, можно всё свалить на Титубу и, таким образом, выключить её из игры. Сделать это проще пареной репы: на допросе показать, что именно приехавшая из-за океана дрессировщица пыталась ограбить музей и заставила собаку и кота участвовать в преступной акции. У меня всего и забот-то: вкрутить в мозги Паулине и Жигану, как им следует вести себя в отделении и как отвечать на

вопросы следователей».

Ведьма выложила на пол две фотографии: свою и заокеанской родственницы и, посадив перед ними кота и собаку, принялась наставлять:

– В полиции я буду всё валить на Титубу, якобы, она принудила вас идти на воровство. Если покажут её фотографию и спросят: «эта, мол, посылала вас в музей?» гавкайте, мяукайте и кивайте изо всех сил, так, чтобы полицейским было понятно, кто грабитель. Если же представят мой портрет, то наоборот, всё отрицайте. Титубу посадят в тюрьму, а пока она будет за решёткой, мы без спешки выцарапаем браслет, выкрадем девчонку и переберёмся на остров Тьмы. За такие-то подарки Кощей осыплет нас золотом, а у него этого добра – куры не клюют, я же вдобавок получу секрет вечной молодости.

«Момент пришёл!» – решил корноухий кот. – Теперь я отыграюсь за свои унижения! Ну, Дора, ты, ещё попомнишь Жигана!» – и, отпросившись выйти из отеля, якобы на прогулку, явился к Титубе, чтобы сообщить всё, что знал о браслете.

– Теперь бабкин талисман – мой! – затанцевала от радости заокеанская ведьма. – Я знаю, где это находится, а прочность стекла, не имеет значения: Хунг или раздавит витрину или притащит мне её целиком.

Когда же Жиган поведал заокеанской ведьме о коварных намерениях Доротеи, та заскрежетала зубами от злости.

– Эта гадюка подколодная собралась доносить в полицию?! Да я её раздавлю! – ведьма засуетилась. – Ты, Жиган, пока выйди на крылечко, мне надо переговорить с Кощеем, – Титуба подождала, пока за котом плотно закроется дверь и только тогда позвонила на остров Тьмы.

– Что там у тебя Титубушка? – отозвался слабый старческий голос.

Титуба доложила Кощею об изменнических планах Доротеи и заключила:

– Я убью эту подлую тварь!

Царю нездоровилось, он провёл очередную бессонную ночь, и в момент звонка помощницы, филин, обвив чёрной манжетой дряблое предплечье, измерял старику давление. Услышав угрозу Титубы, Варлам вздрогнул, и злорадная усмешка мелькнула в его сощуренных глазах… «Ту-ту-ту», – издало сигнал измерительное устройство.

– Ого! – воскликнул царский прислужник. – Как скакнуло!

– Сколько? – обеспокоенно спросил Кощей, и голова его дёрнулась.

– Двести шестьдесят! – озабоченно сказал картограф, снимая манжету.

– То-то я и чувствуя, кровь в жилах, будто вскипает, и меня всего корёжит.

– Ну, дедуля, что мне делать!? Убивать?! – донёсся из трубки нетерпеливый голос Титубы.

– Убивай, если ты считаешь нужным, – равнодушно отозвался старик, – мне как-то не по себе сегодня, давление прыгнуло, здоровья совсем нет. Убивай.

В круглых глазах Варлама зажёгся пронзительный оранжевый огонь:

– «Наконец-то удача улыбнулась! Старика заботит только его собственное здоровье, всё остальное ему совершенно до лампочки. Мне достаточно столкнуть лбами двух ведьм так, чтобы они сгинули… а с одним-то дедом я быстро разделаюсь, как в своё время с его доченькой и зятьком. Хитрости у меня хватает, опыт есть, и ничто теперь не помешает мне стать повелителем земной нечисти!»

Ночной хищник пристроил удобнее планшет, и Доротее полетело сообщение о том, что толстогубая сестра вознамерилась её убить, и уже получила на это согласие Кощея.

Титуба начала реализацию своего коварного замысла с приказания Жигану возвращаться на жительство в отель.

– Это невозможно, – взмолился корноухий, – Доротея разнесёт молотком мне голову, если пронюхают, что я был у тебя.

– Нет, ты мне нужен там, – жёстко возразила Титуба, – будешь докладывать о каждом шорохе в их поганой норке. Зато, как только растопчу эту мерзкую парочку и исполню повеление Кощея, увезу тебя с собой в Тридевятое царство, хорошо пристрою, и будешь там как сыр в масле кататься.

Но в голове заморской ведьмы сложилось совершенно другое решение: «Предавший один раз, предаст и второй. Доносчика опасно держать при себе и лучше уничтожить вместе с Доротеей и её собакой! Как только объявится Хунг, все они получат то, что заслужили».

34 Война ведьм

После возвращения с гор, где ему так и не удалось убить Цикория, Хунг залёг в Квакушкином пруду, подкрепился двумя черепахами и с удовольствием закусил их дюжиной лягушек. Боль в израненной вороньими клювами шкуре стала стихать. Затаившись в прибрежных камышах, хищник намеревался хорошо отдохнуть после пережитых волнений, вволю накушаться рыбки и набраться сил.

Но беззаботное время продлилось недолго, и только змей положил глаз на солидного зеркального карпа, подъедавшего молодые камышовые побеги, как в его черепной коробке зазвучал строгий голос хозяйки:

– После полуночи, когда город будет спать, перебирайся к отелю Рио и затаись у главного входа.

– А как насчёт завтрака?

– Не волнуйся, там и перекусишь. Вот тебе меню: Паулина и Доротея, а также кот, которого узнаешь по таким приметам: чёрно-белой масти, с покусанным правым ухом.

Получив предупреждение Варлама о готовящемся покушении на её жизнь, Доротея решила вести себя предельно осмотрительно и активнее привлекать Жигана и Паулину к охране своей персоны.

– Нечего тебе с утра до вечера торчать в номере, – заявила она утром коту, – марш на крыльцо, дыши там свежим воздухом, заодно примечай всё вокруг отеля. Если заметишь что-либо подозрительное, сразу ко мне.

Спровадив Жигана, ведьма присела с чашкой кофе за круглый столик, но не успела сделать даже первый глоток, как её сорвал с места короткий, но полный ужаса кошачий вопль. Доротея поспешно откинула оконную штору: кота видно не было.

«Неужели это Жиган орал?! Тогда, что с ним случилось, и куда он мог подеваться?!» – не могла понять Доротея.

С котом же произошло следующее: как только корноухий очутился на гостиничном крыльце, ему послышался шорох за горшками с хризантемами, расставленными вдоль стены отеля.

«Мышь! – охотничий инстинкт заставил распрямиться кошачьи уши, мягкие лапки мигом вооружились острыми когтями, – нет, не мышь, на мышь не похоже», – огорчился кот и вдруг увидел за резными листьями и соцветиями розовых и белых цветов горящие змеиные глаза. Тут бы бежать со всех лап, но, гипноз, исходящий от рептилии, парализовал тело. Челюсти питона распахнулись, змеиное туловище распрямилось, голова с быстротой молнии прыгнула вперёд, и кот очутился в страшной пасти.

– Мя… – успел крикнуть несчастный, но и этого оказалось достаточно, чтобы насторожить Доротею.

– Паулочка, посмотри, что там с Жиганом, – распорядилась ведьма, а сама, скрывшись за шторой, стала наблюдать.

Собака появилась на крыльце, осмотрелась и, не увидев кота, стала осторожно спускаться, но как только её тонкие лапы коснулись третьей ступеньки, над крыльцом взметнулся лысый змеиный череп, и Паулина, не успев даже тявкнуть, оказалась между двумя зубастыми челюстями. Оставшийся снаружи тонкий хвостик несколько раз судорожно вздрогнул, но Хунг мотнул головой, и хвост также исчез в ненасытной утробе.

Заглотив Жигана и Паулину, питон не стал уползать от гостиничного входа и вновь схоронился за цветочными горшками.

– Ах, ты, сволочь! – воскликнула Доротея, понимая, что ненасытный хищник у дверей отеля – это и есть задуманный Титубой план убийства, о котором предупреждал филин Варлам.

Руки ведьмы затряслись, тело покрылось липким потом.

«Берегись, жердина стоеросовая! Своими подлыми кознями ты развязала самую жестокую из всех войн – войну ведьм, и получишь то, что заслужила! Трепещи, сволочь!» – разъярённая Доротея накинула на плечо сумку, сунула в неё молоток Бабы-яги и через запасной, невидимый для питона выход выскочила из отеля.

В парке у вагончика с дощечкой: «Руководитель цирка» ведьма, осторожно ступая, поднялась на крыльцо и, услышав вздрагивающий от злобы голос Титубы, остановилась.

– Нет, какова мерзавка! Сдать меня полиции, чтобы захватить браслет! – кричала та.

– Поганка, она и есть поганка, – вторил ей гнусавый бас Человека-Горы, – нечего с ней церемониться.

– Именно так я и думаю… Ты, Жорж, меня понимаешь… С котом и этой пучеглазой Хунг уже расправился. Теперь у входа в отель поджидает Дорку. Она, вероятно, почуяла неладное и носа из номера не высовывает. Если у питона всё-таки не получится, то ты, Жорж, вот что сделай… – далее дрессировщица понизила голос, и Доротея нескольких фраз не расслышала.

– А потом мешок на голову, кирпич к ногам и в Квакушкин пруд, – пробасил Человек-Гора.

– Молодец, хорошо соображаешь, так и сделай! – похвалила силача Титуба.

«Это же они про меня, сволочи, судачат! Сейчас я им устрою «мешок на голову и кирпич к ногам!» – большой палец Доротеи лёг на помело на ручке бабкиного молотка, губы шепнули: «бурнус, тунгус, буртуз», и от удара ведьминой ноги распахнулась дверь.

«Ти-у», – издал писклявый звук планшет картографа, просигналив Варламу, что обе ведьмы оказались в одном помещении. «Началось!» – обрадовался филин, воровато оглянулся на Кощея, сонно клевавшего носом на троне, и с устройством в клюве вылетел наружу.

Интриган пристроил планшет между стволом и жёсткими листьями кокосовой пальмы и уставился на картинку. Титуба, положив ногу на ногу, сидела в кресле с чашкой кофе. Человек-Гора, склонившись над блюдом с тортом в шоколадной глазури, готовился его разрезать, но широкий нож выпал у него из рук, когда в вагончик влетела взбешённая Доротея. Силач выпучил глаза, и, схватив торт двумя лапищами, нечаянно проглотил целиком.

– Приятного аппетита! – закричала незваная гостья с порога. – Сейчас я вам его испорчу! Как вы посмели убить Паулину и Жигана!

– Мы здесь не причём… – залепетала Титуба и поставила недопитую кофейную чашку на столик.

– Не пудри мне мозги, я сама видела, как твой живоглот на моих глазах сожрал Паулину и Жигана!

– Хунг, наверное, сам…

– Он без тебя никогда бы на это не пошёл! – взвизгнула Доротея. – Я слышала ваш разговор, знаю правду, и ты за всё заплатишь!

– Да, как ты смеешь! – задохнулась от злости Титуба и ткнула рукой в сторону Громилы. – Оторви ей голову, Жорж!

Заскрипели полы, вздрогнул вагончик, Человек-Гора, растопырив обе руки и ссутулившись, сделал шаг по направлению к Доротее.

– Стоп! – та замахнулась на циркача молотком. – Только попробуй! Ещё шаг, и я снесу твою безмозглую башку!

Бросив быстрый взгляд на молоток, гигант побледнел и остановился. Титуба же отскочила к стенке, выставила перед собой чёрные ногти, растопырила пальцы и, потрясая ими, завопила:

– Не подходи! Ты знаешь, чем это пахнет!

Отражённые от длинных острых ногтей зловещие отблески забегали по стенам. Но даже угроза смерти не могла остановить разъярённую Доротею. Забыв об опасности, она ринулась на соперницу, но та успела вонзить ей в щёку ядовитые ногти. На губах незваной гостьи выступила кровавая пена, по лицу побежали судороги.

– Вот так, тебе, тварь подлая! – Титуба опустила руки, полагая, что с соперницей покончено.

Но заокеанская ведьма ошиблась. Спазмы на миг оставили Доротею, она сделала два поспешных шага вперёд, и от удара страшного молотка Титуба, как куль с песком свалилась на пол. Из раны на лбу хлынула кровь густого угольного цвета, которая тут же превратилась в огненный ручей. Языки пламени, быстро расползаясь по деревянным полам, стали жадно облизывать тела обеих ведьм.

Жорж рванулся, было, к выходу, но куда там! Бушующая огненная стена преградила ему путь. Пламя вырвалось наружу, загорелись стены вагончика, от жара стали с треском коробиться листы железной кровли. Гудящий факел расширился, вырос. С грохотом взорвался газовый баллон на крохотной кухоньке, туча мелких искр брызнула вверх, и столб чёрного дыма поднялся над вершинами деревьев. Стены вагончика сложились.

Под завывания сирен, блистая сигнальными огнями, примчались две пожарные машины. Борцы с огнём не дали пламени распространиться на соседние строения, но ни потоки воды из брандспойтов, ни пенные струи огнетушителей не смогли погасить исходный очаг. Вагончик догорел дотла, оставив после себя

овальное чёрное пятно, да груду искорёженных, оплавленных огнём листов жести. Тела Титубы, Доротеи и Жоржа сгорели в пепел.

Филин торжествующе запрыгал на пальме.

– Пошло дело и неплохо! Теперь, дед, держись! Твоим ведьмам конец, и я теперь с тобой один на один!

Соня слышала вой пожарных машин, ощущала запах гари, доносившийся с места, где размещался заморский цирк, однако она даже не подняла голову от альбома, так была захвачена новой работой, рекомендованной ей вороной Клавдией.

Кирилл подробно описал дворец повелителя земной нечисти, внешность Кощея и Варлама. Рисовалось очень легко, остро заточенный карандаш, будто сам тянул за собой Сонины пальчики. На страничке появился громадный зал. Резной позолоченный трон, на нём дремлющий старик в золотой короне, тумба перед ним с кнопками красного и зелёного цвета,, левее глобус размером в человеческий рост, восседающий на нём филин.

Ночной хищник неотступно глядел на кнопки на тумбе, словно хотел в них высмотреть что-то чрезвычайно важное.

Художница отодвинула рисунок и словила себя на мысли, что опять, как и в прошлый раз, картинку ей надиктовал кто-то свыше. Изображение получилось чересчур мрачным и, хотя она рисовала только простым карандашом, глаза филина загорелись зловещим оранжевым цветом, а кнопки, на которые пялился ночной разбойник, засветились одна красным, а другая зелёным цветом.

35 Кощею жить надоело, а остальным – не обязательно

Когда Кощей очнулся от дрёмы, филин, как обычно, сидел, нахохлившись, на глобусе. Царь кашлянул и пожаловался:

– Опять с чего-то болотная хворь разыгралась. Натри-ка мне правую коленку бабкиным снадобьем. Ноет проклятая, сил нет терпеть.

Филин, задрав царю штанину, стал втирать в старческий сустав какой-то тёмно-зелёный настой, пахнущий еловой хвоей.

Кощей, чувствуя, как тепло, разливаясь по колену, притупляет боль, расслабился и впал в философское настроение.

– Вот, ты мне давеча говорил, Варлам, что у меня мало радости осталось в жизни. Я на тебя даже окрысился тогда. Помнишь?

– Что-то припоминаю, – равнодушно отозвался филин, хотя внутри у него всё закипело. «Это же надо, обозвал «бестолковым чудом в перьях», у которого, мол, голова мхом забита! А у меня мозги варят, ещё, как варят. И я сегодня же это тебе докажу!»

Кощей, тем временем, продолжал свои рассуждения.

– Хотя, если здраво помыслить, насчёт того, что дальше будет хуже, ты прав, башка-то у меня совсем дырявая стала… как звать самого себя иногда не помню. Мне эта жизнь осточертела, а планета опостылела. И я про себя решил, как заполучу браслет, испепелю Землю к чертям собачьим! Сделаю вот так: Кощей потянулся к глобусу, распростёр над ним скрюченные пальцы и дохнул. Шар налился алым светом, тёмно-багровые языки пламени заплясали, облизывая его со всех сторон.

– Ты чего, дедуля?! – воскликнул филин. – Тогда же погибнут все!

– Ну, а мне, Кощею, что от этого?! – пожал старик плечами. –Мне жить надоело, а остальным – не обязательно!

От такого откровения всё внутри ночного разбойника вскипело.

«Нет, старый хрыч, такому не бывать! – подумал Варлам. – Раз ты устал от жизни уходи, тебе помогу, но я хочу ещё порадоваться!»

Как только Кощей отлучился из зала, кривоносый снялся с глобуса, перелетел на резную тумбу, поменял местами подставки с кнопками и захохотал леденящим душу смехом:

– А теперь, старый поганец, читай в своей книжке!

36 Опасная рыбалка

Уже на следующий день после пожара мощные тягачи, урча и напрягаясь, освободили парк от временных сооружений. Сдулся цирковой шатёр, перестали мозолить глаза вагончики, остатки заокеанской труппы вместе с дрессированными животными покинули Городок. Питона в числе отъехавших не было, и полиция объявила рептилию в розыск. По местному радио постоянно передавались призывы к горожанам быть предельно осторожными, не оставлять без присмотра детей и домашних животных. Подобные предупреждения были также направлены на телефонные номера жителей.

– Что будешь делать в субботу? – спросил Алексей Петрович, встретив Юрку на улице.

– Порыбачу на Квакушкином пруду скорее всего.

– Знаешь, время такое… я бы на твоём месте пока воздержался от рыбалки.

– На питона намекаете? Ничего он мне не сделает!

– Я надеюсь, но знаешь, если пойдёшь, возьми на всякий случай с собой Шалфея и Цикория, и тебе веселей, и ребята на пруду уже давно не бывали.

– С удовольствием, – просиял Юрка, – я выхожу обычно в шесть утра.

Перед сном пятиклассник развернул последний номер «Кавказской здравницы» и вздрогнул: на второй странице газеты бросалась в глаза фотография питона, поедающего аллигатора. Змей начал заглатывать жертву с хвоста. Обречённый хищник, половина тела которого уже провалилась в широко распахнутую змеиную пасть, испуганно разевал зубастые челюсти, будто звал маму, но та, ясное дело, ему помочь уже ничем не могла. Это был тот самый снимок, о котором говорила на зоологическом кружке Лидия Васильевна. Здесь же под заголовком «Гигантские рептилии кошмарят Флориду» помещалась и статья, которую зоологичке заказывала газета.

В своём материале учительница прокомментировала распространившееся в соцсетях заявление одного состоятельного горожанина, выразившего желание, в случае поимки, принять беглого питона к себе «на перевоспитание». Лидия Васильевна утверждала, что сделать из этого хищника «друга человека», как, например, из собаки, невозможно. Если прожорливая рептилия оказывается в кругу людей, пусть даже всячески показывающих ей дружелюбное отношение,

она, повинуясь природным инстинктам, рассматривает своих кормильцев в качестве потенциальной пищи. Как бы кто ни баловал крупного змея, риски быть съеденным или задушенным им всегда остаются.

Лидия Васильевна также предупреждала, что проявившееся в последнее время у сверхбогатых россиян увлечение питонами, как домашними животными, представляет серьёзную угрозу для природной среды. В качестве примера учительница приводила катастрофические последствия заселения питонами знаменитого национального парка в американском штате Флорида, где, как утверждалось, в настоящее время обитает уже свыше ста тысяч гигантских рептилий.

– Вот так штука: сто тысяч питонов! У нас всего один завёлся и сколько шороху наделал! А если в наши края переселятся хотя бы десять тысяч?!

Юрка прикрыл глаза ладонями и вообразил захваченную питонами на городском вокзале пригородную электричку: из каждого окна, торчало по пять-шесть, а из открытых дверей по целому букету злорадно скалящихся змеиных морд. С вокзальной платформы как ветром сдуло всех ожидающих, только начальник станции не покинул перрон. Дрожащей рукой маленький усатый железнодорожник в служебной форме поднял револьвер и выстрелил в сплетение змеиных тел. В ответ на жалкий пистолетный хлопок, из окна электрички выкатилась крупная рептилия, сбила стрелявшего с ног и сдавила его тщедушное тело мощными кольцами. Ноги уважаемого руководителя зашлись в судорожных движениях, будто пытались делать упражнение «велосипед», но очень быстро угомонились. Покатилась по пыльной платформе фуражка с красным верхом и чёрным лаковым козырьком. Какой-то змеёныш-подросток, вывалившись из вагона, напялил на себя официальный головной убор и стал кривляться, пародируя последние нервные содрогания погибшего героя.

Это страшное, леденящее сердце видение, долго ещё стояло перед Юркиными глазами и не давало уснуть. Сон сморил мальчишку только под утро, а без пятнадцати шесть сработал будильник: смартфон разразился футбольным маршем. Бодрящая мелодия звучала всё громче, требуя скорого подъёма, и напоминала, что сегодня в шестнадцать часов команда «Костёр», в которой Юрка является вратарём, будет играть с «Востоком» – сильнейшей детской командой города.

Сквозь раздвинутые шторы, в комнату вошло солнечное осеннее утро. Когда же, сонно позёвывая, мальчишка вышел на крыльцо, Цикорий и Шалфей, нетерпеливо топтавшиеся у калитки, стали с радостным лаем кругами носиться по улице.

На пруду пятиклассник закинул удочку и, усевшись на складную скамеечку, задремал. Две волнующие его душу темы переплелись и не отпускали во сне: беглый питон и предстоящая игра. Ему привиделось, будто он, стоя на линии ворот, услышал над собой какой-то шорох. Юрка поднял голову: по верхней перекладине с очень заинтересованным видом полз гигантский питон. Пасть любопытного хищника была приоткрыта, а глаза в поисках впечатлений бегали туда-сюда. затем нацелились на новенькие вратарские рукавицы.

– Ну, что уставился?! – недовольно спросил Юрка, – перчаток что ли не видел?!

В ответ змей даже бровью не повёл.

Это был странный сон, Юрка наблюдал за происходящим одновременно и как вратарь, и как зритель, устроившийся на верхнем ряду западной трибуны.

В метрах восемнадцати от ворот защитник Юркиной команды «Костёр» сбил соперника: свисток судьи, жёлтая карточка, и мяч на месте нарушения… Нападающий противника Сашка Будкин разбежался… удар! В этот самый момент, когда вратарь должен полностью сосредоточиться на прыжке, подлый змей издал короткое шипение. Юрка от неожиданности дёрнулся обернулся к верхней штанге и только краем глаза увидел мяч, летящий в верхний в верхний угол, распластался в прыжке, но куда там! Слишком поздно! Прыжок получился неловким, лицом не к мячу, а к своим воротам. По Юркиному телу пробежали колючие мурашки: пропустил! Но, фантастика, мяч в сетку не влетел, а попал в широко раскрытую змеиная пасть. Зубастые челюсти рептилии сомкнулись, мяч, издав жалобное шипение, потерял форму и превратился в смятую кожаную лепёшку.

Питон с выражением отвращения на морде потряс загубленным спортивным снарядом, и, не найдя в нём ничего аппетитного, выплюнул. Сдувшийся бесформенный комок ударился о спину вратаря и упал за линией ворот. Судья засвистел и показал на центр поля. Гол засчитан! К арбитру подскочил багровый от возмущения тренер «Костра» Плотников и потребовал отменить несправедливое решение.

– Этот гол нельзя засчитывать! – махал он руками и теснил арбитра, наступая ему на бутсы.

Между судьёй и Плотниковым вклинился наставник «Востока» Телиев.

– Это был честный гол! – кричал Телиев, одной рукой ласково, но жёстко обнимая арбитра, а локтем другой отпихивая тренера «Костра». – Мяч шёл точно в

«девятку», и влетел бы, если бы змей не прокусил!

– Уберите от меня руки! – кричал арбитр, вытаскивая из кармана красную карточку и показывая её поочерёдно обоим спорщикам. Затем он переместился поближе к гигантской рептилии и с криком:

– Я вас удаляю! – ткнул карточкой в свесившуюся с верхней перекладины змеиную морду.

Питон с наказанием не согласился, сполз с ворот и стал, надвигаться на арбитра, упрямо настаивая на отмене удаления и назначении пенальти. Для змея, судя по всему, было неважно в какие ворота, но пенальти! Не добившись уступок, бессовестный вымогатель переместился к краю поля, обвил хвостом, вырвал из гнезда угловой флажок и стал крушить его об зелёный газон. Когда эта идиотская акция протеста не принесла результата, хулиган опять вернулся к воротам, зарычал, как собака, и на виду у всего стадиона стал зубами стаскивать с вратаря трусы. Такого унижения Юрка перенести не мог и проснулся.

Никакого змея пятиклассник, слава богу, не увидел: его джинсы теребил Шалфей, а рычал, приоткрыв пасть, Цикорий. Собакам было отчего волноваться – поплавок выделывал на поверхности пруда странный танец, от которого по воде шла мелкая рябь. Вдруг, Цикорий присел от волнения на задние лапы, а Шалфей нервно гавкнул: поплавок ушёл под воду. Юрка рванул удилище, и небольшой серебристый карась, забился на траве.

– Молодцы, ребята! – похвалил мальчик своих друзей.

Рыбка была снята с крючка и брошена в ведёрко.

Этот успех, словно опьянил Цикория, который с весёлым лаем помчался по земляной плотине к уткам, отдыхавшим на противоположном берегу пруда. Птицы с недовольным кряканьем попрыгали в воду и выплыли на середину заболоченного водоёма, а пёс с видом героя, исполнившего свой долг, вернулся обратно.

Вдруг одна из уток, оказавшаяся ближе к камышам, отчаянно крякнула и в тот же момент, внезапно, будто её снизу зацепило канатом, ушла под воду. На том месте, где птица только что плавала, с громким плеском взорвался водяной пузырь, и мелькнул толстый змеиный хвост. Псы яростно залаяли.

– Хунг, сволочь, – воскликнул Юрка, – он здесь!

Тревожно захлопали крылья, послышалось испуганное кряканье, утиная стая взлетела и пропала за садом.

– Я ему сейчас покажу! – Цикорий зарычал и метнулся к воде.

– Цик, стой! – не своим голосом заорал Юрка.

Шалфей бросился наперерез, грудью сбил не в меру горячего друга и двумя лапами прижал к земле.

Подоспевший мальчишка прихватил Цикория на поводок:

– Не надо соваться в пруд! Тявкнуть не успеешь, как змей тебя проглотит. Сделаем по-другому, – Юрка достал из кармана мобильник и набрал номер срочного вызова полиции.

Подполковник Чернов одобрил план операции, предложенный старшим лейтенантом Ершовым. В полусотне шагов от затянутого зелёной ряской водоёма к стволу черешни привязали длиннобородого козла. Наряд из шести вооружённых полицейских замаскировался в малиннике поблизости.

Схема сработала, и бородатый не подвёл. Истошный козлиный вопль поднял участников операции около двух часов ночи. Осветительные ракеты взорвали темноту. Выползший из пруда прожорливый гад оказался на виду. Бойцы навалились на него вшестером, затянули пасть петлёй, подняли бьющееся тело, чертыхаясь и спотыкаясь, донесли до автозака, скрутили, на манер пожарного рукава и впихнули в зарешёченный отсек для перевозки преступников.

– Тяжёлый чёрт оказался, – посетовал старший лейтенант Ершов, докладывая Чернову о задержании беглеца, – пришлось помучиться.

– Зато теперь город может спать спокойно, – отозвался на это начальник, – молодцы! А вам моя персональная благодарность, – он вышел из-за стола и пожал офицеру руку.

– Я – что? – смутился Ершов. – Мальчишку, первым заметившего бандита, надо благодарить и собак, которые с ним были.

– Я позвоню в газету, пусть напишут о героях, думаю, школьнику будет приятно.

Начальник отделения обещание исполнил, и газета «Кавказская здравница» в своём очередном номере поместила статью о задержании опасного хищника, благодаря бдительности и исключительной храбрости ученика пятого класса и

двух псов.

– Интересный всё-таки парень, этот Юрка, наши собаки вообще души в нём не чают, – заметил Алексей Петрович, – сворачивая газету и усаживаясь за стол, на котором был расставлен чайный сервис, – полиция целую неделю маялась и не могла обнаружить бандита, а он взял, да и нашёл.

Виктория Львовна налила в свою чашку заварки, переставила чайник мужу и пожала плечами.

– Ничего удивительного я в этом не вижу, просто Юрий, находясь на берегу пруда, случайно увидел, как змей всплыл на поверхность, и поднял тревогу.

– А что в нём интересного, в этом Юрке?! – вставила Соня. – Уши большие, и нос в конопушках. – Сказав так, девочка положила себе варенья, и щёки у неё почему-то покраснели.

Тут кот Кирилл мяукнул с кресла так, что даже не знающим кошачьего языка было понятно, что он не согласен с ни Викторией, ни с Соней и полностью разделяет точку зрения Алексея Петровича.

37 Конец небывалого государства

Этим утром солнце над островом Тьмы пекло, как безумное, крыша Престольного дворца раскалилась, разогревшиеся стены стали излучать тепло, словно радиаторы водяного отопления. Духота повисла в воздухе, заполонила все помещения, а с востока на клочок суши стала надвигаться громадная чёрная туча. Кощей плохо спал ночью и явился в подсвеченный зловещим оранжевым сиянием тронный зал, минут на сорок позже обычного.

Филин, увидев правителя, сорвался с глобуса, взлетел под потолок и, опять уселся на прежнем месте:

– Что-то ты припозднился царь-батюшка?

– О-хо-хо, спасибо небесам, что хоть дошёл. Ноги, руки ломит, в ушах зудит, будто с вечера в них рой мух загнали.

– Так и сидел бы в своей опочивальне, – отозвался Варлам, – можно подумать, что тебя кто на работу гонит!

– Никто не гонит, но делов накопилось много. Да ещё эта Титуба на связь не выходи… беспокойно как-то.

Филин нервно вздыбил перья, но ничего не сказал. На негнущихся ногах Кощей направился к тумбе с кнопками, насадил на нос очки, вытащил из кармана записную книжку, открыл и прочитал вслух:

– Нажать зелёную, справа!

Рука Кощея поднялась над резной тумбой и в замешательстве остановилась.

– Глаза цветов не различают, какую кнопку давить?

– Что тут думать?! – филин возбуждённо захлопал крыльями, вытянул шею и застыл, сосредоточенно уставившись на морщинистые руки.

– Жми, как написано! Написано «справа», так и делай!

– Боязно, как-то.

– Чего тебе бояться?! Ты же царь, жми, и все дела! Жми!

– Эх, была, не была! – вскричал Кощей и указательным пальцем нажал правую кнопку. В ту же секунду зал осветился вспышкой молнии, и грозный рокот прокатился над высокой крышей. Повелитель всей земной нечисти задрожал и почувствовал необыкновенную слабость.

– Что со мной?!

Филин, увидев, как побледнело и страдальчески сморщилось лицо правителя, злорадно закричал:

– Ты, Кощей, перепутал кнопки и утратил бессмертие. Теперь ты обыкновенный старик, которого лишить жизни может любой, но тебя отправлю на корм рыбам я… угроблю и усядусь на твой престол! – пернатый подлетел к царю и клюнул в висок. Дряблое старческое тело обмякло и рухнуло на мраморный пол.

Ещё одна ослепительная молния, разрезала чёрное небо. Огненное остриё вонзилось в островерхую крышу дворца, тяжёлые стропила с грохотом обрушились внутрь помещения и погребли под собой останки повелителя всей земной нечисти.

Филин тоже свалился на пол, и был завален осколками битого кирпича. Когда же интриган выбрался из-под мусора, голова его тряслась, взъерошенные перья торчали в разные стороны. Да, совсем не так представлялся Варламу первый

день царствования.

Громовые раскаты стали непрерывно сотрясать землю, налетевший ветер начал бешено раскачивать вершины пальм. На землю полетели сломанные ветки. Косые струи дождя обрушились на дворец, вспенили поверхность океана, ослепительные огненные стрелы стали с оглушительным треском врезаться в вековые деревья.

От удара молнии в щепки разлетелся шкаф, в котором Кощей хранил запасы смерчей. Сотни упаковок разных форм, цветов и размеров, разметало по полу, из них стали выползать и кружиться белёсые струйки зарождающихся вихрей. Один такой поток подхватил филина и, раскрутив, с размаху шмякнул об высокую спинку трона. После этого удара пронзительные оранжевые глаза ночного разбойника закрылись, чтобы больше уже никогда не открываться.

Стремительно набиравшим силу воздушным воронкам стало тесно кружиться в ограниченном пространстве. Громыхнуло в центре, затем у одного края царских хором, у другого, и вдруг в один момент всё величественное сооружение развалилось, как карточный домик.

Под грозный шум ливня в недрах мрачного неба зародился огненный шар, пронёсся над волнами и с громоподобным стоном врезался в бездонную пучину. Содрогнулся тысячи лет дремавший на океанском дне вулкан, извергнутая им раскалённая лава взметнула в небо потоки чёрного пепла и облака клубящегося пара. Океанские воды вздулись, и волна высотой с многоэтажный дом, сметая всё на своём пути, прокатилась через остров Тьмы.

Тридевятого царства не стало, будто и не было. Сгинул царь Кощей, ушли в небытие подлые ведьмы Титуба и Доротея. В грязной луже мокло под дождём недвижное тело филина, размечтавшегося, было, завладеть короной повелителя земной нечисти.

О катастрофе на острове Тьмы, сообщали радио и телеканалы всех стран мира, в интернете поместили спутниковые снимки, показывающие, что стало с этим клочком земли. Учёные разных стран спорили о природе странных гигантских смерчей, почти одномоментно разбежавшихся от острова в разные стороны, но к единому мнению так и не пришли.

Ворона Клавдия с очередным номером «Кавказской здравницы» в клюве прилетела к Шалфею и Цикорию, бросила газету на скамейку и закаркала:

Всё произошло так, как я вам и говорила. Нечисть она и есть нечисть, и как бы ни корчилась, как бы ни пыжилась, ничего дельного сотворить не может. В самой её природе заложено свойство пожирать самоё себя!

38 Вместо эпилога

Виктория Львовна дорисовала портрет кота Кирилла, а Алексей Петрович вывесил его на стене в гостиной.

Ну, как, похож? спросила художница мужа.

Как две капли воды.

Я так старалась передать характер, выписывала выражение глаз; каждую шерстинку. Тебе нравится?

Алексей замялся.

Да, конечно, кот хорош, но…

Причём здесь «но»? Виктория ревниво покосилась на мужа.

Знаешь, как-то не совсем справедливо получается. Почему один Кирилл?! Всему Городку известно, что Шалфей с Цикорием помогли полиции задержать опасного питона, а Цикорий, которого смерч занёс на вершину неприступной скалы, едва не погиб, Наши псы настоящие герои. А Кирилл что? У него только хвост пушистый, а за этим хвостом особых заслуг не числится. Симпатичный, умный, ласковый, но ведь он за всю свою жизнь ни одной мыши не словил! Почему же, спрашивается, портрет только ему одному?!

Виктория Львовна недовольно поморщилась.

Лёша, ты не понимаешь. Живопись процесс творческий. Мне пришла идея, я её отобразила.

Это хорошо, но, согласись, не совсем справедливо.

Всеобщей справедливости не бывает! Как бы я ни старалась, изобразить всех невозможно, всё равно кто-то останется обиженным. Но я тебя поняла и посоветую Соне нарисовать групповой портрет наших питомцев.

Соне предложение понравилось, она тут же сделала эскиз будущей работы и показала его Кириллу, Шалфею и Цикорию. На рисунке кот сидел на скамейке, а псы лежали на траве перед ней.

Отличная идея нарисовать нас всех вместе! мяукнул Кирилл. Мне, по правде сказать, было даже как-то неловко за то, что Вика сделала только мой портрет. А, ты, Цик, чем недоволен? – спросил кот, заметив нахмуренные брови Цикория

На картине должна быть Клава!

Соня хочет изобразить домашних питомцев, а Клавдия к их числу не относится.

А, мне всё равно, какая Клава птица домашняя или дикая. Я точно знаю: она спасла мне жизнь, и я против любого рисунка со мной, но без Клавы! с досадой прорычал Цикорий.

Друга поддержал Шалфей.

Цик прав, нельзя забывать добро, которое для нас сделали. Ты, это, Кирюша, напиши Соне, пусть всё-таки поместит на картинке нашу общую подругу тем более, что ворона помогала также высвобождать и саму Соню из лап Громилы. А без Клавиной подмоги, мы с Юркой с этим делом, наверняка, не справились бы.

Соня выполнила пожелание Цикория и добавила в картину ещё один персонаж. На завершённой картине Клавдия сидит на спинке скамейки и держит в клюве сухарь.

Совершенно неожиданно для одноклассников Юрка получил пятёрку на уроке истории. Он так здорово рассказал о победах Александра Македонского над персидским царём Дарием, что Мария Михайловна только головой покачала.

Вот умеешь же, когда захочешь! Молодец! Ответил на отлично, но за старые проколы снижаю тебе оценку на балл. Хотя, этот минус можно преодолеть, если ответишь на каверзный вопрос любого из твоих товарищей по классу. Поясняю: ответ зачтётся, если вопрос будет непростым. Кто хочет помочь Юрию?

Взметнулся лес рук. Учительница показала пальцем на Лукову:

Задавай, Надя.

Отвечающий у доски напрягся, понимая, что от отличницы Луковой можно получить очень неприятный вопрос.

Как звали любимого коня Александра Македонского, и чего больше всего боялся этот бесстрашный скакун, спросила девочка и, гордо улыбнувшись, села.

Хм, ничего, облегчённо вздохнул мальчик, я про это читал. Любимого коня великого полководца звали Буцефал, он очень храбро вёл себя в сражениях, но,

как говорят, пугался собственной тени.

После пятёрки по истории, Юрий получил пятёрку по литературе за выразительное чтение басни Крылова «Ворона и лисица», две четвёрки по математике. В отличники не выбился, но к концу первого полугодия уверенно вошёл в число хороших учеников.

Черепаховый браслет с серебряными драконами хранится в городском музее. Он всё также в зале на первом этаже, в той же витрине, защищённой небьющимся стеклом. Алла Владимировна поместила рядом с украшением латунную табличку, в которой написано кем, когда и где был найден браслет, сказано несколько благодарственных слов в адрес ученика школы номер один Юрия Куклина.

Теперь, согласно указанию подполковника Чернова, за талисманом Бабы-яги присматривает видеокамера, «картинка» с которой круглые сутки светится на мониторе дежурного по городскому отделению полиции.

Хунга не стали передавать «на перевоспитание» местному богатею. Бывший цирковой артист перекочевал в террариум Московского зоопарка. Нельзя сказать, что ему там нравится. Да, конечно, в своём просторном вольере он в тепле и в относительной сытости. Кормят четыре раза в месяц, что для питона вполне приемлемо, но диета грешит однообразием: кролика дают только под Новый год, изредка цыплят, а так в основном мороженых крыс. «Сам бы ты их ел!» – мстительно думает змей, глядя на рабочего зоопарка, который каждый вторник забрасывает ему в кормушку недельную порцию из шести заиндевелых грызунов. Но что делать, если другой еды нет? Змей наклоняет пасть к кормушке и поочередно заглатывает всех шестерых.

Ещё Хунг терпеть не может школьные каникулы. Казалось бы, какое дело оливковой рептилии до этих самых каникул? А дело оказывается есть. В каникулярные дни в зоопарке много детских экскурсий, и атмосфера для пожилого питона становится невыносимо шумной. Тогда змей прячется позади замшелого пня, установленного в вольере, кладёт на трухлявую корягу плоскую лысую голову и с притворным равнодушием следит за экскурсантами. Если бы ему дали волю, он передушил бы их всех, но волю ему, конечно, никто не даст.